

Научный журнал "Известия Восточного института" является преемником одноимённого периодического издания, первый выпуск которого вышел в свет в 1900 г. Издание возобновлено в 1994 г. До 2011 г. журнал выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета". Периодичность издания – четыре раза в год. ISSN 2542-1611. Индекс 42398.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет". Адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. Публикации "Известий Восточного института" фиксируются в международной базе данных CrossRef, поддерживаемой Агентством регистрации Цифровых Идентификаторов Объекта (Digital Object Identifier – DOI). Префикс DOI: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>.

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Научный журнал "Известия Восточного института" посвящён проблемам международных отношений, регионоведения и страноведения АТР. Приоритетными темами для журнала являются особенности развития азиатских и тихоокеанских стран (прежде всего, Восточной, Южной и Центральной Азии), история и настоящее Восточной Сибири и Дальнего Востока России.

К публикации в журнале принимаются статьи и научные материалы преподавателей и сотрудников ДВФУ, других образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежных стран, а также всех заинтересованных и компетентных исследователей.

Выпуски журнала включают следующие основные рубрики:

"История"
"Литературоведение"
"Лингвистика"
"Политика"
"Архив"
"Рецензии"
"Научная жизнь"

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Известия Восточного института", соответствует следующим группам научных специальностей:

03.00.00 История. Исторические науки;
10.01.00 Литературоведение;
10.02.00 Языкознание;
11.00.00 Политика. Политические науки.

Журнал "Известия Восточного института" входит в список рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.02 Отечественная история (исторические науки),
07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки),
07.00.15 История международных отношений и внешней политики (исторические науки),
10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки),
10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки),
23.00.02 Политические институты, процессы и технологии (политические науки),
23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки).

Адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Сайт журнала: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Журнал отпечатан в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета.

Адрес: 690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

Тираж 100 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Дмитриева Марина Олеговна, канд. полит. наук,
доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционный совет

Азизян Рубен Михайлович, канд. ист. наук, директор Центра исследований обороны и безопасности Университета Мэсси, Новая Зеландия.

Араи Хирофуми, старший научный сотрудник Института экономических исследований Северо-Восточной Азии (ERINA), г. Ниигата, Япония.

Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор геогр. наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович, доктор юрид. наук, профессор, г. Владивосток, Россия.

Ларин Виктор Лаврентьевич, академик РАН, доктор ист. наук, заведующий Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Прошина Зоя Григорьевна, доктор филол. наук, профессор факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Сунь Юйхуа, доктор пед. наук, советник ректора Даляньского университета иностранных языков, г. Далянь, КНР.

Фудзимото Вакио, доктор ист. наук, ректор Осацкого университета экономики и права, почётный профессор Осацкого государственного университета, почётный доктор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Осака, Япония.

Хаматова Анна Александровна, канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Бутенина Евгения Михайловна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Ващук Ангелина Сергеевна, доктор ист. наук, заведующая отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Вольтчук Андрей Борисович, доктор полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений и региональной безопасности Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Демьяненко Александр Николаевич, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Дударёнок Светлана Михайловна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, профессор кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета, г. Иркутск, г. Томск, Россия.

Завьялов Виктор Николаевич, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия.

Завьялова Ольга Исааковна, доктор филол. наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, Россия.

Золотухин Иван Николаевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Иванов Сергей Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Изотов Дмитрий Александрович, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Караман Вадим Николаевич, канд. ист. наук, ведущий библиотекарь Музея истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева, г. Владивосток, Россия.

Кейдун Ирина Борисовна, доктор филос. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Киреев Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ (ответственный редактор), г. Владивосток, Россия.

Кожевников Владимир Васильевич, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Козлов Леонид Евгеньевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Колотов Владимир Николаевич, доктор ист. наук, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института Хо Ши Мина, г. Санкт-Петербург, Россия.

Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Ловцевич Галина Николаевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Лукин Артём Леонидович, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент

кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ (зам. главного редактора), г. Владивосток, Россия.

Моргун Зоя Фёдоровна, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Мошков Анатолий Владимирович, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Николаева Ольга Васильевна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Первушина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Песцов Сергей Константинович, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Поправко Елена Александровна, доктор ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин "Военной академии материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулёва" Минобороны РФ, г. Санкт-Петербург, Россия.

Савченко Анатолий Евгеньевич, канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Сбоев Александр Николаевич, канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Севастьянов Сергей Витальевич, доктор полит. наук, профессор департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", г. Санкт-Петербург, Россия.

Соколовский Александр Яковлевич, канд. филол. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филол. наук, заведующий кафедрой китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Терехова Евгения Викторовна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой иностранных языков Национального научного центра морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Толстокулаков Игорь Анатольевич, доктор ист. наук, профессор кафедры корееведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Цветов Петр Юрьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ, г. Москва, Россия.

Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Щукина Дарья Алексеевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой русского языка и литературы Санкт-Петербургского горного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

The academic journal "Oriental Institute Journal" is the successor to the eponymously named periodical, the first issue of which was released in 1900. Publishing was resumed in 1994. Until 2011, the journal was published under the name "Izvestia of the Oriental Institute of the Far Eastern State University". The frequency of publication is four times per year. ISSN 2542-1611. Subscription index – 42398.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Registration certificate – PI № FS77–36364 dated May 20, 2009.

Founder and publisher: Federal state autonomous educational institution higher education "Far Eastern Federal University". Address: 690922, Russia, Primorsky Territory, Vladivostok, Russky Island, Ajax, 10.

Publications of the "Oriental Institute Journal" are recorded in the international CrossRef database maintained by the Agency for Registration of Digital Object Identifiers (Digital Object Identifier – DOI). DOI prefix: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>.

Articles and materials published in the journal are indexed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and are available through the site of the scientific electronic library "CyberLeninka".

"Oriental Institute Journal" is the academic journal dedicated to the problems of international relations, as well as to area and country studies of Asia Pacific. The priority topics for the journal are the features of the development of Asian and Pacific countries (primarily East, South and Central Asia), history and present of Eastern Siberia and the Russian Far East.

Articles and research materials provided by FEFU teachers and staff, and by investigators of other Russian and foreign-based educational and research organizations, as well as by all interested and competent researchers, are accepted for publication in the journal.

The journal issues include the following main subject headings:

"History"
"Literary Studies"
"Linguistics"
"Politics"
"Archive"
"Reviews,
"Scientific Life"

The subjects of articles accepted for publication in the journal "Oriental Institute Journal" correspond to the following groups of scientific specialties:

03.00.00 History. Historical sciences;
10.01.00 Literary criticism;
10.02.00 Linguistics;
11.00.00 Politics. Political sciences.

"Oriental Institute Journal" is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Sciences in the following scientific specialties and their respective branches of science:

07.00.02 Domestic history (historical sciences),
07.00.03 General history (of the corresponding period) (historical sciences),
07.00.15 History of international relations and foreign policy (historical sciences),
10.02.20 Comparative historical typological and comparative linguistics (philological science),
10.02.22 Languages of peoples of foreign countries of Europe, Asia, Africa, natives of America and Australia (with indicating a specific language or language family) (philological sciences),
23.00.02 Political institutions, processes and technologies (political sciences),
23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development (political sciences).

Editorial address: 690922, Vladivostok, Russky Island, FEFU campus, building D (20), room D620.

Journal website: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

The journal was printed in the printing house of the Publishing House of the Far Eastern Federal University.

Address: 690091, Vladivostok, Pushkinskaya St., 10.

Circulation 100 copies. The price is free.

Editor in Chief

Marina O. Dmitrieva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Council

Ruben M. Azizyan, Ph.D. in History, Full Professor, Director of the Centre for Defence and International Security Studies at Massey University (New Zealand).

Hirofumi Arai, Senior Research Fellow, Economic Research Institute for Northeast Asia (Niigata, Japan).

Petr Ya. Baklanov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Geographical Sciences, Scientific Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Full Professor (Vladivostok, Russia).

Viktor L. Larin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Principal Research Fellow, Head of the Center of Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Zoya G. Proshina, Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University (Moscow, Russia).

Yuhua Sun, Doctor of Education, Advisor to the President of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Vakio Fujimoto, Doctor of History, President of Osaka University of Economics and Law, Honorary Professor at Osaka University, Honorary Doctor at Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Osaka, Japan).

Anna A. Khamatova, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Evgenia M. Butenina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Andrey B. Volynchuk, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Department of International Relations and Regional Security, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexandr N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Svetlana M. Dudaryonok, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Viktor I. Dyatlov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of World History and International Relations, Irkutsk State University; Professor, Department of Anthropology and Ethnology, Tomsk State University (Irkutsk, Tomsk, Russia).

Viktor N. Zav'yalov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Publishing, Pacific State University (Khabarovsk, Russia).

Ol'ga I. Zav'yalova, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergey A. Ivanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of Chinese Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Dmitry A. Izotov, Candidate of Economics, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Vadim N. Karaman, Candidate of Historical Sciences, Head of Library, Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev (Vladivostok, Russia).

Irina B. Keidun, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia) (Executive Editor)

Vladimir V. Kozhevnikov, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Leonid E. Kozlov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Vladimir N. Kolotov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History of the Far East, St. Petersburg State University, Director of the Ho Chi Minh Institute (St. Petersburg, Russia).

Anatolij M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Galina N. Lovtsevich, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far

Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Artyom L. Lukin, Candidate of Political Sciences, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Zoya F. Morgun, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anatoly V. Moshkov, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Olga V. Nikolaeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Pervushina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergey K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Popravko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, A.V. Khrulev Military Academy of Logistics of the Ministry of Defense of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia).

Anatoly E. Savchenko, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexander N. Sboev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergej S. Sevastyanov, Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia).

Alexander Ya. Sokolovsky, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Alexander G. Storozhuk, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Foreign Languages, National Scientific Center for Marine Biology named after A.V. Zhirmunsky, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Igor A. Tolstokulakov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Petr Yu. Tsvetov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Elena S. Sheremetyeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Dar'ya A. Shchukina, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Russian Language and Literature, St. Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russia).

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 3 (55) • 2022

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 1900 г.

Возобновлён в 1994 г.

До 2011 года выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета"

ISSN 2542-1611

Индекс 42398

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3>

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ВОСТОКА И ЗАПАДА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И НЕХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСАХ

От редактора рубрики 11

Яроцкая Ю.А. Мотив творчества как предательства и мести в ориентальных рассказах славянских писателей (Борис Пильняк "Рассказ о том, как создаются рассказы" и Бранка Такахаши "Чужой в доме") 12

Бутенина Е.М. Невербальная семиотика в нарративе аккультурации (на материале русско-американской прозы) 23

Иванкова Т.А., Конева Е.Б., Польшина Ю.А. Каталог как жанр дискурса кинофестиваля (на материале кинофестиваля стран АТР "Меридианы Тихого") 32

Лалетина А.О., Жиганова А.В. Цифровая коммуникация в образовании: скорость, адресность и размывание границ во внутрикультурном и межкультурном контексте ... 42

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Мухаметова А.И. Японоязычные вкрапления в романах "Memoirs of a Geisha" и "Geisha of Gion" как вербализаторы асимметрии картин мира Японии и США 54

ЛИНГВИСТИКА

Польшина Ю.А., Сорокина В.А. Типы тестовых заданий: вариативность передачи терминов в английском, русском и испанском языках 60

Хайдапова М.Б.-О., Жанцанова М.Г. О классификации японских заимствований в китайском языке 78

Гавриленко О.В. Лингвокреативная репрезентация Хэллоуина в антропонимах (на материале титров специальных выпусков "Симпсонов") 87

Новикова Я.Д. Идиостиль гастрономического дискурса 98

ПОЛИТИКА

Чинь Куок Винь, Нгуен Хоанг Вьет, Нгуен Хонг Тхань, Писарев И.И. О текущем состоянии и потенциале сотрудничества между регионами Вьетнама и Российского Дальнего Востока 106

Воробьёв П.С. Влияние пандемии COVID-19 на геополитику и экономику в Центральной Азии ... 117

Баранникова А.О. Тактическое ядерное оружие

**ИЗВЕСТИЯ
ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА**

КНДР как военный и дипломатический инструмент	127
Майтдинова Г.М., Шарапов О.М. Российско-таджикское военное и военно-техническое сотрудничество в двустороннем формате и в рамках ОДКБ	135
Воробьева Н.А., Колесников М.В. Трансформации аграрного сектора Японии в рамках полномасштабной цифровизации	144

Подписка на журнал принимается во всех почтовых отделениях. Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (Том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала: 42398.

Сайт издания: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/
или <http://bit.ly/1g20Qsu>

Электронная почта: izvestyavi@yandex.ru

Почтовый адрес редакции: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
редакция журнала "Известия Восточного института"

Фактический адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Тел.: 8 (423) 265-24-24 (доб. 2942)

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Качество печати иллюстраций соответствует качеству присланных авторами графических файлов.

© Авторы, Дальневосточный федеральный университет, 2022

ORIENTAL INSTITUTE JOURNAL

№ 3 (55) • 2022

Academic quarterly

Founded in 1900

Resumed in 1994

ISSN 2542-1611

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3>

CONTENTS

INTERCULTURAL CONTACTS BETWEEN EAST AND WEST IN FICTIONAL AND NON-FICTIONAL DISCOURSES

From the editor of the section 11

Yarotskaya Yu. A. The motif of art as betrayal and
revenge in Oriental stories by Slavic writers (Boris
Pilnyak's A Story about How Stories are Created and
Branka Takahashi's A Stranger in the House) 12

Butenina E.M. Nonverbal Semiotics in Acculturation
Narratives (Case of Russian American Fiction) 23

Ivankova T.A., Koneva E.B., Polshina Yu.A. Catalog
as a genre of film festival discourse (based on the
film festival of the Asia-Pacific countries "Pacific
Meridian") 32

Laletina A.O., Zhiganova A.V. Digital Communication
in Education: Speed, Communication Roles,
and Blurring Boundaries in Intracultural and
Intercultural Context 42

LITERARY STUDIES

Mukhametova A.I. Japanese-language inclusions
in the novels "Memoirs of a Geisha" and "Geisha of
Gion" as verbalizes of the asymmetry of the authors'
worldviews 54

LINGUISTICS

Polshina Yu.A., Sorokina V.A. Test item types:
terminology variability in English, Russian and
Spanish languages 60

Khaidapova M.B.-O., Zhantsanova M.G. On
the classification of Japanese loanwords in Chinese 78

Gavrilenko O.V. Creative Verbal Representation
of Halloween in Personal Names (Based on
"The Simpsons Halloween Special" Credits) 87

Novikova Ya.D. Individual style in food discourse 98

POLITICS

Trinh Quoc Vinh, Nguyen Hoang Viet, Nguyen Hong
Thanh, Pisarev I.I. On the Current State and on the
Potential of Cooperation Between the Regions of
Vietnam and the Russian Far East 106

Vorobev P.S. Impact of the COVID-19 pandemic on
geopolitics and economics in Central Asia 117

Barannikova A.O. Tactical nuclear weapons of the
DPRK as a military and diplomatic tool 127

Maitdinova G.M., Sharapov O.M. Russian-Tajik
military and technical cooperation in bilateral format
and within the framework of the CSTO 135

Vorobeva N.A., Kolesnikov M.V. Transformation of
the agricultural sector in Japan as part of full-scale
digitalization 144

ORIENTAL
INSTITUTE
JOURNAL

Subscription is available only in Russia, but everyone has free access to the web version of OIJ.

The journal's subscription index is 42398.

Web: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/Oriental_Institute_Journal/

E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Editorial office post address: 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia.

Editorial office location: room D620, building D, FEFU Campus, Russky Isl., Vladivostok, Russia.

Tel.: +7 423 265-24-24 (2942)

The viewpoints expressed in OIJ are those of the authors and contributors,
and do not necessarily reflect those of the editorial board.

The quality of printed illustrations corresponds to the quality of graphic files sent by the authors.

© Authors, Far Eastern Federal University, 2022

От редактора рубрики

From the editor of the section

В рубрике рассматривается взаимодействие культур России, Европы, Азии и Северной Америки в художественном и нехудожественном дискурсах. Обозначенный охват материала позволяет выявить некоторые особенности осмысления межкультурных контактов России со странами Востока и Запада в течение столетия (с начала прошлого века до начала нынешнего) в двух взаимодополняющих измерениях.

Художественный дискурс представлен исследованиями о русской и эмигрантской прозе, в которых важен ракурс Россия-Восток-Запад и тема адаптации к иной культуре. Работа Ю.А. Яроцкой посвящена интертекстуальному диалогу рассказов двух славянских писателей о Японии: "Рассказ о том, как создаются рассказы" (1926) Бориса Пильняка почти век спустя отзывается в тексте "Чужой в доме" (2021) Бранки Такахашы, писательницы сербского происхождения и супруги японского дипломата, некоторое время жившей во Владивостоке. Связующей нитью для двух повествований служит мотив творчества как предательства и мести.

В статье Е.М. Бутениной англоязычная проза современной русско-американской писательницы Лары Вапняр рассматривается через призму невербальной семиотики (на примере сарториальных кодов и проксемного поведения) и в соотношении со стадиями аккультурации и фазами культурного шока, через которые проходят эмигранты. В работе делается вывод о продуктивности невербального подхода в обсуждении вопросов аккультурации.

Нехудожественному кинодискурсу посвящено исследование Т.А. Иванковой, Е.Б. Коневой и Ю.А. Польшиной об особенностях жанра каталога, основанное на многолетнем переводческом опыте работы авторов на международном кинофестивале стран АТР "Меридианы Тихого", который проводится во Владивостоке с 2003 года. Авторы впервые подчеркивают, что жанр каталога международного кинофестиваля – уникальный вид мультиязычного межкультурного дискурса, создание которого требует особых стратегий.

Нехудожественный дискурс в рубрике представлен также статьей А.О. Лалетиной и А.В. Жигановой об особенностях цифрового взаимодействия в сфере образования. Авторы сопоставляют особенности дистантного общения студентов и преподавателей в вузах России и США и выделяют межкультурные различия в коммуникативных нормах, которые полезно знать участникам международных образовательных проектов и программ.

Особенность рубрики – в личном межкультурном опыте авторов, приобретенном во время общения с современными зарубежными писателями, переводов на международных мероприятиях, повышения квалификации на стажировках, что повышает актуальность и ценность представленных исследований.

Бутенина Е.М.

Научная статья
УДК 82.0
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/12-22>

Мотив творчества как предательства и мести в ориентальных рассказах славянских писателей (Борис Пильняк "Рассказ о том, как создаются рассказы" и Бранка Такахаша "Чужой в доме")

Юлия Александровна ЯРОЦКАЯ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, yarotskaya.yua@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию двух ориентальных рассказов славянских писателей: предметом исследования выступает мотив творчества и связанные с ним мотивы предательства и мести. В процессе исследования были использованы биографический, контекстуальный, мотивный, сравнительно-сопоставительный методы. В результате анализа мы пришли к следующим выводам: при кажущемся сходстве проблемно-тематического уровня обоих текстов существует различие в авторском восприятии дихотомии жизнь-искусство, что порождает дискуссионность рассказа Такахаша по отношению к рассказу Пильняка.

Ключевые слова: мотив творчества, интертекстуальность, художественное творчество, персонаж, персона

Для цитирования: Яроцкая Ю.А. Мотив творчества как предательства и мести в ориентальных рассказах славянских писателей (Борис Пильняк "Рассказ о том, как создаются рассказы" и Бранка Такахаша "Чужой в доме") // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 12–22. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/12-22>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/12-22>

The motif of art as betrayal and revenge in Oriental stories by Slavic writers (Boris Pilnyak's A Story about How Stories are Created and Branka Takahashi's A Stranger in the House)

Yulia A. YAROTSKAYA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, yarotskaya.yua@dvfu.ru

Abstract. The paper analyzes two Oriental stories by Slavic writers and focuses on the motif of art and related motifs of betrayal and revenge. The research methodology is based on biographical, contextual, motif, and comparative analyses. The study shows that, despite the initial similarity of the subject and theme in both texts, there is a distinction in how the writers perceive the dichotomy of art and life, resulting in some controversy of Takahashi's story in comparison to the one by Pilnyak. There is nothing that Takahashi's heroine cannot change using the power of her art. Therefore, the motif of art used as a revenge is interpreted through the lens of art being a sin. Art is a domain of heroine's boundless power. She becomes a creator who, unlike Tagaki and Pilnyak (in this case, he is also a character in the story), does not recognize the right of a character to be free from the will of the author.

Keywords: art motif, intertextuality, artistic expression, character, personality

For citation: Yarotskaya Yu. A. The motif of art as betrayal and revenge in Oriental stories by Slavic writers (Boris Pilnyak's A Story about How Stories are Created and Branka Takahashi's A Stranger in the House) // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 12–22. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/12-22>

В работе мы рассматриваем рассказы со сходной проблематикой, идейно-тематической и образной системами, что обусловлено интертекстуальностью. Рассказ современной сербской писательницы Бранки Такахаша диалогичен по отношению к рассказу Бориса Пильняка. В связи с этим представляет интерес и вопрос рецепции идей "Рассказа о том, как создаются рассказы" в произведении XXI в. Мотивы творчества в целом и творчества литературного, творца как особенного человека, обладающего недоступными профанам возможностями, приобретают особую актуальность в конце XXI в. и по-новому осмысляются в постмодернистскую эпоху, дошедшую до отрицания возможности новизны в творчестве и рассматривающую каждый вновь созданный текст всего лишь как мозаику старых текстов [3, с. 31].

В конце XIX – начале XX в. художественное творчество мыслилось как воплощённое явление высших сил, акт творчества представлялся прорывом в "дальние миры" [1] и овладением тайнами мироздания. В связи с этим и сам образ твор-

ца приобретал качества не вполне земного человека, человека, способного видеть и воплощать откровения высших сил, явленное ему в момент творческого вдохновения. Творец не от мира сего, потому судить его по законам "нижних" не представляется возможным.

Отголоски такого восприятия творца мы встречаем в миниатюре Пильняка "Рассказ о том, как создаются рассказы", написанной в ноябре 1926 г. после возвращения писателя из большого восточного путешествия: в 1926 г. он побывал в Китае, Корее, Японии, добираясь на Дальний Восток поездом через всю страну.

В культуре Японии в это время происходят большие перемены, складывается первое художественное направление в литературе – натурализм, что отражено в рассказе. В нашей работе "Натурализм в японской литературе как отражение национальной ментальности (Б. Пильняк "Рассказ о том, как создаются рассказы")" [9] мы подробно останавливались на этом вопросе, поэтому сейчас позволим себе привести лишь одну цитату из рассказа Пильняка в доказательство нашей мысли: "Четвёртую главу этого рассказа я написал – не фантазируя, но просто перелагая то, что перевёл мне мой приятель Такахаси-сан. Писатель Тагаки каждый день за годы ссылки записывал свои наблюдения за женой, за этой русской <...> Японская мораль не стыдится обнажённого тела, естественных человеческих отклонений, полового акта; с клиническими подробностями был написан роман Тагаки, – русским способом размышлять размышлял Тагаки о времени, мыслях и теле своей жены" [5, с. 57].

Обратимся к фабуле повествования и представим событийный ряд рассказа Пильняка. Действие происходит в 1922 году во Владивостоке, дату можно установить исходя из исторического контекста – японские войска покинули Владивосток непосредственно перед тем, как его заняли части красной армии. Герои рассказа – русская девушка Софья, только что окончившая гимназию, снимающая комнату в доходном доме, и "офицер генерального штаба императорской японской армии" Тагаки, которого поселили в другую комнату этого дома. Тагаки хорошо знает русский язык и любит русскую литературу, его знакомство с Софьей происходит в тот момент, когда она, стоя под дверью его комнаты, смеётся над тем, как он поёт модный русский романс. Тагаки сразу обращается к Софье с просьбой разрешить ему "визитировать" её, во время визита он приглашает девушку в театр.

Будучи знатоком классической и современной русской литературы Тагаки понимает, что Софья получила представление о взаимоотношениях мужчины и женщины из русской классической литературы, поэтому предложение руки и сердца он делает "по-тургеневски", "в мундире, в белых перчатках, в праздник утром, в присутствии квартирохозяев" [5, с. 52]. Софья отвечает согласием и узнает, что Тагаки, как офицер генерального штаба, не может жениться на иностранке, в Японию она поедет после его отъезда из Владивостока, будет жить у его родителей в деревне до его отставки и хранить помолвку в тайне. Когда Софья прибывает в Японию, полиция устраивает ей допрос, угрожая высылкой из страны, поэтому девушка рассказывает всю правду. Тогда в участок вызывают Тагаки, требуя, чтобы он отказался от женитьбы, но офицер не намерен этого делать.

В результате он уволен из армии и сослан в ссылку: в деревню, в родительский дом, куда еще раньше брат Тагаки привозит Софью. Тагаки и Софья женятся и живут три года вдвоём в родительском доме Тагаки безвыездно. За это время Софья прочитала много книг, которые присылали её мужу, научилась жить по японским обычаям и немного объясняться на японском языке в бытовых ситуациях. О семье мужа она знала только, что у отца есть шёлкообрабатывающая фабрика, а мать мужа подарила ей перед свадьбой книгу с эротическими рисунками. Однажды к ним стало ездить множество людей, фотографировать их, и так Софья узнала, что её муж написал ставший очень знаменитым роман. Софья не очень интересовалась тем, что написано в романе, муж уходил от ответа, когда она спрашивала, а прочитать его сама она не могла. Но однажды, когда Тагаки не было дома, к ним приехал очередной газетный репортёр, он говорил по-русски и рассказал Софье

содержание романа. После этого она не смогла оставаться женой Тагаки и подала документы на репатриацию.

Пильняк применил прием "рассказ в рассказе". Существует три повествования. Рассказ героя-повествователя, русского писателя, путешествующего по Японии и однажды встретившегося с писателем Тагаки: "В Токио случайной встречей я встретил писателя Тагаки. В одном из литературных японских домов меня познакомили с ним, чтобы больше мы никогда не встретились, – и там мы обменялись немногими словами, которые я забыл, запомнив лишь, что жена у него была – русская <...> Мне сказали, что славу ему дал роман, где он описывает европейскую женщину" [5, с. 49].

Другие два повествования герой-рассказчик описывает как реально существующие, либо прочитанные им самим (записки Софьи), либо переведенные ему (роман Тагаки).

Записки Софьи: "В японском городе К., в консульском архиве, я наткнулся на бумаги Софьи Васильевны Гнедых-Тагаки, ходатайствующей о репатриации <...> Вечером в тот же день я вырыл бумагу, где Софья Васильевна Гнедых-Тагаки изложила свою биографию со дня своего рождения, неправильно поняв правило о том, как репатрирующиеся должны дать автобиографическую справку" [5, с. 49–50].

Роман Тагаки, который не может быть прочитан героем-повествователем: "Тогда, в городе К., достав в консульском архиве автобиографию Софьи Васильевны Гнедых-Тагаки, на другой день я купил роман ее мужа. Мой приятель Такахаси перевел мне его содержание" [5, с. 56].

Таким образом, герой-повествователь пересказывает записки Софьи, живой женщины, ставшей героиней романа своего мужа, делая свои комментарии и описывает суть романа Тагаки, сотворившего образ на основе личности своей жены. Оба – автор и его персонаж – становятся персонажами нового произведения. И если Софья, путем написания своих записок, как представляется, стремится вновь обрести плоть, вырваться из романа мужа в жизнь, то Тагаки вырван из забвения ("Он выветрился бы из моей головы, как многие случайно встреченные...") [5, с. 49]) силой искусства героя-повествователя, который сделал с ним то, что Тагаки сделал с Софьей, – превратил в персонаж.

Загадка рассказа, которой, как кажется, нет, поскольку, как показывает опыт работы в студенческой аудитории, чаще всего отъезд Софьи воспринимается как жест обиды женщины на то, что подробности её интимной, семейной жизни стали известны всей Японии, так вот, загадка в том, что случилось с Софьей, которая "окончила гимназию, чтобы стать учительницей, пока не придет жених" [5, с. 50], ради любви согласилась уехать за море в восточную страну, ни языка, ни обычаев которой она не знала, "любила, уважала и боялась мужа" [5, с. 55], что "...нашлись у нее силы просто и ясно действовать. Она оставила чин жены знаменитого писателя, любовь и трогательность яшмового времени, – и она вернулась во Владивосток" [5, с. 57]?

На протяжении всего "Рассказа о том, как создаются рассказы" речь идет о русских писателях. Софья характеризуется словами Пушкина, упоминается, что Пушкин и Чехов, с точки зрения Софьи "великие писатели – во-первых, необыкновенные люди, а во-вторых, теперь перевелись, как мамонты, потому что теперь ничего необыкновенного не бывает" [5, с. 51]. Как мы уже упоминали, предложение руки и сердца Тагаки сделал по-тургеневски. Автор рассказывает о том, что именно Тагаки открыл для Софьи мир современной русской литературы, о котором она ничего не знала (упоминаются Брюсов и Бунин [5, с. 51]), в Японии она узнала "что Пушкин вовсе не умер, как мамонт, но живет, жив и будет жить; от мужа и из книг она узнала, что величайшие в мире литература и раздумье – русские" [5, с. 55].

Автор создает образ героини, выросшей на русской классической литературе и затем осознавшей, что писатель бессмертен по своей природе, он живет в настоящем дне, и в настоящем есть большие современные писатели, которым, вероятно, также суждено бессмертие. Этот мир увлекает героиню, но сама она мыслит себя частью дольного мира, частью семьи, описанной в рассказе как патриархальная.

Деятельность мужа как писателя ей неинтересна, и она не осознает, что сейчас на ее глазах в её доме создается роман и рождается современный писатель. В мире она – человек, но Тагаки, делая её героиней своего романа, убивает для мира её человеческую природу, создавая образ, принадлежащий искусству. Когда "люди кланялись ей и её мужу в ноги, люди фотографировали его за книгами и её около него, люди спрашивали её о впечатлениях о Японии" [5, с. 56], для людей она была персонажем, но не персоной. На наш взгляд, именно об этом пишет Пильняк: "пройти через смерть – гораздо труднее, чем убить человека" [5, с. 57]. Тагаки, конечно, понимает природу своей жены, именно поэтому он не раскрывает ей содержание своего романа. Он понимает, что предаёт жену, делая её, человека "из нижних", бессмертным образом высокого искусства литературы, он отнимает у неё её человеческую сущность. Этого предательства не терпит Софья. Поэтому мы утверждаем, что её автобиография – стремление вернуть себе себя, вернуться в мир людей, а её отъезд во Владивосток, город, для которого романа Тагаки не существует, – способ вновь стать человеком.

Бранка Такахаша – писательница сербского происхождения, жена японского дипломата, полиглот, некоторое время жила в России, в частности, во Владивостоке, пишет рассказы на сербском, японском и русском языках. Её знакомство с миниатюрой Пильняка "Рассказ о том, как создаются рассказы" произошло в нулевые годы, ещё во время жизни во Владивостоке, где вышла её первая книга рассказов. Во Владивостоке автор данной статьи познакомилась с Такахаша и состоит с ней в переписке после отъезда писательницы в Японию в 2009 г. Рассказ Пильняка вызвал у писательницы очень острую реакцию, и у нас хранится её письмо, в котором она представила свою рецепцию этого произведения. Все цитаты из письма Такахаша мы приводим с её согласия. Рассказ "Чужой в доме" был опубликован в журнале "Нева" в 2021 г., что свидетельствует о долгом внутреннем диалоге двух писателей, в рецепции рассказа, представленной в "Чужом в доме", многое сохранилось, но есть и существенные изменения, вероятно, связанные с долгой жизнью Такахаша в Японии, возможностью и необходимостью изучить культуру народа вблизи, в подробностях и деталях, и изменениями в восприятии некоторых сторон этой культуры.

Конечно, интерес, проявленный писательницей к рассказу Пильняка, объясняется проблемой рассказа, которую писательница понимает следующим образом: "...Пильняк оправдал заданную тему. Мы видели, как создается литература: из наблюдения, начиная с наблюдения самых близких людей. Тема эта очень тяжёлая, и нет однозначного ответа на вопрос, имеет ли право писатель выставить на показ личный мир людей, которые его в этот мир подпускают? Чтобы никого не задеть, надо писать об инопланетянах, что ли?" (Письмо Б. Такахаша от 10 сентября 2010 г. Личный архив автора). Сформулированная таким образом, проблема рассказа Пильняка является актуальной для другого писателя, не раз сталкивающегося с такой проблемой при написании каждого своего текста, поскольку, как правило, рассказы Такахаша автобиографичны. Вопрос в том, точна ли формулировка проблемы в письме Такахаша?

Письмо Такахаша содержит большое количество критических замечаний в адрес Пильняка с позиции, которую сама писательница определила так: "В это трудно было бы поверить, даже если бы я не была знакома с японцами. А опыт почти двадцатилетней жизни среди них (и с одним из них!) говорить, что такая сцена – плохая выдумка" [там же]. В данном случае речь идет об эпизоде рассказа, в котором героиня понимает, что Тагаки скрывает свою страсть к ней, но с этой позицией коррелируют и другие замечания Такахаша. Писательница объясняет те элементы культуры, которые вызывают оторопь у Софьи: совместные туалеты и отсутствие стеснения в поезде, когда люди раздеваются и укладываются спать: "Это тонкости, которых иностранец (Пильняк) при первой-второй поездке может и не знать; вернее – не может знать, и я это писателю не ставлю в вину", однако, ""Рассказ..." является именно рассказом, художественным произведением, а искусство не имеет обязанности быть документально точным – в принципе. Но здесь

показывается малознакомая нация, и все, что делают конкретные персонажи, хочешь не хочешь, становится характеристикой целой нации" [там же].

Отметим, что Пильняка в Японии сопровождали и окружали представители японской интеллигенции: писатели, поэты, деятели науки и образования. Поездка была интеллектуально очень насыщена, о чем свидетельствует эссе "Корни японского солнца" [4]. Самого Пильняка не могут шокировать подобные вещи, ведь он не тургеневская барышня, а писатель из Советского Союза 1926 г., каких только "свобод" начала советской власти не навидавшийся. В данном случае мы слышим голос не самого писателя, но героини, видим мир Японии её глазами. В образе Софьи подчеркнута её принадлежность к русской книжной культуре XIX в. Конечно, её такие обычаи не шокировать не могут, но она любит Тагаки и преодолевает ограниченность своего восприятия во имя этой любви, сила которой и описана Пильняком, в том числе и с помощью таких приёмов.

Первый вопрос, который возникает у писательницы: "<...> в чем вина Тагаки перед Соней?". Она признается, что не находит на него ответа. И интересно отвечает на вопрос, почему Софья уехала домой. Позволим себе привести фрагмент развернутого сравнения: "<...> мы с Хиро (сын Такахаша – прим. автора) сходили в кафе с его садиковским другом Х (имя ребенка скрыто автором данной статьи) и его мамой <...> Х – мальчик избалованный – я это знала – но оказалось, что способен закатить такую истерику <...> Я <...> спросила, как его занятия фортепиано и сказала, что, наверное, здорово получается, ведь у него такие настоящие пианистские длинные пальчики. Вот тут он начал буквально биться в истерике! Обливался слезами, топал ногами, бил головой о стол, орал, как зарезанный. <...> Через какое-то время он начал повторять: "Не говорите о моих пальцах, не говорите о моих пальцах...". Мы с его мамой попытались объяснить ему, что это был комплимент... после чего он сменил песню на "не говорите обо мне, не говорите обо мне, не говорите обо мне...". К чему я? К тому, что Соня, не зная точно в каком ключе говорил о ней муж в романе, решила, что он её предал – и уехала на родину" [там же]. Такахаша заключает свое письмо так: "Не знаю, может, другим читателям все и так ясно, но для того, чтобы поверить в предательство Тагаки, мне нужно больше. А так в написанном рассказе я вижу только недалекую истеричную женщину" [там же].

Вероятно, особенности интерпретации Такахаша обусловлены её биографическими обстоятельствами. С её точки зрения, Пильняк с осуждением относится к Тагаки и с пониманием – к Софье. Однако на протяжении всего рассказа, начиная с портретной характеристики героя в экспозиции, Тагаки описывается с явной симпатией: "Он был очень сибуй (сибуй – японский шик – оскошенная простота) <...> Он говорил по-русски. Он был смугл, худощав и красив, – так, как могут быть красивы японцы на глаз европейца" [5, с. 49]. Герой благороден, во имя своей возлюбленной он жертвует многим: "Он поступил мужественно: он сказал – да, она его невеста. <...> Ему сказали, что он будет исключен из армии и сослан: он это знал" [5, с. 53].

Как семьянин Тагаки также полон достоинств: "Днями в буднях муж был молчалив, вежлив, заботлив и чуть-чуть в благородстве строг" [5, с. 55]. Сравнения с другими персонажами, будь то Софья с её наивными представлениями о литературе, или прапорщик Иванцов – грубый пошляк, всегда – в пользу Тагаки. На наш взгляд, пафос рассказа трагичен: оба героя правы, более того, сам писатель ассоциирует себя с Тагаки – оба они писатели, и финальная фраза текста: "Лиса – бог хитрости и предательства; если дух лисы вселится в человека, род этого человека – проклят. Лиса – писательский бог!" [5, с. 57], – относится к ним обоим. Мы согласны с Такахаша (которая, как и Пильняк, симпатизирует герою, но в отличие от Пильняка, только ему) в том, что нельзя поверить в неискренность Тагаки по отношению к Софье: в основе сюжета рассказа – взаимная любовь героев, потому так горек финал. Мир Софьи – домашний мир женщины, руководимой мужем, который "всесилен, благороден, молчалив и все знал" [5, с. 55]. Софья понимает, что у мужа есть своя жизнь за пределами их семьи – жизнь мужчины в социуме, для

патриархальной семьи это норма. Но жизнь Тагаки за пределами семьи – жизнь в ином мире – мире искусства. Именно ему он приносит в жертву свою семейную жизнь, делая её фактом искусства: любовь не может быть принесена в жертву сему миру, но только высшему, которому писатель и принадлежит, его жизнь подчиняется законам этого мира, полностью обладающего всем, чем обладает он. Называя рассказ Пильняка "психологически слабым произведением" (Письмо Такахаша от 10 сентября 2010 г. Личный архив автора), Такахаша не учитывает того, что это произведение в большей мере создано по законам символизма, автор не стремится научить писать рассказы, он размышляет о трагической стороне творчества.

Отметим, что сама писательница – реалист и ей свойственен дидактизм. Её оценка художественных произведений мотивирована именно этим: "Пьесы и кино, у которых нет ничего общего с реальной жизнью, у меня не вызывают ничего, кроме скуки и усмешки <...>", – говорит героиня рассказа "Чужой в доме", которую писательница наделяет определенными автобиографическими чертами, к примеру, героиня тоже сербка, писательница, живущая в Японии, и замужем за японцем [5, с. 59]. В качестве примера дидактики, приведем финальный фрагмент рассказа Такахаша "Марьяна нашей старости": "Если вы молоды – вам будут завидовать старые, если вы стары – молодежи вы будете действовать на нервы <...> Кем бы вы ни были и что бы вы ни делали, всегда найдется тот, кто вам этого не простит" [7, с. 25].

При всей непохожести художественных миров Пильняка и Такахаша есть определенное сходство в финалах "Рассказа о том, как создаются рассказы" и "Марьяна нашей старости" – авторское резюме, декларация открытого автором закона жизни, который не может быть отменён.

В рассказе "Чужой в доме" героиня-повествовательница также подробно объясняет мотивы своего поступка перед тем, как "дать урок" Пильняку: "Мы живём, дорогой мой, в мире, который по-прежнему вертится вокруг мужчин. Всё, что делаете вы – лучше и значительнее, а ваши терзания – более глубокие и важные, чем наши. Женские слёзы мало кого растрогают. Вот почему мне нужна была сцена твоего унижения, твоего страдания. Вот так, коллега Пильняк, создаются рассказы" [8, с. 78].

Рассказ "Чужой в доме" был опубликован почти через 100 лет после "Рассказа о том, как создаются рассказы" и примерно через 15 лет после первого знакомства писательницы с рассказом Пильняка. Структурно в повествовании выделяется часть, в которой повествуется о повседневности героев, которая обрамляет два синопсиса: пьесы, поставленной по рассказу Пильняка, и фильма, удивительным образом воспроизводящего сюжет ещё не опубликованного романа героини-повествовательницы.

И роман, и фильм называются "Чужой в доме". Таким образом, название принадлежит сразу трём произведениям искусства: рассказу Такахаша, роману героини-повествовательницы, фильму неизвестного режиссёра, который повторяет сюжет этого романа. Действие происходит в Токио.

Систему образов рассказа можно описать словами из миниатюры Пильняка: "В рассказе есть он и она" [5, с. 50]. Герои не имеют имён. Он – молодой житель Токио, переехавший в столицу из Сайтамы, где остались его родители, с которыми у него прохладные отношения, инструктор по фитнесу, супруг героини-повествовательницы, младше её на 9 лет. Она – сербка, изучавшая японский язык в университете, писательница, живущая в Японии, в день, который описан в рассказе, ей исполняется 42 года, как можно посчитать, герои вместе 9 лет (героиня-повествовательница упоминает, что они начали встречаться, когда будущему супругу было 24, следовательно, сейчас ему 33, герои стали жить вместе через 3 месяца после знакомства).

Авторская игра выражена в том числе и в цифрах: зеркальных (24 – 42) и сакральных (3 – 9 – 33). В рассказе представлена цепь "игр": писательство героини, телевидение, театр, кино. Таким образом, герой – человек мира сего – ста-

новится мухой в игровой паутине, полагая, что потребляет развлечения, он становится персонажем фильма, попадает "за границу реальности".

Фабула состоит из следующих событий: в свой день рождения героиня предлагает мужу пригласить её в русский театр на спектакль по пьесе Пильняка "Рассказ о том, как создаются рассказы"; герои смотрят пьесу и соглашаются с мнением незнакомого им молодого мужчины, что героиня – истеричная женщина; героиня написала новый роман и намерена обсудить с мужем за ужином "насколько трудно писать о близком человеке, насколько это рискованная затея" [8, с. 63]. Пьеса по рассказу Пильняка должна, вероятно, помочь героине в этом разговоре; до заказанного ресторана еще есть время, поэтому герои прогуливаются по городу и попадают на улицу, где их встречает странный мужчина, зазывающий в кинотеатр посмотреть фильм "Чужой в доме"; героиня уговаривает мужа пойти ещё и в кино, т.к. хочет узнать, что это за фильм с названием, как её неопубликованный роман. Фильм действительно воспроизводит сюжет романа героини: первая встреча с будущим мужем; первое свидание; у героев начинается роман; через год они регистрируют отношения, после чего она настояла на знакомстве с его родителями; затем героиня ведёт долгие и бесплодные переговоры о публикации своей книги, когда её надежды сокрушены, она видит, что муж стремится объяснить произошедшее, успокоить её, но не страдает ей, затем ситуация отсутствия сочувствия и соучастия повторяется несколько раз.

У героев рождается сын. В этот момент меняется хронотоп – возникает "реальные" воспоминания героини: она дважды потеряла нерожденных детей и услышала от мужа, что он детей иметь не хочет, это воспринято как самое тяжёлое отчуждение мужа в момент страдания героини.

Далее воспроизводится синопсис фильма. В подростковом возрасте у сына возникают психологические проблемы, пытаясь их разрешить, героиня понимает, что сын обижается на её жесткость, а мужу не нравится, что она потакает сыну. В этот момент героиня вспоминает приезд в Сайтаму к родителям после инфаркта свёкра: тогда она услышала, как одноклассник мужа в присутствии их одноклассника рассказал о том, что герой описался, когда понял, что не смог соответствовать ожиданиям родителей и хорошо написать контрольную по химии. Героиня сделала вид, что не говорит по-японски и увела мужа от недоброжелателя, герои никогда не говорили об этом эпизоде и, как можно понять из текста, герой не знал, что жена слышала этот разговор. В финале фильма на экране – лица героев в старости.

После просмотра герой не берет героиню за руку и отказывается идти в ресторан.

Героиня объясняет свой поступок мстью за нежелание героя переживать страдание и сострадание и расчетом на внимание публики к переживаниям героя-мужчины.

Выше мы цитировали фразу из письма Такахаши об инопланетянах. В рассказе она иронически развивает эту мысль: название рассказа-романа-фильма отсылает к названию сверхпопулярного фильма Ридли Скотта (1979), одним из известных слоганов которого является фраза "В космосе никто не услышит твоего крика" (аллюзия на поведение мужа героини и на состояние героя после фильма, когда ни один из зрителей в своих впечатлениях не упоминает эпизод "позора" и не догадывается, что прототип героя сейчас рядом и страдает от мести жены). Нам представляется, что определение "чужой" может быть отнесено как к герою (отчуждение от страдающей героини), к героине (подобно Чужому, использующей героя, а в фильме вызывающей недовольство и сына, и мужа), так и к ребенку героев (он чужой, ненужный для мужа в жизни и отчужденный от родителей в фильме). С фильмом "Чужой" также коррелируют два укуса, которыми обменялись герои: в завязке герой "мягко укусил" героиню [8, с. 58], а в финале – героиня говорит: "<...> я люблю тебя, но меня это не остановило укусить тебя" [8, с. 78]. Афиша фильма описана так: "В тёмном космосе – одна планета, на ней две тени, держась за руки, идут к Солнцу. Их очертания не совсем ясны, но похоже, это мужчина и женщина,

хотя их силуэты отдалённо напоминают инопланетян" [8, с. 66]. Возможно, здесь есть аллюзия на эссе Пильняка "Корни японского солнца". Отметим, что создание названия в контексте названия столь популярного произведения можно назвать коммерческим приёмом, и в этом Такахаша солидарна с героиней своего рассказа.

Обывательское существование, присущее герою, в рассказе представлено лишь фоном жизни героини. Фон иногда раздражает, например, когда герой включает телевизор: "В ту минуту, когда ты, дорогой мой, встаёшь, в гостиную – моё святилище! – врываются ведущие развлекательных передач, спортивные комментаторы, синоптики и комедианты, все они, на мой вкус, слишком экзальтированные. Поэтому пока ты спишь, я – трава, глубоководная рыба, кратер на Луне" [8, с. 58]. Героиня подчеркивает невозможность для себя существовать, подобно обывателю: "Город дышал в расслабленном субботнем ритме. Правда не все расслаблялись: идеальные домохозяйки уже развешивали бельё. Господи, во сколько же они тогда включают стиральные машины?!"

В одном из стихов напротив <...> я заметила странные движения <...> Мой ещё не совсем проснувшийся мозг с опозданием в несколько секунд сообразил: это кто-то моет окно! В субботу, в полвосьмого утра. Снимаю шляпу! Мои глаза навели резкость на картину в нескольких сантиметрах от моего носа: а это окно – когда его мыли в последний раз?.. <...> ты подошел сзади, обнял меня за талию и мягко укусил в шею" [8, с. 58–59]. Искусство инкрустировано в повседневность героини, в отличие от текста Пильняка, в котором явственна иерархия: бытовая жизнь – искусство, в котором даже роман Тагаки, подобно сакральному тексту, создан на неизвестном героине (и герою-повествователю) языке.

В рассказе Такахаша искусство – сфера повседневности: первое появление героев в фильме "Чужой в доме" происходит на выставке фотографии (выставочное пространство, галерея, – и в рассказе Такахаша "Выбор" является значимым топосом, в котором, и благодаря которому, начинается история героев [6]), обсуждают они, как правило, произведения искусства: "Мне не верится, что мы с тобой можем одинаково смотреть на искусство", – заявляет герой [8, с. 59]. Герой предпочитает кино, а героиня – театр [8, с. 60]. Сюжет предыдущего романа героини влияет на восприятие её семьи друзьями: "В моём прошлом романе муж героини изменяет ей, пока – для неё – находится на рыбалке. Из наших знакомых никто не преминал, подмигивая и покашливая, поднять тему рыбалки в моем присутствии" [8, с. 64]. Герой смотрит фильм, в котором рассказывается о жизни его семьи, совершенно не реагируя на то, что выступает персонажем, напротив, фильм ему интересен тем, что выражает точку зрения жены на то, что с ними происходит, и он комментирует происходящее на экране [8, с. 69].

Героиня часто в разных жизненных ситуациях проводит ассоциации с произведениями японской и русской литературы, кроме рассказа Пильняка упоминаются произведения Норико Ибараги [8, с. 63], Сэй-Сёнагон [8, с. 71], Дзюн-Итиро Танидзакэ [8, с. 63], биография Л. Толстого [8, с. 65].

Как нам представляется, в тексте Такахаша есть аллюзии на роман А. Белых "Сны Флобера": мы усматриваем перекличку сюжетной линии взрослая героиня-интеллектуалка – юный герой-профан. Стилистически сходны также эротические сцены [1, с. 30; 8, с. 68]. Диалог с этим текстом естественен, поскольку и для романа Белых [1, с. 38], и для рассказа Такахаша актуален контекст рассказа Пильняка, а в авторском предисловии Белых перефразирует название рассказа писателя: "Роман о том, как пишется роман" [1, с. 8]. Отметим также, что для всех трех произведений Владивосток выступает как топос, в котором происходит завязка.

Подобно Пильняку, Такахаша создает контрастные образы героев: практичный обыватель и писательница-интеллектуалка, только доминирование и влияние в этой паре соотносится с женским образом.

В противоположность Пильняку, Такахаша представляет японскую культуру с её целомудренной стороны: героине долго приходится приучать мужа к тому, что на людях можно выражать свою симпатию: "Когда ты взял мою руку, я подумала, как непринуждённо ты теперь это делаешь и была довольна своей дрессурой" [8,

с. 60]. Эпизод коррелирует с двумя эпизодами рассказа Пильняка, в которых героиня, находясь в Японии, приходит в смятение от того, что родственники Тагаки не обнимают её при встрече, как это было бы в России, а только вежливо кланяются [8, с. 53]. Мотив японской сдержанности более развернуто и с комментариями зрителей повторяется в фильме, который смотрят герои Такахаша: "Поначалу он кажется ей прохладным, потому что не держит её за руку, когда выходят из дома, но скоро она понимает, что он просто к такому не привык, поэтому она берет его за руку. Скоро и он сам начинает естественно это делать. Она знает, что японцы не выражают эмоции так же открыто, как люди на западе, и тем не менее её не покидает ощущение излишней сдержанности" [8, с. 68].

Мотив мести связан в рассказе с мотивом любви. Героиня часто говорит о своей любви к мужу, это может быть либо внутренний монолог ("Я люблю тебя за многое, и особенно за то, что ты всегда с утра в настроении и что тебе так легко удаётся развеселить меня" [8, с. 59]), либо слова, обращённые к мужу [8, с. 63]. Однако чувство в рассказе не идеализируется, героиня говорит (внутренний монолог): "Любовь – сложное, противоречивое явление, у которого много разных красивых лиц, а изнанка – уродливая" [8, с. 78]. Мотив внутреннего уродства заложен в названии рассказа и сплетен с мотивом литературы как греха и с мотивом мести.

В отличие от Софьи, у героини есть то, что дороже любви мужчины – её мечта о ребенке: "Твоя любовь мне очень важна, но мне никто никогда не скажет "мама", и это не возместит любовь всех мужчин мира. Да и твою любовь..." [8, с. 65]. Мотив рождения ребенка – один из вариантов мотива творчества, решающим в реализации мести стало именно отношение героя к рождению ребенка.

Таким образом, и герои Пильняка, и герои Такахаша – семейные пары без детей, которые практически не связаны со своими родителями: так же, как у Софьи, родители героини Такахаша находятся далеко от дочери, так же, как у Тагаки, родители героя не играют сейчас существенной роли в его жизни. Система образов в обоих рассказах построена на противопоставлении: влюбленная пара – все остальные.

Как и в рассказе Пильняка, на пути героев Такахаша есть очень существенное препятствие – большая разница в возрасте – которое никогда не может быть устранено. Герой, в отличие от героини, не говорит о своей любви, но действует: герои женаты благодаря его инициативе.

Внутренний протест героини связан с тем, что герой "не хочет дискутировать о том, что не зависит от него. Даже думать о таком деле для него – пустая трата времени" [8, с. 72]. Вначале "не зависящим от него" представлены положение на Окинаве (американские военные базы) и в Сербии (натовские бомбардировки), потом невнятная позиция редактора, "благодаря" которому сорвалась публикация книги героини, потом потеря героиней ребёнка и её бездетность. Таким образом месь героини достигает цели – с помощью искусства она заставляет героя страдать.

Различие между героями не только в том, что в жилах героини течет "горячая балканская кровь" [8, с. 70], но также в том, что в мире нет того, что она не могла бы изменить – силой своего писательского таланта. В отличие от героя, у которого нет творческого потенциала (отсутствие сострадания, желания менять мир, желания иметь ребенка). Главное слово героини в описании идеального – любовь: "У неё есть любимый муж, любимая работа, и совершенствование любимого японского языка, и любимая фотография, и любимое писательство" [8, с. 72]. И если в реальном мире у неё нет любимого ребёнка, то в романе он у неё есть. И если в реальности героиня "начинает следить за тем, как бы не ранить его (героя – прим. авт.)" [8, с. 70] и спасает/уводит его от недоброжелателя, напоминающего о его позоре, то этот эпизод, перенесённый в пространство романа, – реализованная месь героини за недостаточную чуткость героя по отношению к ней: "Итак – почему я это сделала? Из мелкой личной мести, из бесовского желания, чтобы ты понял, каково было мне, когда я не нашла сочувствия в тебе" [8, с. 77].

Мотив творчества как мести трактуется как частный вариант творчества как греха: "Литература же вдоль и поперек грешное предприятие. Даже мотив занятия литературой – грешен. Нет, ты только вдумайся – разве не грешен тот, кто убежден, что без его мыслей и чувств этот мир ущербен?!" [8, с. 65].

Творчество – сфера её безграничной воли, в самом начале повествования героиня-повествовательница заявляет: "Если бы повествователем был ты, все бы выглядело несколько иначе. Поэтому я подчеркиваю: это мой рассказ" [8, с. 58]. Однако заметно, что и в жизни для героини партнер подобен персонажу, совершающему свои действия по авторской воле. По отношению к нему употребляются следующие слова и выражения: "дрессура" [8, с. 60], "сладкий, послушный мальчик" [8, с. 68], "у нас будет одинаковое мнение" [8, с. 59].

Герой "наказан" за то, что не всегда соответствует ожиданиям героини, парадоксальным образом, его отношения с родителями довольно холодны по той же причине [8, с. 71]. Героиня предстает человеком-творцом, который, в отличие от Тагаки и Пильняка (в данном случае, он тоже персонаж рассказа), не признаёт права героя быть свободным от авторской воли.

В миниатюре Пильняка мотив творчества связан с мотивом идеала и посвящения-превращения (с которым символически связан мифологический образ Лисы-оборотня)/инициации/жертвы. Софья дважды меняет свою сущность: во имя любви она покидает родину и становится женой человека иной расы и культуры, полагая, что он приносит свои жертвы тоже во имя любви: семья для неё является идеалом, к которому она устремлена. Затем она становится персонажем книги. Муж, разрушая её представления о том, что писатель – необыкновенный, но человек, даёт ей понимание того, что он принадлежит иному (бессмертному/высшему) миру. Поэтому, узнав содержание романа, она осознаёт, что именно мир искусства – идеал её мужа и её образ для него больше, чем она. Мотив творчества связан с мотивом жертвы/предательства дальнего мира во имя бессмертного. Как писатель Пильняк представляет ситуацию Тагаки в трагическом ключе: он в любом случае предаёт: творя – Софью, отказываясь от замысла – искусство. Поэтому "род этого человека проклят" [5, с. 57].

Литература

1. Бельх А. Сны Флобера. СПб.: Алтейя, 2020. 328 с.
2. Блок А. И нам не долго любоваться. URL: <https://www.culture.ru/poems/2195/i-nam-nedolgo-lyubovatsya> (дата обращения: 18.07.2022).
3. Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века. М.: Флинта, Наука, 2005. 320 с.
4. Пильняк Б. Корни японского солнца. М.: Три квадрата, 2004. 330 с.
5. Пильняк Б. Рассказ о том, как создаются рассказы // Пильняк Б. Расплёснутое время: Романы, повести, рассказы. М.: Советский писатель, 1990. С. 49–57.
6. Такахашаи Б. Выбор. URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=2566&ysclid=I5qrheljwj354338347> (дата обращения: 18.07.2022).
7. Такахашаи Б. Марьяна нашей старости // Такахашаи Б. Первые 37. Владивосток: 2008. С. 5–25.
8. Такахашаи Б. Чужой в доме. URL: <https://magazines.gorky.media/wp-content/uploads/2021/04/05-Takahashi.pdf?ysclid=I5qrjv19k0744509624> (дата обращения: 18.07.2022).
9. Яроцкая Ю.А. Натурализм в японской литературе как отражение национальной ментальности (Б. Пильняк "Рассказ о том, как создаются рассказы") // Запад и Восток: экзистенциальные проблемы в зарубежной литературе и искусстве. Материалы международной научной конференции. Владивосток, 2–4 октября 2008 г. Владивосток, 2009. С. 201–212.

References

1. Belyh A. Flaubert's Dreams. SPb.: Alteija, 2020. 328 p.
2. Blok A. And we won't be admiring for long. URL: <https://www.culture.ru/poems/2195/i-nam-nedolgo-lyubovatsya> (accessed 18.07.2022).
3. Nefagina G.L. Russian prose of the end of the XX century. M.: Flinta, Nauka, 2005. 320 p.
4. Pil'njak B. The Roots of the Japanese Sun. M.: Tri kvadrata, 2004. 330 p.
5. Pil'njak B. A story about how stories are created // Pil'njak B. Splashed time: Novels, novellas, short stories. M.: Sovetskij pisatel', 1990. P. 49–57.
6. Takahashi B. Choice. URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=2566&ysclid=I5qrheljwj354338347>

(accessed 18.07.2022).

7. Takahashi B. Mariana of our old age // Takahashi B. The first 37. Vladivostok: 2008. P. 5–25.
8. Takahashi B. A stranger in the house. URL: <https://magazines.gorky.media/wp-content/uploads/2021/04/05-Takahashi.pdf?ysclid=15qrv19k0744509624> (accessed 18.07.2022).
9. Yarotskaya Ju.A. Naturalism in Japanese literature as a reflection of national mentality (B. Pil'njak "The story of how stories are created") // West and East: existential problems in foreign literature and art. Materials of the International scientific conference. Vladivostok, October 2–4, 2008. Vladivostok, 2009. P. 201–212.

Юлия Александровна ЯРОЦКАЯ, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: yarotskaya.yua@dvvu.ru

Yulia A. YAROTSKAYA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: yarotskaya.yua@dvvu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 26.07.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 15.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 08.09.2022

Научная статья
УДК 811
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/23-31>

Невербальная семиотика в нарративе аккультурации (на материале русско-американской прозы)

Евгения Михайловна БУТЕНИНА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, butenina.em@dvfu.ru

Аннотация. Изучение невербальной семиотики в иммигрантской литературе может выявить нарратив аккультурации, или историю адаптации к новой культуре, что в данной статье показано на материале прозы современной русско-американской писательницы Лары Вапняр. Особое значение для семиотического анализа имеют сарториальный язык (семиотика одежды и аксессуаров) и проксеминое поведение (освоение пространства, что включает кинеснику и сенсорнику). Исследование опирается на классические труды Эдварда Т. Холла, а также на работы современных авторов Кейт Фокс и Г.Е. Крейдлина.

Ключевые слова: невербальная семиотика, аккультурация, культурный шок, проксеминое поведение, сарториальный язык, русско-американская литература

Для цитирования: Бутенина Е.М. Невербальная семиотика в нарративе аккультурации (на материале русско-американской прозы) // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 23–31. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/23-31>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/23-31>

Nonverbal Semiotics in Acculturation Narratives (Case of Russian American Fiction)

Evgenia M. BUTENINA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, butenina.em@dvfu.ru

Abstract. The paper shows that a close study of nonverbal semiotics in immigrant fiction can reveal a narrative of acculturation and demonstrates such analysis in the prose of contemporary Russian-American author Lara Vapnyar. The aspects of sartorial language (semiotics of clothing style) and proxemic behaviour (use of space that includes kinesics and sensorics) turn out to be of particular importance for such analysis. The research relies on Edward T. Hall's classical works as well as on the studies by contemporary scholars Kate Fox and Grigory Kreydlin. To reveal the process of adaptation to a new culture, the paper correlates four stages of acculturation (tourist, survivor, immigrant, and citizen) with the four phases of culture shock (honeymoon, proper, initial adaptation / recovery, and integration / adjustment). The first phase of culture shock implies a positive 'honeymoon' reaction of a brief tourist sojourn in a new culture, the second phase is a negative reaction to the necessity to survive and adjust to a foreign reality; the third phase involves an individual with certain rights and experience (a recovering immigrant), and the last phases introduces an integrated citizen.

Keywords: nonverbal semiotics, proxemic behaviour, sartorial language, Russian American Fiction

For citation: Butenina E.M. Nonverbal Semiotics in Acculturation Narratives (Case of Russian American Fiction) // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 60–31. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/23-31>

Введение

Невербальная коммуникация была признана важной областью межкультурных исследований после публикации новаторской работы Рэя Л. Бердвистела "Введение в кинеснику" в 1952 г., а также после уже ставших классическими книг Эдварда Т. Холла "Безмолвный язык" (1959) и "Скрытое измерение" (1966). Бердвистел утверждал, что человеческие жесты многозначны и зависят от контекста, а все движения тела должны интерпретироваться в связи с другими элементами коммуникации [6]. Холл исследовал концепции пространства и времени как основные каналы восприятия окружающей среды и передачи сообщений [10; 11]. В 1970-е годы Джулиус Фаст и Алан Пиз продемонстрировали силу кинесики (жесты, позы и другие движения) в ставших бестселлерами исследованиях, которые оба, независимо друг от друга, лаконично назвали "Язык тела" [8; 16].

В 1990-е годы Ром Харре, Хорст Рутроф, Кристин Харди [12; 13; 17] и другие исследователи развивали теорию телесной семиотики и психологии, в которой утверждалось, что человеческое тело может передавать как вербальную, так и невербальную информацию, и последняя отражает основу мировоззрения. Современные исследователи продолжают изучать потенциал невербальной семиотики. В частности, английский антрополог Кейт Фокс подчеркивает важность сарториального языка (семиотики одежды и аксессуаров), а российский лингвист Г.Е. Крейдлин делает акцент на проксемином поведении, то есть отношении людей к коммуникативному пространству, что включает кинесику и сенсорику.

В данной статье утверждается, что тщательное изучение невербальной семиотики в иммигрантской литературе может выявить процесс аккультурации и адаптации к культурному шоку. На сегодняшний день исследователи выделяют четыре стадии аккультурации (привыкания к новой культуре): турист, выживший, иммигрант и гражданин. Первый этап предполагает поверхностное знание культуры, которая остаётся недоступной; второй этап может стать пороговым, поскольку человек начинает использовать новый язык и осваивать новые культурные модели. Третий этап предполагает правильное использование языка и все большее приближение к новым культурным моделям, а на последнем этапе человек может достичь полного овладения новым языком и культурой [4].

Поскольку большинство современных исследователей сходятся во мнении о наличии четырех фаз культурного шока ("медовый месяц", собственно культурный шок, начальная адаптация/восстановление и интеграция [15]), можно провести параллели между этими фазами и этапами аккультурации. Первая фаза предполагает положительную реакцию кратковременного пребывания туриста в новой культуре, вторая фаза – отрицательную реакцию на необходимость выживания и приспособления к чужой действительности; на третьем этапе человек обретает определенный опыт и права ("выздоровливающий" иммигрант), а на последних этапах формируется интегрированный гражданин.

Кроме того, к важным понятиям для анализа в данной работе относятся этноцентризм, в котором традиционно выделяются стадии отрицания культурных различий, защиты от различий и минимизации различий, и этнорелятивизм, включающий стадии принятия различий, адаптации к ним и, наконец, интеграции в новую культуру [5].

На этом теоретическом материале в статье рассматривается проза Лары Вапняр, для которой вопрос адаптации к новой культуре остается актуальным, в то время как некоторые другие современные русско-американские авторы предпочитают затрагивать иные темы (например, в романах ровесницы Вапняр Ольги Грушиной, также родившейся в Москве в 1971 году и иммигрировавшей в США в 1990-х, действие происходит в советской России) [2]. На данный момент Лара Вапняр опубликовала несколько книг на английском языке. В статье рассматривается рассказ "Разговоры на автобусной остановке", опубликованный в "Нью-Йорк таймс" (2004), сборник "Брокколи и другие рассказы о еде и любви" (2008), а также романы "Воспоминания музыки" (2006) и "Все еще здесь" (2016) и демонстрируется, как люди разного этнического происхождения взаимодействуют с помощью языка одежды и проксеминого поведения и как эти невербальные знаки соотносятся со стадиями аккультурации и фазами культурного шока.

Сарториальный язык в иммигрантском нарративе

Как отмечает Кейт Фокс в книге "Наблюдение за англичанами: скрытые правила английского поведения", люди делают "модные социальные заявления, нравятся им это или нет. (Кроме того, претензия на то, чтобы быть выше такой мелочи, как одежда, есть само по себе общественно значимое заявление, обычно довольно громкое)" [9, с. 267]. Лара Вапняр начинает свой рассказ о том, как американские родители провожают детей в школу, описанием женщин, которые "плетутся к автобусной остановке в своих кожаных куртках поверх огромных футболок и пиджамных или спортивных штанов" [21]. Кожаные куртки – дешёвые предметы одежды, которые могут отражать, например, принадлежность к субкультуре бай-

керов. Но в причудливом сочетании с пижамными или спортивными штанами они словно сигнализируют о локальной микрокультуре родителей школьников. С одной стороны, их небрежный стиль мог быть изначально задуман как заявление о независимости, но, когда несколько людей следуют одному и тому же шаблону, независимый стиль становится своей противоположностью, своего рода униформой. Интересно, что эта "униформа" не учитывает гендерные различия: единственный отец на остановке также одет в кожаную куртку и спортивные штаны.

Любой человек, одетый по-другому, делает довольно громкое сарториальное заявление. Например, на "60-летней женщине, самопровозглашенном лидере русской группы", зеленое кожаное пальто-свингер. Хотя материал пальто кажется сигналом принадлежности к "родительской" микрокультуре, оно составляет три контраста с одеждой ее членов: имеет параметр **формы** колокола в отличие от неозначенного фасона курток, параметр **цвета** со сложной семантикой в отличие от неназванных цветов курток и параметр **длины**, то есть закрывает все тело, и что бы человек ни надел под ним, это остается скрытым от посторонних глаз. Поскольку действие рассказа происходит в начале 2000-х, вероятно, что это пальто женщина привезла с собой из России, где была мода на подобные фасоны в 1990-х. Поэтому этот невербальный знак, скорее всего, отражает нахождение иммигрантки в фазе собственно культурного шока, стадии "выживший" и служит ей защитой от инокультурных различий.

Примечательно, что у русской женщины, решившей однажды "сделать шаг в сторону англоговорящих", нет кожаной куртки, о ней лишь сказано, что она носит чёрный берет и джинсы – вещи, которые в русской культуре обычно ассоциируются с независимым образом жизни (при анализе этого рассказа на занятиях по межкультурной коммуникации многие студенты соотносили чёрный берет с парижскими художниками). Этот шаг за пределы своей группы навстречу чужой сигнализирует о попытке преодолеть непреклонный этноцентризм, практикуемый бывшими соотечественницами женщины. Её тут же упрекают в этом шаге и приводят в пример китайцев, которые "всегда вместе, и ни один из них никогда не пытался перейти улицу". Смутившись, женщина в чёрном берете возвращается в свою группу и "изображает неподдельный интерес к жизни героев мильной оперы" [21], то есть блокирует собственный переход на стадию начальной адаптации, несмотря на сарториальный индикатор готовности к ней.

Выбор предметов одежды как попытка создать новую идентичность так же важен в романе Вапняр "Всё еще здесь" (2016). В этом романе несколько иммигрантов из России стремятся добиться успеха в Нью-Йорке и надеются, что им поможет правильная одежда. Но решить, что же является правильным, очень непросто. Например, молодой программист Вадим приезжает в город в твидовом пиджаке и планирует сразу пойти в бар с какой-нибудь "до тошноты претенциозной" французской книжкой в руках: "Он хотел показаться харизматичным твидовым интеллектуалом, но ещё важнее ему было выглядеть таковым в собственных глазах" [20, с. 34]. Вскоре Вадим перестает носить этот пиджак, но годы спустя находит похожий и пытается произвести впечатление на американку, которую встретил и потерял в первый же день иммиграции. Женщина действительно помнит его "нелепый профессорский пиджак". Вероятно, герой и привлек её "эротическим очарованием русскости", по ироническому выражению слависта Адриана Ваннера [23]. В этом эпизоде иммигрант осознает нарочитую и потому искусственную "американскость" предмета одежды и отказывается от него, чтобы перейти из стадии выживания в новой культуре к стадии адаптации.

Другая иммигрантка, бывшая подруга Вадима Виктория, чувствует себя униженной, поскольку является единственной белой сотрудницей – специалистом УЗИ в онкологическом центре (все остальные белые сотрудники занимают более высокие должности). Она даже подозревает, что именно поэтому её выбирают работником года: компания хочет подчеркнуть отсутствие этнических стереотипов в своей кадровой политике. Когда начальница приглашает Викторию и ещё нескольких подчиненных в свой богатый дом, та решает, что это её шанс подняться

по социальной лестнице. Она надевает облегающую майку с глубоким вырезом, джинсовую мини-юбку, розовые босоножки на высоком каблуке и соломенную шляпу с широкой розовой лентой. По её мнению, этот "наряд в сочетании с корзинкой клубники был воплощением пейзажного шика" [20, с. 154]. Однако наряд оказывается полной противоположностью шику, потому что на всех остальных, включая хозяйку, светлые шорты, свободные белые футболки и бейсболки, и коледи с трудом скрывают усмешки, глядя на Викторину, похожую на куклу Барби.

Героиня так и не усвоила урок американского стиля, и ее сарториальные ошибки не дают ей преодолеть фазу собственно культурного шока и стадию выживания. Так, пытаясь устроить сыну поступление в престижную школу, она надевает "дутую куртку цвета фуксии", в то время как на всех стильных матерях "типажа Сьюзен Зонтаг" (известная американская писательница-феминистка) элегантная одежда приглушенных цветов [20, с. 152–153]. Помимо цветовой безграмотности, Виктория не может понять, что американцы всегда предпочтут ложной красоте удобство. В то время как она готова страдать в облегающем топе, обтягивающей юбке и на высоких каблуках в жаркий летний день, женщина, которую она случайно видит с бывшим мужем, одета в леггинсы и угги, и Виктория сразу идентифицирует её как американку, потому что ей очень "комфортно в собственной коже и своих безобразных уггах" [16, с. 192].

Это ощущение комфорта в собственной коже труднодостижимо для иммигрантов, не привыкших к уважению индивидуальности в своих родных странах, поэтому их истории выживания, рассказанные с помощью знаков одежды, так драматичны. Первый роман Вапняр, "Воспоминания музы", показывает, как чуткий человек с художественным видением может расшифровать непростую историю другого человека, обратив внимание на непривлекательный предмет одежды. В этом романе молодая женщина Татьяна приезжает в Нью-Йорк, где несколько лет назад поселились её родственники. Ей сразу же советуют выбросить всю свою русскую одежду, так как ничто не может "выдать и унижить" сильнее [19, с. 76]. Однако она решает взбунтоваться и продолжает носить свое "большое, громоздкое, коричневое, в ёлочку" пальто, которому её двоюродный брат "вынес смертный приговор" [19, с. 83].

Однажды в лифте дорогого многоквартирного дома, в котором Татьяна жила в качестве любовницы мужчины гораздо старше себя, она замечает взгляд пожилой женщины "в мужских брюках, вязаной шапке, надвинутой на глаза, и потертом, бесформенном длинном пальто", похожем на её собственное [19, с. 134]. Впервые после многих унижительных ощущений, включая снисходительное отношение любовника, молодая иммигрантка почувствовала, что этот взгляд был пристальным, но уважительным, добрым и тёплым. Спустя годы, выйдя замуж за другого мужчину и устроившись в американской жизни, Татьяна посещает небольшую художественную галерею и видит картину под названием "Девушка в лифте". В потрясении она узнает узор ёлочкой и торчащие нити своего старого пальто и понимает, что "другого такого пальто в Нью-Йорке быть не может" [19, с. 210]. Она осознает также, что художница Вера Мелич – это пожилая женщина, наблюдавшая за ней в лифте. Их похожие пальто символизируют сходство иммигрантских испытаний, которые художница сразу смогла прочесть и воплотить в картину. Приведенные примеры показывают, что одежда оказывается мощным каналом трансляции историй о болезненном приспособлении к новой культуре и идентичности.

Проксемное поведение в иммигрантском нарративе

Проксемное поведение включает практически все каналы невербальной коммуникации: дистанцию, кинеснику (жесты и позы тела), окулеснику, гаптику (осязание) и ольфакторику (обоняние) [3, с. 461–466]. В упомянутом выше рассказе "Разговор на остановке" все эти каналы участвуют в межнациональном невербальном "разговоре". В начале истории три группы матерей занимают свои самоназначенные локации на автобусной остановке, и расстояния между ними весьма красноречивы. Англоязычные мамы собрались "на восьмифутовой площадке" (7–12 футов, или примерно 2–3,5 м, – это дальняя фаза социальной дистанции по Эд-

варду Холлу [10, с. 122]), русскоязычные мамы "стоят в нескольких футах" от них (возможно, это еще социальная дистанция), но "говорящие на китайском языке собираются через дорогу от всех остальных" (публичная дистанция по Холлу, более 12 футов [10, с. 125]). В этой ситуации китайские иммигранты устанавливают максимально возможную дистанцию и поддерживают ее, а русские занимают промежуточное положение, что оставляет возможность для более тесного контакта с американцами.

Контакт происходит, когда недавняя русская иммигрантка, изначально не знавшая своего места (и одиноко стоявшая "в узком пространстве, разделяющем российскую и американскую территории"), делает "смелый шаг и присоединяется к группе большинства, к американцам" [21]. В группу большинства входят также англоговорящие иммигранты итальянского, ирландского и еврейского происхождения, но русские и китайцы называют их "американцами". Этот символический шаг является первой стадией этнического релятивизма: принятием различий, за которым следует адаптация к различиям и их интеграция [5].

Взаимодействие между группами американцев, китайцев и русских носило сенсорный характер: в то время как "завсегдатаи в каждой группе <...> обмениваются вежливыми, но отстраненными кивками или улыбками с двумя другими лагерями", они также общаются через обонятельный канал, поскольку "от них пахнет сигаретами, подгоревшими тостами и арахисовым маслом" [21]. Эти домашние запахи, однако, не сближают людей, как это иногда случается в "алиментарном" сборнике Вапняр "Брокколи и другие рассказы о еде и любви", где каждая история посвящена определённому овощу или русскому блюду (борщу, котлетам, салату оливье).

Первые два рассказа противопоставляют сенсорные переживания, которые могут оживить человека или, напротив, лишить какого-либо удовольствия от жизни. Недавняя жительница Нью-Йорка Нина любит покупать овощи, хотя у неё нет времени их готовить. В её восприятии особенно сильно переплетаются вербальные и невербальные сигналы. Когда она видит слово *Sunripe* ("солнечно-спелые") на коробке с помидорами, то вспоминает "запах плодородной почвы, нагретой солнцем" на небольшом огороде её семьи и вид "бледно-зеленых ветвей, провисших под тяжелыми помидорами". Поэтому ей хочется потрогать эти американские овощи в надежде, что "их поверхность все еще будет немного теплой от солнца, которое светило на них, пока они созревали" [18, с. 5]. Муж не понимает её стремления, и ему просто противны забытые овощи в холодильнике. Вскоре он уходит от Нины, и после некоторого периода депрессии у неё случается свидание с мужчиной, который готовит для неё брокколи и заставляет встать на стул, чтобы лучше вдыхать насыщенный аромат. Он также считает, что брокколи "пахла молодой весенней травой и была похожа на дерево с твердым стволом и пышной кроной из плотных зернистых соцветий, словно недавно распутившиеся листья" [18, с. 7]. Примечательно, что этот именно жизнеутверждающий овощ дает заглавие сборнику "историй о еде и любви" и открывает его.

Второй рассказ сборника, "Борщ", начинается с описания сенсорного испытания, которое предстоит пройти главному герою на работе по укладке ковров: когда он закрывает глаза, то видит, обоняет и даже осязает их, "пахнувших пылью, блестящих своими синтетическими нитями и мертвых на ощупь" [18, с. 25]. Названия цветов также были лишь претензиями на натуральность: например, "Персик Джорджи" "на самом деле был бледно-коричневым с розоватым оттенком, мягким и сухим" [там же]. Мужчина, приехавший в Нью-Йорк, чтобы заработать денег на лучшую жизнь в России со своей семьей, и не позволяющий себе никаких удовольствий, в конце концов настолько измучен, что решает посетить женщину, которая рекламирует свои услуги как "доступные". Сексуальный контакт вызывает у него отторжение, но женщина помогает ему почувствовать себя лучше, когда предлагает свежесваренный борщ, настоящий праздник для всех органов чувств: "Все оттенки красного гармонируют с блеклым пурпуром свёклы, насыщенным

оранжевым цветом жирных колец, белым цветом сметаны в середине и темно-зеленой веточкой петрушки" [18, с. 48].

Сборник заканчивается рассказом о шпинате, который героиня вынуждена есть на свиданиях, поскольку её спутник, не спрашивая, постоянно заказывает его для них обоих. В конце концов женщина выдумывает любовника, который якобы остался в её родной стране (на этот раз не в России, а в Чехии), и описывает его пристрастие к овощам. Он якобы предпочитает овощи, сохраняющие яркость цвета при варке: морковь, перец, кабачки, спаржу, чтобы его "тарелка была похожа на палитру художника". Сказав это, героиня понимает, что "именно этого она хотела: тарелку, похожую на палитру художника, усыпанную разноцветными хрустящими кусочками, сбрызнутыми чесноком и лимонным соком, блестящими от масла" [18, с. 132]. Обилие взрывных звуков "п", "к", "г" и "б" в описании этих овощей в оригинале ("a plate that looked like a painter's palette, heaped with colorful, crunchy chunks sprinkled with garlic and lemon juice, glistening with butter") сигнализирует о скором окончании её безвкусных и бессмысленных отношений, которым недостает энергетики: выдуманный любовник "едет" ей на помощь. Лара Вапняр заканчивает свою книгу "коллекцией рецептов", как бы призывая всех, и особенно людей, адаптирующихся к новой культуре, привнести любовь в свою жизнь с помощью разнообразных вкусовых ощущений.

В романе "Воспоминания музы" Вапняр показывает, как изменение отношения к еде может рассказать историю иммигранта. Когда уже упоминавшаяся героиня Татьяна получает письмо от иммиграционной службы США, её первая мысль – о возможности пить кофе столько, сколько хочется. Вскоре после иммиграции она случайно оказывается в книжном магазине, знакомится с "бородатым писателем", вспоминает о детской мечте подражать Аполлинии Сусловой и стать музыкой писателя, достойного сравнения с Достоевским. По иронии судьбы, американский автор полагает, что на неё производит впечатление отрывок из его романа, поскольку он замечает отсутствующий взгляд и слёзы, а героиня просто не понимает "приятных иностранных звуков" и слушает их, как музыку [19, с. 92]. У обоих персонажей были свои фантазии: американский писатель тоже мечтал об Аполлинии, а встретил женщину, подобную жене Достоевского Анне Григорьевне, которая, по его мнению, была лишь простой, непритворной и всегда готовой услужить.

Поэтому он предлагает Татьяне поселиться в своей уютной квартире и пытается научить её быть послушной спутницей жизни. Один из первых уроков посвящен кофе, о котором она мечтала как о воплощении Америки. Бородатый писатель знакомит её с капучино (и с удивлением узнает, что она никогда раньше не видела капучино), затем с турецким и вьетнамским кофе и наконец с "волшебным" кофе, который готовит сам. Татьяна так хочет скорее сделать ему комплимент, что обжигает язык. Довольно скоро женщина понимает, что его "самодовольство и особенно убежденность в том, что люди рады ему служить" отталкивают её [19, с. 185]. Самое неприятное – наблюдать эту убежденность в обращении с ней, особенно когда он хвалит её успехи в варке кофе и даже снисходительно замечает, что "речь идет о настоящем таланте" [19, с. 186]. Эта реплика, обращенная к молодой женщине, которая гордится стать историком и пытается рассказать об этом, но на неё не обращают внимания, демонстрирует полное отсутствие уважения и интереса к ней как к личности. Неудивительно, что Татьяна начинает свое ретроспективное повествование с признания, что через некоторое время после переезда в Соединенные Штаты разлюбила кофе [19, с. 56].

В "Воспоминаниях музы" Лара Вапняр находит довольно точные описания алиментарно-семиотических значений. Когда Татьяна впервые приезжает в США и семья дяди собирается, чтобы поприветствовать её, она описывает их еду как "острую, тяжелую, громкую" и добавляет, что каждый кусок сопровождался советами обязательно попробовать, потому что она никогда такого не ела [19, с. 73]. Помимо этих замечаний, семья щедро "кормит" новоприбывшую советами по поводу её новой жизни, так что трапеза напоминает неловкую церемонию инициации, и после неё героиня мучается, как после пищевого отравления. И амери-

канская еда – немалое испытание: даже сэндвич "казался настолько высоким и сложным", что она и не пыталась его съесть [19, с. 94]. При этом некоторое время героиня чувствовала себя польщенной тем, что "бородатый писатель" выбрал её и она удовлетворила его придиричивый вкус.

Однако шансов, что она сможет вписаться в его жизнь, нет, и вечеринки его друзей ясно показывают это. Аккуратные закуски, подаваемые "в элегантно недружелюбном стиле под аккомпанемент сбивающего с толку столового серебра" [19, с. 155] полностью исключают некомпетентного чужака. Все эти сигналы в конечном итоге накапливаются и помогают женщине-иммигрантке сделать правильный выбор: оставить чужого человека и начать собственную жизнь. Только после этого её сенсорные переживания становятся приятными: она чувствует "соблазнительный запах" кафе и "учится заново смаковать город" [19, с. 209]. Так начинается настоящая адаптация к новой культуре.

Заключение

В статье показано, как комплексный семиотический анализ невербального поведения в иммигрантской художественной прозе может выявить различные стадии аккультурации, соответствующие фазам культурного шока. Большинство людей, которых описывает Лара Вапняр, прошли туристско-медовый месяц и редко выражают восхищение новой культурой. Они скорее находятся в стадии собственно культурного шока и выживания, поэтому им необходимо опираться на привычные вещи, особенно в одежде и продуктах питания, чтобы ориентироваться в чужой среде (образно говоря, занимая "узкое пространство между территориями", а также "стоя через улицу и даже не пытаясь подойти"). Некоторые из героев находятся на переходном этапе или в стадии начальной адаптации иммигрантов, но никто не достиг фазы интеграции, чтобы вести себя как американцы, которые сохраняют дружелюбную социальную дистанцию и легко общаются даже с незнакомцами.

Проведенный анализ показывает, что иммигрантская художественная литература может верифицировать теорию межкультурной коммуникации, как можно убедиться и на примере прозы другого русско-американского автора, Василия Аксёнова. В своей автобиографической книге "В поисках меланхолического бэби" Аксёнов описывает все четыре стадии аккультурации и культурного шока в кратком отрывке (скорее всего, писатель не знал этих понятий, но испытал их на себе). Сначала он упоминает "светлые окна нового дома" (фаза "турист", стадия "медового месяца"), затем то, что его когда-то раздражало: "слабый кофе, запах попкорна в кинотеатрах" (фаза "выживший", стадия собственно культурного шока). После этого писатель говорит, что уже привык ставить месяц перед числом, восклицать "ауч" вместо "ой", пожимать правой рукой что-то дорогое (фаза "иммигрант", начальная стадия адаптации), но называет себя "почти американцем" и опасается, не вышвырнуть ли его и из этой страны [1, с. 302]. Аксёнов, как и персонажи Вапняр, не достиг стадии интеграции и самоощущения гражданина, когда писал свою книгу в 1987 году, после семи лет иммиграции. Даже в этом коротком отрывке немало сенсорных и кинетических отсылок, что позволяет сделать вывод о продуктивности невербального подхода в обсуждении вопросов аккультурации.

Особый потенциал для этого подхода – в контактных литературах, созданных на неродных языках [14] и в современной науке получивших также название транслингвальных [22]. Эти литературы создают особое пространство интенсивного межкультурного взаимодействия. Транслингвальная художественная литература стала наиболее актуальной в постколониальном мире, где иммигранты из Азии, Африки, Восточной Европы покидают родные страны и адаптируются к новым культурам.

Литература

1. Аксёнов В.П. В поисках грустного беби. М.: Конец века, 1992. 476 с.
2. Бутенина Е. М. Набоковский код в русско-американском романе Ольги Грушиной // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 5(11). С. 189–193.
3. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
4. Acton W.R., Walker de Felix J. Acculturation and mind // Culture Bound. Cambridge University Press. 1994. P. 20–32.
5. Bennet J.M. Towards ethnorelativism: a developmental model of intercultural sensitivity // Education for the Intercultural Experience. Yarmouth: Intercultural Press, 1993. P. 21–71.
6. Birdwhistell R.L. Introduction to kinesics: an annotation system for analysis of body motion and gesture. Ann Arbor: University of Michigan Library, 1952. 88 p.
7. Birdwhistell R.L. Kinesics and context: essays on body motion communication. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970. 352 p.
8. Fast J. Body language. New York: Pocket Books, 1970. 184 p.
9. Fox K. Watching the English: The hidden rules of English behaviour. London: Hodder Education, 2004. 584 p.
10. Hall E.T. The hidden dimension. New York: Anchor Books, 1966. 240 p.
11. Hall E.T. The silent language. New York: Anchor Books, 1959. 217 p.
12. Hardy C. Networks of meaning: a bridge between mind and matter. Westport, London: Praeger, 1998. 232 p.
13. Harré R. Physical being: a theory for a corporeal psychology. Oxford, Boston: Blackwell Publishers, 1994. 280 p.
14. Kachru B.B. The bilingual's creativity and contact literatures // The alchemy of English: the spread, functions, and models of non-native Englishes. Oxford: Pergamon Press. 1986. P. 159–173.
15. Marx E. Breaking through culture shock: what you need to succeed in international business. Paris: Hachette, 2011. 228 p.
16. Pease A. Body language. Wellington: Sheldon Press, 1981. 237 p.
17. Ruthrof H. Semantics and the body: meaning from Frege to the postmodern. Toronto: University of Toronto Press, 1997. 338 p.
18. Vapnyar L. Broccoli and other tales of food and love. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 2008. 148 p.
19. Vapnyar L. Memoirs of a muse. New York: Vintage International, 2007. 212 p.
20. Vapnyar L. Still here. New York: Random House Publishing Group, 2016. 336 p.
21. Vapnyar L. The talk of the bus stop // The New York Times. 2004. Jan. 25. URL: <https://www.nytimes.com/2004/01/25/nyregion/new-york-observed-the-talk-of-the-bus-stop.html> (дата обращения: 15.07.2022).
22. Wanner A. Out of Russia: Fictions of a new translingual diaspora. Evanston: Northwestern University Press, 2011. 264 p.
23. Wanner A. The erotic charm of Russianness: Lara Vapnyar's Memoirs of a muse and Irina Reyn's What happened to Anna K. // American Association of Teachers of Slavic and East European Languages Conference. URL: http://www.aatseel.org/100111/pdf/abstracts/abstract_2009_16_3.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

References

1. Aksjonov V.P. In Search of Melancholy Baby. Moscow: Konec veka, 1992. 476 p. (In Russ.)
2. Butenina E. M. Nabokovian code in Olga Grushin's Russian American novel // Perm University Herald. Russian and International Philology. 2010. № 5(11). P. 189–193. (In Russ.)
3. Krejdlin G.E. Nonverbal semiotics. Body language and natural language. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 592 p. (In Russ.)
4. Acton W.R., Walker de Felix J. Acculturation and mind // Culture Bound. Cambridge University Press. 1994. P. 20–32.
5. Bennet J.M. Towards ethnorelativism: a developmental model of intercultural sensitivity // Education for the Intercultural Experience. Yarmouth: Intercultural Press, 1993. P. 21–71.
6. Birdwhistell R.L. Introduction to kinesics: an annotation system for analysis of body motion and gesture. Ann Arbor: University of Michigan Library, 1952. 88 p.
7. Birdwhistell R.L. Kinesics and context: essays on body motion communication. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970. 352 p.
8. Fast J. Body language. New York: Pocket Books, 1970. 184 p.
9. Fox K. Watching the English: The hidden rules of English behaviour. London: Hodder Education, 2004. 584 p.
10. Hall E.T. The hidden dimension. New York: Anchor Books, 1966. 240 p.
11. Hall E.T. The silent language. New York: Anchor Books, 1959. 217 p.

12. Hardy C. *Networks of meaning: a bridge between mind and matter*. Westport, London: Praeger, 1998. 232 p.
13. Harré R. *Physical being: a theory for a corporeal psychology*. Oxford, Boston: Blackwell Publishers, 1994. 280 p.
14. Kachru B.B. *The bilingual's creativity and contact literatures // The alchemy of English: the spread, functions, and models of non-native Englishes*. Oxford: Pergamon Press. 1986. P. 159–173.
15. Marx E. *Breaking through culture shock: what you need to succeed in international business*. Paris: Hachette, 2011. 228 p.
16. Pease A. *Body language*. Wellington: Sheldon Press, 1981. 237 p.
17. Ruthrof H. *Semantics and the body: meaning from Frege to the postmodern*. Toronto: University of Toronto Press, 1997. 338 p.
18. Vapnyar L. *Broccoli and other tales of food and love*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 2008. 148 p.
19. Vapnyar L. *Memoirs of a muse*. New York: Vintage International, 2007. 212 p.
20. Vapnyar L. *Still here*. New York: Random House Publishing Group, 2016. 336 p.
21. Vapnyar L. *The talk of the bus stop // The New York Times*. 2004. Jan. 25. URL: <https://www.nytimes.com/2004/01/25/nyregion/new-york-observed-the-talk-of-the-bus-stop.html> (дата обращения: 15.07.2022).
22. Wanner A. *Out of Russia: Fictions of a new translingual diaspora*. Evanston: Northwestern University Press, 2011. 264 p.
23. Wanner A. *The erotic charm of Russianness: Lara Vapnyar's Memoirs of a muse and Irina Reyn's What happened to Anna K. // American Association of Teachers of Slavic and East European Languages Conference*. URL: http://www.aatseel.org/100111/pdf/abstracts/abstract_2009_16_3.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

Евгения Михайловна БУТЕНИНА, д-р. филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: butenina.em@dvfu.ru
Evgenia M. BUTENINA, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: butenina.em@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 26.07.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 19.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2022

Научная статья
УДК 81'42
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/32-41>

Каталог как жанр дискурса кинофестиваля (на материале кинофестиваля стран АТР "Меридианы Тихого")

Татьяна Алексеевна ИВАНКОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ivankova.ta@dvfu.ru

Елена Борисовна КОНЕВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, koneva.eb@dvfu.ru

Юлия Александровна ПОЛЬШИНА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, polshina.yua@dvfu.ru

Аннотация. Международный кинофестиваль является событием культурной жизни, где не только взаимодействуют создатели кинофильмов со зрителями, но и вступают в контакт их языки и культуры. В статье впервые выделяется дискурс кинофестиваля, и в его рамках рассматривается жанр каталога как гибридное (сочетающее вербальный и невербальный компоненты), гетерогенное (состоящее из текстов разных типов), дву- или многоязычное образование, созданное на основе компиляции, компрессии, опосредованного перевода и межкультурной адаптации информации.

Ключевые слова: дискурс кинофестиваля, каталог кинофестиваля, гетерогенность каталога, опосредованный перевод

Для цитирования: Иванкова Т.А., Конева Е.Б., Польшина Ю.А. Каталог как жанр дискурса кинофестиваля (на материале кинофестиваля стран АТР "Меридианы Тихого") // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 32–41. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/32-41>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/32-41>

Catalog as a genre of film festival discourse (based on the film festival of the Asia-Pacific countries "Pacific Meridian")

Tatiana A. IVANKOVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ivankova.ta@dvfu.ru

Elena B. KONEVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, koneva.eb@dvfu.ru

Yulia A. POLSHINA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, polshina.yua@dvfu.ru

Abstract. An international film festival is a cultural event where filmmakers interact with the audiences, while their languages and cultures also come into contact. The article focuses on defining discourse of the film festival that has not been previously singled out. The discourse of the film festival is understood as a collection of oral and written texts, consisting of verbal and non-verbal components, and the processes of their generation, united by the communicative situation of film screening. Depending on the channel of transmitting the message, the texts will demonstrate a different combination of linguistic, graphic, sound and visual signs. The context of the discourse is largely formed by the participants' background knowledge and cultural viewpoints. Additionally, the genre of film festival catalog within this discourse is described as hybrid (combining verbal and non-verbal components), heterogeneous (consisting of texts of different types), bi- or multilingual unity, created on the basis of compilation, compression, mediated translation and intercultural adaptation of information.

Keywords: discourse of the film festival, film festival catalog, heterogeneity of the catalog, mediated translation

For citation: Ivankova T.A., Koneva E.B., Polshina Yu.A. Catalog as a genre of film festival discourse (based on the film festival of the Asia-Pacific countries "Pacific Meridian") // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 32–41. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/32-41>

Введение

Назвать точное количество кинофестивалей, существующих сегодня в мире, не сможет, вероятно, никто, однако нет никаких сомнений, что кинофестивали сегодня – важная часть киноиндустрии. По оценке киноаналитиков Джесс Робинсон и Стивена Фоллоуза, согласно данным за 2013 год, активными можно было признать 2954 кинофестиваля [24]. В 2022 году на сайте FilmFreeway [14] зарегистри-

ровано 10547 фестивалей, из которых в настоящее время активны 3909. В любом случае мы говорим о тысячах кинособытий, происходящих с разной степенью регулярности по всему миру, на всех континентах.

Современные кинофестивали чрезвычайно разнообразны по формату – более 500 являются крупными международными событиями с разнообразными программами, включающими фильмы разных жанров, стран и периодов, при этом существует огромное количество локальных и нишевых фестивалей, фокусирующих свое внимание на фильмах одного региона, определённого жанра или тематики. Существующие кинофестивали в основном относительно молоды – более 75% тех, что функционируют сегодня, были созданы в течение последних двадцати лет [17].

Владивосток, город кросскультурный, где сходятся, соприкасаются и смешиваются Восток и Запад, принимает Международный кинофестиваль стран АТР "Меридианы Тихого" с 2003 года. В фокусе фестиваля – кино стран Азиатско-Тихоокеанского региона от Китая, Японии, Республики Кореи, Вьетнама, Таиланда до США, Канады и Мексики, от Чили, Перу и Колумбии до Филиппин, Австралии и Новой Зеландии. Однако этим достаточно обширным регионом география фестиваля не ограничивается, поскольку в разных программах "Меридианов Тихого" широко представлено и отечественное кино, и кино Европы, Ближнего Востока, Азии и Африки. Так, в 2020 году на кинофестивале во Владивостоке демонстрировались фильмы из 112 стран мира, что для фестиваля является рекордом, а в 2022 в программу отобраны киноленты 94 стран.

Дискурс кинофестиваля

Кинофестиваль как культурное событие является объектом изучения культурологии, истории, экономики и туризма, однако в силу того, что международный киносмотр является местом контакта языков и культур, он представляет не меньший интерес для лингвистов и экспертов по межкультурной коммуникации. Одним из возможных подходов к кинофестивалю как объекту анализа в рамках этих наук является выделение дискурса кинофестиваля.

Признавая важность невербального, в том числе визуального компонента познания, коммуникации и искусства в мире, где потребление информации всё чаще и больше происходит через экран, исследователи обращаются к изучению различных типов дискурса, в которых устная и письменная речь – это часть аудиовизуального ряда, неразрывно связанного с культурно-историческим фоном и экстралингвистическим контекстом создания медиа- или кинопроизведения.

Обзор исследований кино как гибридного дискурса показывает, что объектом изучения, как правило, выступает либо весь кинофильм (кинотекст), либо только кинодиалог [8, с. 14]. Кинофильм как текст признается связным семиотическим пространством [6, с. 4], а кинодиалог – его вербальной составляющей [3, с. 9; 4, с. 5; 10, с. 38]. Вслед за Г.Г. Слышкиным и М.А. Ефремовой кинотекст понимается нами как "связное, цельное и завершённое сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и /или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями" [9, с. 37]. Описывая кинодиалог как объект перевода в кино, В.Е. Горшкова определяет его как "вербальный компонент гетерогенной семиотической системы фильма, смысловая завершенность которого обеспечивается его аудиовизуальным рядом", "квазиспонтанный разговорный текст, подвергшийся определенной стилизации в соответствии с художественным замыслом режиссера и ориентированностью на особый кинематографический код, что находит свое выражение в доминировании диалогической формы речи персонажей как первичной, естественной формы речевого общения" [4, с. 5].

При обращении к термину "кинодискурс" лингвисты учитывают не только его гибридность (вербальность / невербальность), но и экстралингвистические харак-

теристики, как в определении А.Н. Зарецкой, для которой "кинодискурс" – "это связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами, то есть креолизованное образование, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности и созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом сообщения (кинозрителем). К экстралингвистическим факторам относятся разнообразные культурно-исторические фоновые знания адресата, экстралингвистический контекст – обстановка, время и место, к которым относится фильм, различные невербальные средства: рисунки, жесты, мимика, которые важны при создании и восприятии кинофильма" [5, с. 7]. При исследовании кинодискурса автор предлагает учитывать вертикальный контекст, который может содержать "прецедентные дискурсы (предтексты: киносценарии в различных вариантах, другие фильмы этого же жанра или этого же режиссёра, книги, по которым снят фильм, или которые в нем упоминаются), альтернативные варианты некоторых сцен, комментарии критиков" [там же].

Именно такое понимание кинодискурса позволяет выделить смежный с ним дискурс кинофестиваля, в сложной системе которого присутствуют не только кинофильмы/кинотексты, но и разнообразные жанры *устного* (интервью, встречи и вопросно-ответные сессии режиссёров, продюсеров, критиков, актёров со зрителями, пресс-конференции, совещания жюри, церемонии открытия/закрытия, предпоказные представления фильмов, обсуждения фильмов после показов как зрителями, так и профессионалами киноиндустрии, лекции и мастер-классы) и *письменного* (пресс-релизы, ежедневная газета, каталог кинофестиваля, брошюра для зрителей, плакаты, баннеры, рекламные материалы) модусов. Дискурс кинофестиваля представляет собой совокупность устных и письменных текстов, состоящих из вербальных и невербальных компонентов, и процессов их порождения, объединенных коммуникативной ситуацией киносмотрa. В зависимости от канала передачи сообщения текст будет представлять собой разное сочетание языковых, графических звуковых и визуальных знаков. Целями дискурса кинофестиваля можно считать информирование, воздействие, просвещение и развлечение. При этом экстралингвистические факторы, значимые для полноценной передачи идеи и содержания фильмов, сохраняют свою важность и в дискурсе кинофестиваля, влияя на восприятие текстов всех перечисленных выше жанров двух модусов. Наличие или отсутствие у зрителя фоновых знаний об историческом периоде, культурах, послуживших фоном событий кинокартин или определивших творческую биографию режиссёра, актёра, оператора, которым посвящены статьи в тематических рубриках каталога, влияют на интерпретацию и извлечение смысла зрителем / читателем. Культурно-прагматическая адаптация текстов, направленная на сохранение исходного авторского замысла, является одной из стратегий при переводе и требует наличия либо таких фоновых знаний, либо навыка поиска соответствующей экстралингвистической информации у переводчика, выступающего в рамках дискурса кинофестиваля в роли посредника в межкультурной коммуникации участников-представителей различных культурно-языковых сообществ.

В то же время кинофестивалю присуща дискурсная гетерогенность, поскольку он включает в себя различные дискурсы, соотносимые не только с кинематографом, но и другими сферами деятельности, попадающими в объектив и затем на экран. Категория полидискурсности, введенная В.Е. Белоголовой, представляется как "переплетение различных дискурсов в единый социокультурно-обусловленный полидискурс, воспроизводящий себя в открытом множестве текстов, объединенных общей сферой применения и специфичной идеологией" [2, с. 121]. Очевидно, что киноиндустрия выступает как единая сфера применения полидискурса кинофестиваля, а среди множества текстов, в которых он воспроизводится, следует рассматривать не только кинофильмы, но и, в частности, каталоги кинофестиваля, которые фиксируют результат взаимодействия специальных дискур-

сов (публицистического, научного дискурсов, кинодискурса и др.). Кинофильму как сложному семиотическому образованию посвящены многочисленные исследования, однако каталог кинофестиваля прежде не становился объектом рассмотрения лингвистов, и настоящая статья представляет собой первую попытку описания его структуры и свойств.

Структура и свойства каталога международного кинофестиваля

Сотрудничая с МКФ "Меридианы Тихого" с 2003 года, составители каталога (авторы данной статьи) обращались за опытом ко многим кинофестивалям и их каталогам для установления общепринятых принципов отбора, изложения и оформления информации: Московскому МКФ, Кинотавру, Каннскому, Берлинскому, Венецианскому кинофестивалям, МКФ в Гонконге, Пусане, Торонто и другим. Многолетний практический опыт поиска, анализа и выработки собственных критериев и алгоритма составления каталога позволил установить, что он представляет собой справочное издание, содержащее в основной своей части подробную информацию обо всех кинофильмах, принимающих участие в кинофестивале. Как правило, фильмы группируются по программам, а внутри программ располагаются в алфавитном порядке.

Кроме описания фильмов, каталог кинофестиваля может содержать приветственные, программные и критические тексты как от организаторов, так и от участников и приглашенных гостей, информацию о жюри и призах, описание сопутствующих событий (выставок, мастер-классов, лекций и др.), проходящих в рамках кинофестиваля, рекламу спонсоров, индексы для быстрого доступа к информации. Таким образом, полидискурсивность каталога связана с тесным взаимодействием художественного, научного, публицистического и рекламного дискурсов и обуславливает множественность его функций, среди которых 1) информативная, передающая сведения о фильме и его авторах; 2) экспрессивная, связанная с наличием в описаниях фильмов и рецензиях оценки достижений режиссёров, актёров и других кинодеятелей, а также конкурсных успехах кинокартин; 3) аттрактивная и воздействующая как реализация способности привлечь внимание читателя и побудить его стать зрителем.

Содержание и объём каталога могут значительно варьироваться от фестиваля к фестивалю и зависят от ряда факторов: целей, которые ставит перед собой кинофестиваль, его фокуса и формата, степени известности, предпочтений организаторов и т. д. Большинство каталогов международных кинофестивалей двуязычны, тексты в них, как правило, параллельны и представлены на языке страны, в которой проводится кинособытие, и на английском языке как языке международного общения.

Основной единицей каталога международного кинофестиваля является описание фильма, которое, как правило, содержит информацию технического характера: название фильма (фильмоним), по крайней мере, на двух языках: на языке места проведения фестиваля и на английском – (здесь возможен также третий компонент – транскрибированное латиницей название с языка оригинала, как, например, на Венецианском фестивале [11]), год и страну/регион производства фильма, оригинальный язык, на котором снят фильм, продолжительность фильма в минутах (в минутах и секундах для короткого метра), имена создателей фильма (основной состав съёмочной группы), продюсеров и ведущего актёрского состава, компанию, снявшую фильм, и его дистрибьютора с действующими контактами. Кроме этой информации, в описание фильма включены синопсис и биография режиссёра, за которыми могут следовать, фильмография режиссёра и/или перечень фильмов, ранее принимавших участие в определённом фестивале. На странице, посвящённой фильму, как правило, располагаются иллюстрации – кадры из фильма и фотография режиссёра. В целом описание фильма можно охарактеризовать как креолизованный гетерогенный текст, содержащий элементы разных семиотических систем и разные в жанровом отношении фрагменты.

Важным элементом описания фильма является синопсис. Говоря о синопсисе, представители киноиндустрии могут иметь в виду два разных подхода к нему: си-

нописис может пониматься как изложение краткого содержания сценария до производства фильма с целью привлечь внимание агентов, продюсеров и студий к будущему фильму [11; 21; 23], и как основной маркетинговый инструмент [19] для продвижения уже готового фильма и привлечения внимания дистрибьюторов, отборщиков и других представителей кинофестивалей, формирующих программу, а в конечном итоге – зрителей и участников фестивалей, для которых синопсис часто является определяющим в выборе фильмов для просмотра. В этом случае длина синопсиса составляет около 300 знаков (хотя может варьироваться в достаточно широких пределах от 100 до 1000 знаков). Синопсис, как правило, может представлять читателю главных героев фильма, место и время действия, сюжет и его основные повороты, цели героев, конфликт, настроение или атмосферу фильма, при этом никаких жестких требований к синопсису и его структуре не существует, а главной его функцией является привлечение внимания и побуждение к последующему просмотру фильма, который он описывает.

В целом для каталога как жанра дискурса кинофестиваля характерны следующие свойства:

- устойчивость структуры (информация упорядочена в соответствии с структурой данного вида деятельности, т. е. кинофестиваля);
- системный порядок предоставления информации, обеспечивающий пользователю быстрый доступ;
- отсутствие указаний на авторство для большей части текстового материала и его повторяемость (если фильм принимает участие в нескольких фестивалях, то в большинстве случаев, по крайней мере на английском языке, описание фильма будет повторяться);
- краткость информации;
- креолизованность (каталог обычно содержит большое число иллюстраций, а онлайн каталог может также содержать видеофрагменты);
- гетерогенность текстовых фрагментов (синопсис, например, может содержать различную стилистически окрашенную лексику, оценочность, стилистические приемы разных уровней для усиления воздействия на читателя, в то время как биография режиссёра стилистически нейтральна и выполняет информативную функцию);
- обращение к различной потенциальной аудитории (как минимум, трём категориям: представителям киноиндустрии, занимающимся продвижением и прокатом фильмов; участникам, членам жюри и гостям кинофестиваля, в том числе кинокритикам; зрителям).

Выделенные свойства и функции каталога международного кинофестиваля определяют стратегии его составления на двух языках. В организации "Меридианов Тихого" роль составителей/редакторов каталога отведена переводчикам, которые отбирают релевантную информацию из присланных материалов для создания краткого описания фильмов на русском и английском языках. Как правило, у участников киносмотрa запрашивают заполненную заявку (энтри-форму) с технической информацией о фильме (название, страна, длительность, язык, имена членов съёмочной группы и пр.), синопсис фильма, биографию и фильмографию режиссёра. При единообразии требований представленные материалы могут в действительности значительно отличаться друг от друга.

Наиболее очевидны эти отличия в том, что именно понимается под синопсисом. В большинстве случаев это текст объемом около 300 знаков, описывающий основные составляющие фильма так, чтобы привлечь внимание потенциального зрителя и убедить его посмотреть фильм, однако достаточно часто вместо синопсиса участники могут предоставлять близкие по жанру тексты в виде логлайна (более краткого варианта синопсиса, как правило, длиной в одно предложение, до 100 знаков (от англ. logline)), тэглайна (своего рода девиза фильма (от англ. tagline)) или тритмента (достаточно детального представления всех составляющих фильма с более подробным изложением сюжета, объем которого может достигать двух и более страниц (от англ. treatment)). Чтобы выполнять attractive и воздей-

ствующую функцию в каталоге кинофестиваля, но при этом соответствовать техническим требованиям вёрстки и печати по количеству знаков и строк, исходные тексты подвергаются разной степени компрессии и адаптации.

Зачастую в поданных на конкурс материалах отсутствует та или иная информация, необходимая для включения в каталог, а перевод названий требуется выполнить еще до того, когда фильмы поступят организаторам и переводчикам, то есть предварительный просмотр для установления функционально-прагматической нагрузки фильмом невозможен. В таких ситуациях переводчики прибегают к поиску, компиляции и переводу данных с сайтов кинокомпаний, других кинофестивалей, личных сайтов режиссёров, продюсеров и их страниц в социальных сетях; из интервью, трейлеров и фрагментов картин на платформах видеохостингов; из сетевых энциклопедий и других справочных ресурсов на английском, русском и иных языках.

В некоторых случаях возникает необходимость обращаться непосредственно к создателям фильма. В 2016 году на фестивале "Меридианы Тихого" фильмом открытия была японская картина, для которой в качестве английского названия предлагался вариант "Hee". Одним из важных сюжетных элементов фильма является возникший в результате поджога пожар, который оказал сильное воздействие на психоэмоциональное состояние главной героини. Оригинальное японское название картины, иероглиф 火, в переводе на английский означает "fire". Выбор английского названия "Hee" [16] объясняется историей создания сценария фильма, который был написан режиссером Каори Момои совместно с японским писателем Фуминори Накамурой по его рассказу с идентичным названием [15]. Этот рассказ, переведенный на английский язык, был опубликован в 2007 году в японском литературном журнале "Синтё" [16], где представлены английские переводы японских литературных произведений. Очевидно, что при переводе названия рассказа на английский язык был выбран не его существующий английский эквивалент "fire", а латинизированный вариант "hee" иероглифа 火. Именно этот вариант и стал английским названием фильма. Представители "Меридианов Тихого" обратились к режиссёру фильма Каори Момои, и она приняла предложение переводчиков о переводе названия непосредственно с японского, вследствие чего русским названием фильма стал вариант "Пламя".

Вне зависимости от жанра перевод дискурса кинофестиваля в значительной степени является опосредованным, то есть выполняется не с родного языка говорящего или оригинального языка фильма, а с английского языка, используемого в качестве лингва франка киноиндустрии [7, с. 125]. Представляющие Австралию, Новую Зеландию, страны Азии, Европы, Северной и Южной Америки участники кинофестиваля, члены жюри, журналисты, а также российские члены организационного комитета, волонтеры и иногда журналисты и зрители используют английский язык как доступное средство международной коммуникации, как посредник между своим языком и иными языками разноязычной аудитории. Кроме того, условия мирового проката и участия в международных киносмотрках требуют от создателей кинокартин подготовки англоязычных титров и/или диалоговых листов, а также материалов, которые участники предоставляют организационному комитету фестиваля.

Одной из особенностей перевода кинодискурса в целом является опосредованный перевод антропонимов: имён персонажей кинофильмов и кинематографистов. Переводчики/редакторы каталога в первую очередь сталкиваются с передачей на русский язык имён и фамилий, латинизированных при переводе на английский с языка-оригинала. При этом для каждого языка правила латинизации различаются, и если переводчик не учитывает нестандартные корреляции букв и звуков исходного и английского языков, это приводит к существенным расхождениям подбираемых соответствий и порождает множественные варианты написания и произношения одного и того же антропонима в русском языке. Помимо уже привычного дублирования имени японского режиссёра Такеси/Такеси Китано (Takeshi Kitano) в качестве примера можно привести имя тайского режис-

сёра авторского кино, широко известного на мировой кинофестивальной сцене, обладателя более 30 международных призов. Англоязычное соответствие его имени до сих пор вызывает споры даже среди профессионалов. В статье в Википедии на английском языке его имя представлено как "Apichatpong Weerasethakul" (и это единственный вариант написания на английском языке), при этом оно сопровождается транскрипцией [ʔa.p^hi.te^hât.p^hōŋ wī:r.á.sè:t.t^hà.kūn], где последний звук – [ŋ]. Такое расхождение между написанием и произношением объясняется особенностью тайского языка, где буква "а", которой обычно соответствует английская "l", в финальной позиции всегда произносится как [ŋ] [20]. При этом даже на крупнейших кинофестивалях "Weerasethakul" произносят по-разному, например, с [ŋ] на Каннском кинофестивале [18] и с [l] на Берлинском [12].

В русском языке сосуществуют два варианта написания фамилии тайского режиссёра: более распространённый "Вирасетакул" и менее распространённый, но достаточно часто встречающийся в профессиональных публикациях о кино "Вирасетакул". При этом оба варианта написания (и, соответственно, произношения) могут встречаться даже в пределах одного текста, как, например, на сайте журнала "Искусство кино" [1]. В итоге для включения в каталог и другие тексты кинофестиваля в основном выбирается вариант имени, точнее соответствующий исходному языку и принципам транслитерации с этого языка на английский и русский языки, хотя в отдельных случаях составители могут руководствоваться принципом более высокой узнаваемости. Сосуществование антропонимов-дублетов, обусловленное переводом через язык-посредник, является одной из особенностей дискурса кинофестиваля.

При опосредованном переводе титров, диалоговых листов и даже названий кинокартин есть вероятность искажений или смысловых неточностей, допущенных первым переводчиком (с исходного языка на английский), что требует внимательности и значительных усилий по выявлению и исправлению погрешностей переводчиком на русский язык. Так, в 2015 году на фестивале во Владивостоке демонстрировался вьетнамский фильм с английским названием "Flapping in the Middle of Nowhere", которое не в полной мере соответствует исходному вьетнамскому фильмониму. Оригинальный заголовок дословно переводится "Flapping of Wings in Mid Air (Space)" и представляет собой метафору, сравнивающую главных героев фильма с птицами, пойманными в воздухе на лету [22]. Стремясь полно и точно передать семантический и функционально-прагматический аспекты оригинального названия, автор перевода в качестве русского варианта предложила "На взмахе крыльев", что соответствует образности и прагматическому потенциалу вьетнамского фильмонима. Таким образом, авторами текстов каталога выступают не только коллективные авторы фильмов, представители киностудий и агенты, дистрибьюторы, организаторы и эксперты кинофестиваля, но и редакторы-переводчики, не только технически, но и творчески перерабатывающие собранную информацию для ее размещения в каталоге в соответствии с целями и функциями данного жанра дискурса кинофестиваля.

Заключение

Международный кинофестиваль стран АТР "Меридианы Тихого", проводимый во Владивостоке с 2003 года и являющийся крупнейшим кинособытием на Дальнем Востоке России, способствует сближению и взаимодействию языков и культур в ситуации кросскультурного общения.

Выделение дискурса кинофестиваля как отдельного типа, пересекающегося с кинодискурсом, но не исчерпывающегося им, позволяет анализировать взаимодействие представителей киноиндустрии и зрительской аудитории в коммуникативной ситуации международного культурного события, в рамках которого происходит обмен идеями между носителями разных языков и культур. Вербальный компонент такой коммуникации неразрывно связан с аудиовизуальным рядом, представленным на экране кинопоказов, а также дополнен креолизованными текстами каталога, буклетов, плакатов, баннеров и других печатных материалов кинофестиваля. Экстралингвистические факторы, участвующие в создании и вли-

яющие на восприятие дискурса, обусловлены культурно-историческим фоном событий и идей кинофильмов и других текстов, фоновые знания о которых у автора и реципиента могут отличаться и требуют культурно-прагматической адаптации при переводе. Цели дискурса кинофестиваля – информирование, воздействие, просвещение и развлечение – достижимы только при условии компенсации недостающего общего контекста.

Дискурсная гетерогенность кинофестиваля связана не только с тем, что киноэкран представляет различные дискурсы, попадающие в объектив оператора в зависимости от режиссерского замысла, но и с собственной неоднородностью культурного события, жанры которого – кинопоказы, интервью, лекции, рецензии, каталог и пр. – предполагают обращение не только к художественному и публицистическому дискурсам, но и к рекламному, научному и другим. Полидискурсность кинофестиваля находит отражение и в каталоге, который представляет собой справочное издание, поскольку прежде всего включает описания участвующих в различных программах киносмотров фильмах, но при этом содержит и дополнительные тексты различной функциональной направленности. Описание фильма в каталоге состоит из указания его технических характеристик, основных создателей, их биографических и фильмографических данных, синопсиса.

Многолетний практический опыт составления каталога международного кинофестиваля "Меридианы Тихого" во Владивостоке позволил установить его основные свойства: устойчивость структуры, заданная систематизация, краткость и повторяемость информации, отсутствие указания на авторов текстов, креолизованность, дискурсная, жанровая и стилиевая гетерогенность текстов, обращение к различным категориям потенциальной аудитории – представителям киноиндустрии, занимающимся прокатом фильмов, критикам, участникам фестиваля и жюри, а также зрителям.

Каталог международного кинофестиваля призван реализовать информативную, экспрессивную, аттрактивную и воздействующую функции по крайней мере на двух языках – на языке страны, где он проводится, и на английском языке международного общения. Стратегии составления каталога включают компиляцию и компрессию, а также поиск и адаптацию информации, требуемой для описания кинофильма согласно заданной структуре. Поскольку опосредованный перевод кинофильмов, их названий и других материалов оставляет пространство для ошибок и неточностей, в отдельных случаях стратегии перевода и редактирования дополняются исправлением представленного участниками перевода с языка оригинала на английский язык и приближением русского соответствия к исходному фильмониму. Таким образом можно сделать вывод о коллективном авторстве каталога как жанра дискурса кинофестиваля, в составление которого свой вклад вносят как представители киноиндустрии, от создателей фильма до дистрибьюторов, так и переводчики-редакторы, способствующие достижению понимания между участниками межъязыковой и межкультурной коммуникации представителей сферы кино и зрителей.

Основными направлениями дальнейшего изучения феномена дискурса кинофестиваля представляются уточнение его целей, структуры и свойств, а также задействованных дискурсивных стратегий и способов их реализации; исследование стратегий составления каталога (компиляции, компрессии, адаптации) как жанра дискурса кинофестиваля; описание отдельных жанров, в том числе в устном модуле, в рамках данного типа дискурса; дальнейшее изучение особенностей опосредованного перевода. Более подробного рассмотрения требуют и частные проблемы, такие как жанрово-стилевые характеристики синопсиса и биографии режиссёра, перевод фильмонимов, антропонимов и других имен собственных.

Литература

1. Беликов Е. Апичатпонг Вирасетакун: Мои сны совершенно ненормальные // Искусство кино (сайт). URL: <https://kinoart.ru/interviews/moi-sny-sovershenno-nenormalnye> (дата обращения: 26.11.2021).
2. Белоглазова Е.В. Интердискурс и полидискурс: соотношение понятий // Стил: международный научный журнал. 2008. Т. 7. С. 121–131.

3. Горшкова В.Е. Кинодиалог как объект перевода // Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод: колл. монография / под общ. ред. В.Е. Горшковой. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 367 с.
4. Горшкова В.Е. Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога (на материале современного французского кино): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2006. 32 с.
5. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 180 с.
6. Иванова Е.Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2001. 16 с.
7. Киноперевод – перевод культур (из опыта работы на международном кинофестивале стран АТР "Меридианы Тихого") / Т.А. Иванкова, Е.Б. Конева, Ю.А. Польшина [и др.] // Межкультурная коммуникация в интердискурсивном аспекте: монография / под общ. ред. Е. М. Бутениной. – Владивосток: ДВФУ, 2021. С. 123–144.
8. Корячкина А.В. Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его интерпретативно-коммуникативного перевода: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2017. 312 с.
9. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
10. Сухих Д.А., Горшкова В.Е. Конфликт комического и рационального в кинодиалогах микрометражных фильмов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 1. С. 37-48.
11. Aldredge J. A Movie Synopsis: What it Is and How to Write One // PremiumBeat (сайт). URL: <https://www.premiumbeat.com/blog/movie-synopsis/> (дата обращения: 15.05.2022).
12. Biennale Cinema 2021. Kapitan Volkonogov bezhal (Captain Volkonogov Escaped) // Biennale Cinema (сайт). URL: <https://www.labiennale.org/en/cinema/2021/lineup/venezia-78-competition/kapitan-volkonogov-bezhal-captain-volkonogov-escaped> (дата обращения: 12.05.2022).
13. Dreaming of Nothing with Apichatpong Weerasethakul // Berlinale Talents 2021 (сайт). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vnMULGIMB80> (дата обращения: 24.08.2021).
14. FilmFreeway (сайт). URL: <https://filmfreeway.com/> (дата обращения: 15.05.2022).
15. Fuminori Nakamura // AsianWiki (сайт). URL: [https://asianwiki.com/Fuminori_Nakamura_\(writer\)](https://asianwiki.com/Fuminori_Nakamura_(writer)) (дата обращения: 15.05.2022).
16. Hee // AsianWiki (сайт). URL: <https://asianwiki.com/Hee> (дата обращения: 15.05.2022).
17. Jilani S. Do film festivals help or hurt their host cities? // The Guardian (сайт). URL: <https://www.theguardian.com/cities/2019/sep/11/do-film-festivals-help-or-hurt-their-host-cities-venice-sundance> (дата обращения: 12.05.2022).
18. Kermod M. Cannes 2021: Thai director Apichatpong Weerasethakul strikes out into unknown terrain // FRANCE 24 (сайт). URL: https://www.youtube.com/watch?v=F_vTq7sOa7Q (дата обращения: 24.08.2021).
19. Lankford, E. Tips for Short Filmmakers // Medium (сайт). URL: <https://medium.com/filmfreeway/a-festival-programmer-offers-tips-4213d48e4396> (дата обращения: 15.05.2022).
20. Learn to Identify the Thai Consonants at the End of Syllables // Active Thai (сайт). URL: <https://www.activethai.com/study-thai/reading-and-writing/learning-to-spell-thai-words/consonants-in-final-position/> (дата обращения: 24.08.2021).
21. Leighfield L. How to Write an Amazing Film Synopsis (Step-by-step Guide) // Boords (сайт). URL: <https://boords.com/blog/how-to-write-a-film-synopsis> (дата обращения: 05.06.2022).
22. Lodge G. 'Flapping in the Middle of Nowhere' Review: Diep Hoang Nguyen's Impressive Debut // Variety (сайт). URL: <https://variety.com/2014/film/asia/film-review-flapping-in-the-middle-of-nowhere-1201309281/> (дата обращения: 05.07.2022).
23. Rickett M. How to Write a Movie Synopsis that Sells // StudioBinder (сайт). URL: <https://www.studiobinder.com/blog/how-to-write-a-movie-synopsis/#when-to-use-a-synopsis> (дата обращения: 12.05.2022).
24. Robinson J., Follows St. How many film festivals are there in the world? // StephenFollows (сайт). URL: <https://stephenfollows.com/many-film-festivals-are-in-the-world/> (дата обращения: 12.05.2022).

References

1. Belikov E. Apichatpong Weerasethakun: My dreams are completely abnormal // Cinema Art (website). URL: <https://kinoart.ru/interviews/moi-sny-sovershenno-nenormalnye> (accessed 26.11.2021). (In Russ.).
2. Beloglazova E.V. Interdiscourse and polydiscourse: correlation of concepts // Style: international scientific journal. 2008. Vol. 7. P. 121–131. (In Russ.).
3. Gorshkova V.E. Film dialogue as an object of translation // Film dialogue. Image-meaning. Translation: coll. monograph / ed. by V.E. Gorshkova. Irkutsk: MGLU EALI, 2014. 367 p. (In Russ.).
4. Gorshkova V.E. Theoretical foundations of a process-oriented approach to the translation of film dialogue (based on the material of modern French cinema): abstract of diss. ... Dr. Philol. Sciences. Irkutsk, 2006. 32 p. (In Russ.).
5. Zaretskaya A.N. Features of the implementation of subtext in film discourse: dis. ... Cand. Philol. Sciences.

Chelyabinsk, 2010. 180 p. (In Russ.).

6. Ivanova E. B. Intertextual connections in feature films: abstract of diss. ... Cand. Philol. Sciences. Volgograd, 2001. 16 p. (In Russ.).

7. Film translation – translation of cultures (from the experience of working at the international film festival of the Asia-Pacific countries "Pacific Meridian") / T.A. Ivankova, E.B. Koneva, Yu.A. Polshina [and others] // Intercultural communication in the interdiscursive aspect: monograph / ed. by E. M. Butenina. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2021. P. 123–144. (In Russ.).

8. Koryachkina A.V. English-language artistic film discourse and the potential of its interpretive and communicative translation: diss. ... Cand. Philol. Sciences, 2017. 312 p. (In Russ.).

9. Slyshkin G.G., Efremova M.A. Kinotext (Experience of Linguistic and Cultural Analysis). Moscow: Aquarius Publishers, 2004. 153 p. (In Russ.).

10. Sukhikh D.A., Gorshkova V.E. The conflict of the comic and the rational in film dialogues of microlength films // Bulletin of NSU. Series: Linguistics and intercultural communication. 2022. Vol. 20. No. 1. P. 37-48. (In Russ.).

11. Aldredge J. A Movie Synopsis: What it Is and How to Write One // PremiumBeat (website). URL: <https://www.premiumbeat.com/blog/movie-synopsis/> (accessed 15.05.2022).

12. Biennale Cinema 2021. Kapitan Volkonogov bezhal (Captain Volkonogov Escaped) // Biennale Cinema (website). URL: <https://www.labiennale.org/en/cinema/2021/lineup/venezia-78-competition/kapitan-volkonogov-bezhal-captain-volkonogov-escaped> (accessed 12.05.2022).

13. Dreaming of Nothing with Apichatpong Weerasethakul // Berlinale Talents 2021 (website). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vnMULGIMB80> (accessed 24.08.2021).

14. FilmFreeway (website). URL: <https://filmfreeway.com/> (accessed 15.05.2022).

15. Fuminori Nakamura // AsianWiki (website). URL: [https://asianwiki.com/Fuminori_Nakamura_\(writer\)](https://asianwiki.com/Fuminori_Nakamura_(writer)) (accessed 15.05.2022).

16. Hee // AsianWiki (website). URL: <https://asianwiki.com/Hee> (accessed 15.05.2022).

17. Jilani S. Do film festivals help or hurt their host cities? // The Guardian (website). URL: <https://www.theguardian.com/cities/2019/sep/11/do-film-festivals-help-or-hurt-their-host-cities-venice-sundance> (accessed 12.05.2022).

18. Kermod M. Cannes 2021: Thai director Apichatpong Weerasethakul strikes out into unknown terrain // FRANCE 24 (website). URL: https://www.youtube.com/watch?v=F_vTq7sOa7Q (accessed 24.08.2021).

19. Lankford E. Tips for Short Filmmakers // Medium (website). URL: <https://medium.com/filmfreeway/a-festival-programmer-offers-tips-4213d48e4396> (accessed 15.05.2022).

20. Learn to Identify the Thai Consonants at the End of Syllables // Active Thai (website). URL: <https://www.activethai.com/study-thai/reading-and-writing/learning-to-spell-thai-words/consonants-in-final-position/> (accessed 24.08.2021).

21. Leighfield L. How to Write an Amazing Film Synopsis (Step-by-step Guide) // Boords (website). URL: <https://boords.com/blog/how-to-write-a-film-synopsis> (accessed 05.06.2022).

22. Lodge G. 'Flapping in the Middle of Nowhere' Review: Diep Hoang Nguyen's Impressive Debut // Variety (website). URL: <https://variety.com/2014/film/asia/film-review-flapping-in-the-middle-of-nowhere-120130928/> (accessed 05.07.2022).

23. Rickett M. How to Write a Movie Synopsis that Sells // StudioBinder (website). URL: <https://www.studiobinder.com/blog/how-to-write-a-movie-synopsis/#when-to-use-a-synopsis> (accessed 12.05.2022).

24. Robinson J., Follows St. How many film festivals are there in the world? // StephenFollows (website). URL: <https://stephenfollows.com/many-film-festivals-are-in-the-world/> (accessed 12.05.2022).

Татьяна Алексеевна ИВАНКОВА, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: ivankova.ta@dvfu.ru

Елена Борисовна КОНЕВА, старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: koneva.eb@dvfu.ru

Юлия Александровна ПОЛЬШИНА, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: polshina.yua@dvfu.ru

Tatiana A. IVANKOVA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ivankova.ta@dvfu.ru

Elena B. KONEVA, Senior Lecturer, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: koneva.eb@dvfu.ru

Yulia A. POLSHINA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: polshina.yua@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 26.07.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 10.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2022

Цифровая коммуникация в образовании: скорость, адресность и размывание границ во внутрикультурном и межкультурном контексте

Александра Олеговна ЛАЛЕТИНА

Национальный исследовательский институт "Высшая школа экономики", Нижний Новгород, Россия, alexandra.laletina@gmail.com

Анна Владимировна ЖИГАНОВА

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, ann-zhi1@yandex.ru

Аннотация. На основании этнографических наблюдений и анкетирования авторы характеризуют культурную специфику коммуникативных норм в российском образовании и отношение сотрудников к цифровой коммуникации. Авторы предлагают рассматривать профессиональную цифровую коммуникацию в российском образовании как эгалитарно-демократическую, где предпочтение отдается мессенджерам. Оценка неоднозначная: сотрудники отмечают скорость принятия решений, но за счет размывания границ рабочего времени. Подчеркивается необходимость регламентации цифровой коммуникации.

Ключевые слова: образование, цифровая коммуникация, технологии, языковая норма, культурные особенности, электронная почта, мессенджер

Для цитирования: Лалетина А.О., Жиганова А.В. Цифровая коммуникация в образовании: скорость, адресность и размывание границ во внутрикультурном и межкультурном контексте // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 42–53. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/42-53>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/42-53>

Digital Communication in Education: Speed, Communication Roles, and Blurring Boundaries in Intracultural and Intercultural Context

Alexandra O. LALETINA

National Research University "Higher School of Economics", Nizhny Novgorod, Russia, alexandra.laletina@gmail.com

Anna V. ZHIGANOVA

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, ann-zhi1@yandex.ru

Abstract. The paper describes culturally specific communication norms and identifies faculty and staff attitudes towards digital communication in Russian education. The data include authors' ethnographic observations in Russia and the US and exploratory faculty and staff questionnaire. Workplace communication at Russian educational institutions is highly egalitarian as instant messengers and semi-social media (WhatsApp, Telegram) are the primary means of workplace communication among Russian faculty and staff with a secondary use of university email and telephone. Digital workplace communication is loosely regulated by the institutions, with participants regimenting their communication from below. Participants express ambivalence in their evaluation of messengers, which is based on what role they take in communication: As addressers, they appreciate the speed and flexibility. However, information overload and the need to be available stresses them out when they are on the receiving end. The article describes instances of cross-cultural conflict and presents directions for further research.

Keywords: education, digital communication, technology, language norm, cultural specificity, email, messenger

For citation: Laletina A.O., Zhiganova A.V. Digital Communication in Education: Speed, Communication Roles, and Blurring Boundaries in Intracultural and Intercultural Context // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 42–53. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/42-53>

Введение

Число пользователей социальных сетей и мессенджеров неуклонно растёт, по разным оценкам, социальными сетями пользуются более 4 миллиардов человек во всём мире [12; 18]. Помимо электронной почты и телефона социальные сети и мессенджеры всё чаще используются в профессиональной коммуникации, в том числе образовании. Пандемия COVID-19 и переход на удалённый режим работы во многих странах способствовали цифровизации образования и большему рас-

пространению платформ для образовательных целей. Однако в отличие от влияния электронной почты отношение к новым коммуникационным технологиям со стороны всех участников образовательного процесса (преподавателей, студентов, административных работников вузов) является малоизученным. Технологизация коммуникации создаёт необходимость пересмотра существующих коммуникативных норм в профессиональной среде и выявления их культурной специфики, поскольку коммуникация в образовании всё чаще приобретает межкультурный характер.

Современные технологии накладывают значительный отпечаток на специфику коммуникации, а Интернет является важным контекстом для анализа лингвистических процессов. Как отмечает Хелен Келли-Холмс, онлайн-пространства представляют собой площадки, содержащие ценную информацию о языках и их носителях. Язык как код или система, лежит в основе цифровой коммуникации [14, с. 24–25]. Цифровая коммуникация – это процесс передачи информации, который осуществляется посредством информационно-компьютерных технологий (ИКТ) [9, с. 6].

ИКТ (такие как электронная почта, компьютерные программы, цифровые ресурсы) глубоко укоренились в современной университетской культуре [4]. Исследования современных технологий в образовательном процессе в целом показывают, что наряду с несомненными плюсами, которые привносятся ИКТ, их использование сопряжено с рядом сложностей, поскольку они создают проблемы для физического и психологического благополучия людей и их производительности труда [5]. Например, ИКТ могут заставить преподавателей работать в слишком быстром режиме (технологическая перегрузка) и посягать на их личное время (технологическое вторжение) [24, с. 2]. Перенасыщение образовательной среды цифровыми технологиями угрожает занятости преподавателей (технологическая незащищенность), в связи с чем возникают чувства истощения, тревоги и напряжения, выражающиеся в технологическом стрессе и снижающие эффективность работы [3].

Цель настоящего исследования – охарактеризовать культурную специфику принятых в российском образовании коммуникативных норм и оценить отношение преподавателей в российской системе образования к технологически опосредованным способам общения в профессиональной среде. Данная статья будет интересна преподавателям и администрации учебных заведений для разработки регламента профессиональной коммуникации, а также социолингвистам и специалистам по межкультурной коммуникации, так как даёт определение тенденциям становления и кодификации коммуникативных норм.

Технологии и коммуникация в образовании: обзор литературы

Цифровизация образовательной среды и использование технологических инноваций в обучении – явление не новое: в области лингвистического образования журнал Европейской ассоциации компьютерно-опосредованного обучения языку (Recall) выходит с 1989 года. Коммуникация в образовательной среде – это разнонаправленное взаимодействие различных групп участников (администрации, преподавателей и учащихся), которое зачастую выходит за рамки непосредственно учебного процесса.

Объём и характер этой коммуникации не только напрямую определяют эффективность учебного процесса, но и косвенно влияют на благополучие (well-being) участников. Так, например, студенты поддерживают друг друга и общаются преимущественно с использованием текстовых сообщений в телефоне, а периодические сообщения от администрации вуза способствуют интеграции студентов в университетскую жизнь на ранних этапах обучения [11; 16; 21]. Вопрос адаптации особенно актуален для иностранных студентов: использование социальных сетей и мессенджеров снижает стресс в новой культурной среде [20]. Во время пандемии COVID-19 именно использование мессенджеров позволило наладить эффективный образовательный процесс, несмотря на работу в удалённом режиме [25]. Использование мессенджера WhatsApp эффективно для принятия коллегиальных

решений среди администрации и профессорско-преподавательского состава в университетской среде [19].

Однако у цифровизации есть и обратная сторона: количество и частота сообщений вызывает информационную перегрузку и технологический стресс у преподавателей, причём это касается как сообщений по электронной почте [6], так и сообщений в мессенджере [23].

Двойственную роль цифровых коммуникаций в рамках высшего образования подчёркивает исследование Поттер (2020): на основании интервью с сотрудниками отдела кадров 37 австралийских университетов авторы утверждают, что цифровая коммуникация в вузе может иметь как положительный, так и отрицательный характер в зависимости от того, как организован процесс этого взаимодействия. Отмечается, что характер рабочей коммуникации в университете несколько отличается от норм, принятых в индустрии, в первую очередь за счёт преобладающего использования электронной почты и этикета электронного общения. Среди плюсов участники называют гибкость, возможность коллаборации и доступ к информационным ресурсам. При этом необходимость быть на связи и объём информации негативно сказываются на психологическом и всеобщем благополучии коммуникантов, прежде всего преподавателей, которые получают сообщения во внеурочное время и вынуждены отвечать определённым ожиданиям со стороны студентов и администрации вуза. Высокая степень информированности и экономия времени как преимущества онлайн-коммуникации противопоставляются переизбытку ресурсов и информационному перегрузу, ведущим к стрессу и вызывающим необходимость установления границ общения [22].

Итак, накопленный на настоящий момент научный опыт позволяет утверждать следующее о коммуникативных моделях в образовательной среде:

- коммуникация в образовании отличается от общения в других сферах деятельности;
- цифровая коммуникация в образовании имеет как положительные, так и отрицательные черты, причём негативно коммуникация чаще сказывается на преподавателях, потому что выходит за рамки учебного времени.

Задачи настоящего исследования – проследить, (1) какие модели коммуникации сложились в российском образовании, (2) как эти модели отличаются в межкультурном аспекте от норм общения, например, в западных странах (США) и (3) как преподаватели российских вузов оценивают сложившиеся модели коммуникации.

Методология

Методологическую основу исследования составили этнографические наблюдения авторов о коммуникативных нормах в высшем образовании в США и РФ и анкетирование работников высшего образования в РФ. Оба автора имеют опыт работы в вузах РФ и США. Данными послужили дневниковые записи и наблюдения в реальном времени о том, насколько коммуникативные нормы в двух странах сопоставимы и сравнимы.

Участниками анкетирования стали подписчики социальных сетей, в том числе специализированных чатов для преподавателей и учителей, где было размещено объявление об анкетировании и сама анкета. Подавляющее число участников (25 из 26) – женщины, средний возраст участников – 40 лет. По роду деятельности респонденты либо преподают ($N = 14, 53,85\%$), либо преподают, параллельно выполняя ряд административных функций ($N = 9, 34,62\%$), либо занимаются исключительно административной работой ($N = 3, 11,53\%$). Участники представляют высшие учебные заведения ($N = 18, 69,2\%$), учреждения среднего звена ($N = 2, 7,7\%$) и внешкольные или частные учреждения ($N = 6, 23,1\%$). Основным аналитическим методом послужил тематический анализ, когда результаты опроса и этнографических наблюдений были сокращены путём выделения основных категорий и тем относительно цели исследования [7]. Мы также использовали метод постоянного сравнения (constant comparison technique) этнографических данных и ответов участников как внутри каждой группы данных, так и между группами

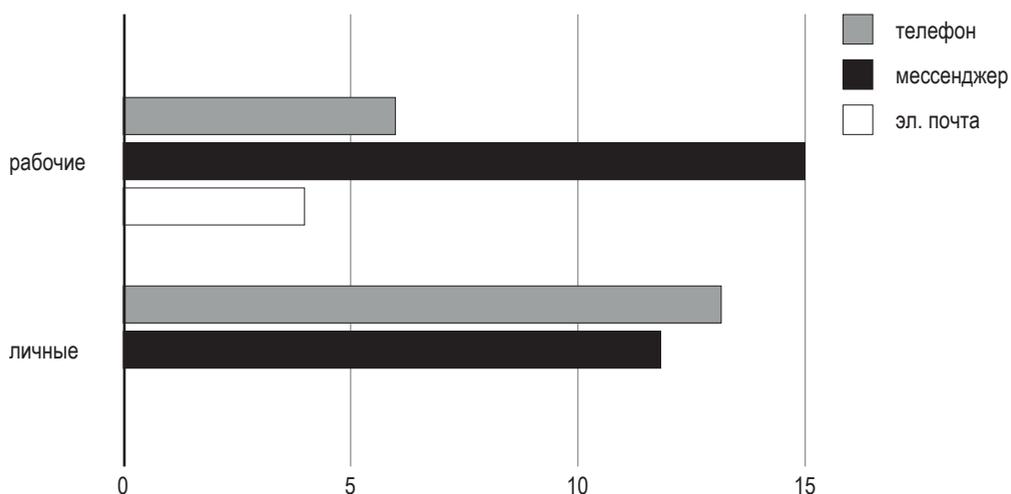

Рис. 1. Выбор канала коммуникации для решения рабочих и личных вопросов.

Источник: составлено авторами.

Fig. 1. Choice of communication channel for work and personal issues.

Source: compiled by the authors.

данных [13]. Несмотря на индуктивный характер анализа, данные анализировались с точки зрения их оценки участниками коммуникации на рабочем месте.

Результаты

В данном разделе мы сначала рассмотрим результаты анкетирования, а затем представим сравнительный анализ этнографических наблюдений.

Модели коммуникации в современном российском образовании

Результаты анкетирования свидетельствуют о преобладающей роли мессенджеров в обсуждении рабочих вопросов. В ситуациях личного общения телефонные разговоры и сообщения в мессенджерах используются в равной мере. Электронная почта служит только для рабочей коммуникации, но не пользуется большой популярностью у респондентов (рисунок 1).

Главным устройством для проверки сообщений является телефон, в некоторых случаях – телефон и компьютер; только компьютер используется крайне редко (рисунок 2).

Несмотря на использование личного телефона для решения рабочих вопросов, подавляющее большинство участников опроса отмечает важность разделения коммуникации на рабочую и личную (рисунок 3).

Отношение к сложившимся моделям коммуникации

Основной темой ответов респондентов относительно их оценки цифровой коммуникации на работе стало время/ скорость. При этом прослеживается связь между ролью в коммуникации и оценкой качества выбранной модели общения: в роли адресанта (отправителя сообщения) скорость и быстрота мессенджеров оценивается положительно, в роли же адресата (получателя сообщения) отрицательно рассматривается необходимость быть доступным вне учебной нагрузки.

Среди других плюсов общения в чатах респонденты указывают удобство, быстрое действие и скорость коммуникации ("быстро, просто и всегда под рукой", "ответ придёт быстрее", "так вопросы решаются быстрее"), возможность создавать чаты или каналы для определенного круга лиц ("можно создать группу, обмениваться мнением/ информацией в реальном времени"), а также закрепить важное общение. Кроме того, мессенджеры позволяют отслеживать процесс общения и облегчают обмен информацией: "Быстро, видно, получили сообщение или нет";

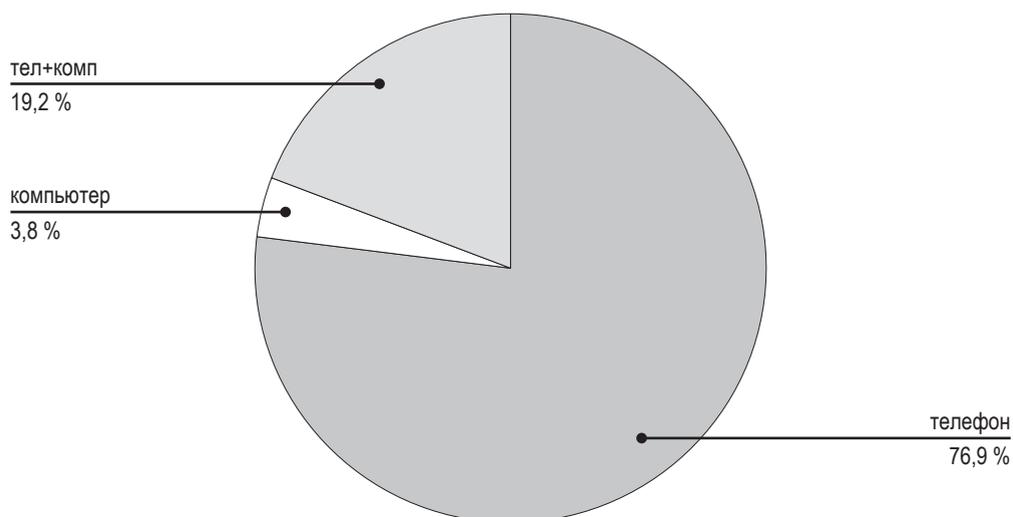

Рис. 2. Выбор технического средства для рабочей коммуникации.

Источник: составлено авторами.

Fig. 2. Choice of technical means for workplace communication.

Source: compiled by the authors.

"Быстрый контакт, удобно переслать файл"; "Быстро, кратко и с вложением наглядных картинок можно решить рабочие вопросы".

Ожидание быстрого ответа, однако, не исключает, что коммуникация будет иметь асинхронный характер, другими словами, будет растянута во времени: "Есть время для ответа и возможность подумать"; "Быстро, удобно, понятен контекст, можно варьировать время ответа"; "Нет надобности подстраиваться под график собеседника: когда ему будет удобно – прочитает".

Одним из преимуществ мессенджеров участники называют опцию отправки голосовых сообщений, которая активизирует экстралингвистические факторы коммуникации и контекст: "Слышат мой тон, в смс иногда вызывает непонимание"; "Для меня быстрее сказать, чем написать, попутно возникающие вопросы можно сразу обсудить". Около трети респондентов отмечают, что общение в мессенджерах их полностью устраивает.

Электронная почта, по мнению участников, уступает новейшим каналам связи: "Электронная почта перешла в разряд эпистолярного жанра"; "В настоящее время почта стала не столь оперативной, как мессенджер"; "Можно что-то срочное не заметить". В то же время переписка по электронной почте больше согласуется с форматом официального общения и даёт возможность документации корреспонденции: "В вузе, где я работаю, принято оперативно реагировать на письма по электронной почте. Кроме того, этот вид связи более формальный и, в случае необходимости, на тексты можно сослаться официально. Мессенджеры и звонки в этом плане менее убедительны".

Некоторые респонденты отмечают, что выбор канала коммуникации зависит от ситуации или адресата сообщения: "Для решения мелких или срочных дел больше подходят мессенджеры"; "В целом в своей работе я использую все вышеперечисленные средства связи. Если надо срочно связаться со студентами, то это соц. сети (вотсап, телеграм), так как они больше всего "сидят" именно там, если это официальное письмо, то, конечно, электронная почта. По телефону это чаще бывают вопросы, которые требуют срочного решения или уточнения".

Главным недостатком мессенджеров участники называют техническую и контекстуальную сторону цифровой коммуникации. К технической составляющей относится отсутствие доступа к Интернету со стороны адресата, а к контекстуальной – занятость адресата и невозможность быстро ответить: "Не всегда есть

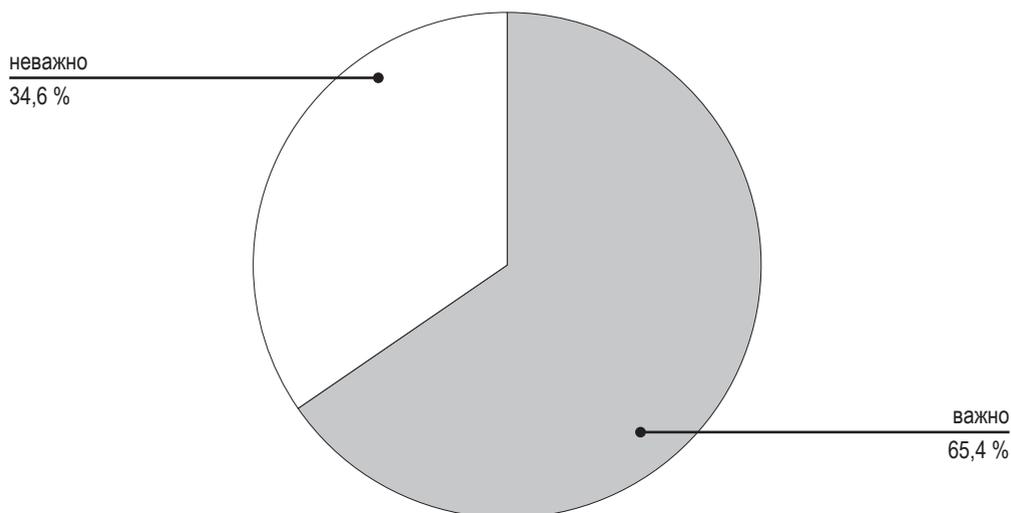

Рис. 3. Важность разделения коммуникации на рабочую и личную.

Источник: составлено авторами.

Fig. 3. Importance of keeping personal and professional communication apart.

Source: compiled by the authors.

Интернет и возможность читать сообщения"; "Если человек недоступен, нужно ждать"; "Телефон может быть недоступен, придётся перезвонить, если коллега занят"; "Не всегда человеку удобно говорить"; "Кто-то бывает занят и не может ответить". Именно роль коммуникантов (адресант vs. адресат) является определяющим фактором. Другими словами, участникам импонирует возможность отправить сообщение (голосовое или текстовое) в удобное для них время и уверенность, что оно было доставлено и просмотрено, однако перспектива получать сообщения в любое время, в том числе вне рабочее, вызывает отторжение: "Мессенджер – это вторжение в личное пространство человека"; "Возможно пересечение личных и рабочих пространств"; "Не всегда нравится, что у всех есть мой номер телефона".

Именно график является первым по частотности пожеланием участников относительно изменения существующей модели коммуникации. Мотивацией служит запрос на личное время: "Чётко установила бы время общения"; "Хотелось бы обсуждать рабочие вопросы только в рабочее время"; "Нужен второй номер для работы, но не получается"; "Хотелось бы, чтобы рабочая коммуникация проходила в рабочее время, а не 24/7"; "Перестала бы слать сообщения по выходным и после 18.00"; "Необходимо установить график общения по рабочим вопросам"; "Нужен регламент рабочего времени"; "Планирую создать регламент корпоративных коммуникаций".

Вторым по значимости недостатком мессенджеров участники называют адресность сообщений и контекст: "Бывает слишком много сообщений от участников чата". К пожеланиям относится конкретизация адресата, "чтобы писали, что за письмо, кому, а не в общий чат без объяснения". Размытый контекст мессенджеров не способствует верной интерпретации сообщений, во многом замедляет и усложняет общение: "Непонятен тон обсуждения иногда"; "Иногда контекст может быть непонятен"; "Не всегда сообщения бывают правильно поняты".

Причина недопонимания скрывается в восприятии мессенджеров и их пограничном положении между формальной, письменной коммуникацией вне контекста и неформальной, устной и глубоко контекстуализированной ситуацией живого или телефонного разговора. Мессенджеры имитируют ситуацию общения, позволяя создавать голосовые сообщения или краткие, максимально приближенные к устной речи письменные сообщения. Ограничением же мессенджеров является

Преимущество	Недостаток
Оперативно	Занимает всё время
Слышат мой тон	Непонятен контекст, всё должно иметь письменную фиксацию
Не нужно подстраиваться под чужой график	Нужно ждать, если человек вне доступа
Групповой формат – можно сразу сказать что-то многим	Слишком много сообщений от всех участников чата

Табл. 1. Преимущества и недостатки общения в мессенджерах.

Table 1. Advantages and disadvantages of communication in instant messengers.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

асинхронный характер общения, в котором краткие сообщения не имеют просодических параметров, таких как тональность, интонация, смысловое ударение.

Хаотичность и отсутствие жанровой структуры, которая является нормой в неформальной устной беседе, но в значительной мере отличается от высокоструктурного регистра документооборота и письменного общения по электронной почте, также вызывает негативную оценку участников исследования. Сообщения в мессенджерах не всегда удобно искать, и они предназначены преимущественно для краткого обмена репликами: "Файлы трудно систематизировать (всё свалено в одну ленту переписки, как средневековый свиток), поэтому иногда приходится пользоваться и эл. почтой".

В целом каждое преимущество мессенджеров уравновешивается недостатком (таблица 1).

Примечательно, что двое участников предложили создать регламент общения в мессенджерах или ввести единую систематизированную систему коммуникации.

Рабочая коммуникация в РФ и США: этнографический аспект

Результаты анкетирования отражают сложившуюся ситуацию общения в образовательной среде РФ на сегодняшний момент (2022). Вместе с этим данные модели общения кардинально отличаются от моделей в допандемийный период (до 2019) и имеют свои культурные особенности. Наш опыт работы в университетах РФ и США (Анна 2011–2012, Александра 2006–2007, 2011–2020) позволяет нам выделить три основных отличия: выбор технических средств и каналов коммуникации, уровень регламентации коммуникации и, как следствие, коммуникативные нормы.

Преподаватели, студенты и административные работники в американских вузах в меньшей степени свободны выбирать технические средства и каналы коммуникации, которые определяются университетом/ колледжем – это само устройство (как правило, компьютер, рабочий телефон в отведённом рабочем месте (офисе)) и программное обеспечение (например, платформы MS Teams или Zoom). Регламентом также устанавливается, что коммуникация внутри вуза между всеми участниками (студентами, преподавателями и администрацией) осуществляется через университетскую электронную почту. Использование личного почтового адреса, особенно в переписке преподаватель – студент, исключается, так как в случае спорных или конфликтных ситуаций у компьютерной службы учреждения должен быть доступ к переписке. Именно этикет переписки по электронной почте является одним из первых модулей на курсах для иностранных студентов, так как межкультурные модели коммуникации по электронной почте зачастую вызывают недопонимание между иностранными студентами и преподавателями.

Рабочий телефон и голосовые сообщения выполняют роль вспомогательного средства. При этом все сотрудники и студенты регистрируют личный телефон и личный почтовый адрес в университетской системе оповещения на случай экстренных и чрезвычайных ситуаций, которые потенциально могут представлять

опасность, например, отмена занятий по погодным условиям, происшествие на территории университета или поблизости. Для текущих оповещений и анонса мероприятий используется ежедневный бюллетень (электронное письмо со списком актуальных новостей, анонсов, объявлений). Во время пандемии видеоконференции с руководством вуза имели периодический характер для прозрачности коммуникации и принимаемых решений.

Общение в мессенджерах и групповых чатах в американском вузе (например, Slack) всегда имеет добровольный (необязательный) характер и чаще всего используется для общения в рамках совместного научного проекта.

Таким образом, коммуникация внутри американского вуза ведется посредством предоставляемых вузом средств (например, почтовый адрес/ рабочий номер телефона) и регламентируется внутренними документами.

Для переписки по вопросам рабочего характера в российских вузах также используется корпоративная университетская почта, но при этом могут быть задействованы личные почтовые адреса (это зависит от конкретного университета). Рассылки по электронной почте осуществляются на регулярной основе. Использование Learning Management System (системы управления обучением), а также онлайн-платформ Zoom/ Skype/ Google Meet/ Big Blue Button стало обязательным для всех преподавателей в период дистанционного обучения.

Широкую популярность набрали мессенджеры – WhatsApp, Telegram, Viber: общение ведётся как в групповых чатах (для сотрудников определённых подразделений, а также с целью взаимодействия с курсами/ группами), так и в индивидуальном порядке. Как правило, в мессенджеры направляется информация, которая требует быстрого реагирования и представляет собой срочные запросы любого рода. Регистрация в мессенджерах не является обязательной, но желательна, поскольку в противном случае информация может быть не донесена до адресата.

Межкультурные различия в коммуникативных нормах в образовательной среде проявились в полной мере в курсе, который мы совместно вели на английском языке в одном из ведущих вузов РФ. Студенты, обучающиеся на курсе, были как из России, так и других стран, в том числе Египта, Ирака, Нигерии. Мы озвучили правила коммуникации на первом занятии – только электронная почта или сообщения внутри LMS (учебной платформы). Однако по мере прохождения курса некоторые студенты начали присылать сообщения в мессенджере без учета разницы в часовых поясах. Просьба использовать электронную почту не изменила ситуацию. Очевидно, что студент общался с руководителем программы через мессенджер и перенес эту норму на взаимодействие с другими преподавателями в рамках программы.

Этот случай наглядно иллюстрирует конфликт коммуникативных норм в межкультурном разрезе. Озвученные в рамках курса инструкции размываются наличием других норм и отсутствием чёткого регламента коммуникации внутри образовательного пространства.

Обсуждение

Результаты настоящего исследования демонстрируют наличие как минимум двух различных моделей цифровой коммуникации в образовательной среде: традиционно-консервативной и эгалитарно-демократической. Традиционно-консервативная модель регулируется сверху и характеризуется преобладанием письменной коммуникации (например, электронной почты) посредством предоставленных технических средств. Эгалитарно-демократическая модель характеризуется отсутствием жестких предписывающих правил и использованием уже существующих личных средств связи сотрудников.

По мнению сотрудников, обе модели цифровой коммуникации имеют свои недостатки и преимущества, другими словами, налагают рабочие требования и предоставляют ресурсы. Так, образовательная среда США и других западных стран (Австралия) в большей мере оперирует в рамках традиционно-консервативной модели. Положительно оценивается гибкость и доступ к ресурсам, отрицательно – постоянно нарастающий объём информации, требование быть в доступе и

возникающий на фоне информационного перегруза стресс [8; 17; 22]. Российская модель в большей мере эгалитарно-демократическая с некоторой долей использования традиционной модели. Преподаватели используют личные средства связи, нормы коммуникации максимально свободные (устанавливаются участниками по ходу взаимодействия) или отсутствуют вовсе и во многом отражают накопленный опыт восточных стран (Малайзия, Индия) [15; 19]. Несмотря на демократичность модели (относительное равноправие участников), в своей оценке цифровой коммуникации работники российского образования близки западным коллегам, так как называют как плюсы (скорость, асинхронность), так и минусы (необходимость быть в доступе и информационный перегруз).

Разрыв между моделями и представлением об их уместности в рамках учебного процесса может оказывать дополнительное давление на участников. Это особенно ярко проявляется в условиях межкультурной коммуникации в образовании, когда студенты и/или преподаватели придерживаются разных культурных норм относительно цифрового общения. Однако и в одной культурной среде могут возникать конфликтные ситуации, когда участники не установили нормы общения или варьируют их от одной группы к другой внутри одного образовательного пространства (университета).

Эгалитарно-демократическая модель представляет интерес с точки зрения становления языковой нормы. Поскольку именно доступ к средствам распространения языка оказывает первостепенное влияние на выбор языкового инварианта и его кодификацию [2], то преобладание разговорно-письменного характера общения в мессенджерах способно оказать значительное влияние на последующую языковую норму в профессиональном общении. Возможно либо дальнейшее расхождение языковых норм письменной корреспонденции и внутренней документации, либо стирание этого разграничения и приближение языка внутренних официальных документов к разговорной норме.

Предыдущие исследования профессиональной коммуникации показали, что динамика и язык общения на рабочем месте оказывают влияние на появление новых языковых инвариантов. Например, в международных компаниях сотрудники проявляют свою активную словотворческую позицию, когда играючи объединяют английский и русский языки в транслингвальной практике в устном разговоре или в общении в моментальных мессенджерах [10]. Свидетельством подвижности языковой нормы в современном русском языке является включение метаязыковой рефлексии в юмористические сюжеты, посвященные профессиональной коммуникации [1].

Заключение

Настоящее исследование носило пилотный характер и может быть продолжено в нескольких направлениях. В цели работы не входила оценка мнения студентов или детальный анализ мнения преподавателей посредством глубинных интервью. Также интерес представляет изучение взаимосвязи между моделью коммуникации и оценкой ментального здоровья преподавателей, основанной на валидных психометрических инструментах. Исследование цифровой коммуникации в образовании показывает амбивалентное отношение участников общения к технически опосредованным моделям коммуникации. Результаты анкетирования сотрудников российских образовательных учреждений демонстрируют потребность в выработке регламента взаимодействия, который бы позволял более явно разграничить личное и профессиональное общение и учитывать личное время преподавателей. В отличие от американской модели коммуникации в образовании, где коммуникативная норма имеет сформировавшийся характер, в России языковая норма в данном аспекте проходит период становления и кодификации.

Литература

1. Жиганова А. В., Лалетина А. О. Юмор как отражение глобальных и локальных языковых практик и идеологий // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18. № 1. С.156-160. <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2021-18-1-156-160>
2. Лалетина А.О. Языковая норма в эпоху глобализации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. № 6. С. 219–226.
3. Al-Fudail M. & Mellar H. Investigating teacher stress when using technology // *Computer Education*. 2008. № 51. P. 1103–1110. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2007.11.004>
4. Allmer T. Precarious, always-on and flexible: A case study of academics as information workers // *European Journal of Communication*. 2018. № 33(4). P. 381–395. <https://doi.org/10.1177/0267323118783794>
5. Ayyagari R., Grover V., & Purvis R. Technostress: technological antecedents and implications // *MIS Q*. 2011. № 35. P. 831–858. <https://doi.org/10.2307/41409963>
6. Batista J., Santos H., & Marques R. P. Communication overload in online communities in higher education: A case study // *International Journal of Technology and Human Interaction (IJTHI)*. 2022. № 18(1), P. 1–16. <https://doi.org/10.4018/IJTHI.293194>
7. Braun V. & Clarke V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. 2006. № 3(2). P. 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
8. Creely E., Laletas S., Fernandes V., Subban P., & Southcott J. University teachers' well-being during a pandemic: the experiences of five academics // *Research Papers in Education*. 2021. <https://doi.org/10.1080/02671522.2021.1941214>
9. Flanagan A. J. The conduct and consequence of research on digital communication // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2020. № 25(1). P. 23–31. <https://doi.org/10.1093/jcmc/zmz019>
10. Gritsenko E. & Laletina A. English in the international workplace in Russia // *World Englishes*. 2016. Vol. 35. № 3. P. 440–456. <https://doi.org/10.1111/weng.12211>
11. Harley D., Winn S., Pemberton S., & Wilcox P. Using texting to support students' transition to university // *Innovations in Education and Teaching International*. 2007. № 44(3). P. 229–241. <https://doi.org/10.1080/14703290701486506>
12. How Many People Use Social Media in 2022? (65+ Statistics). (2021, October 10). Backlinko. URL: <https://backlinko.com/social-media-users> (дата обращения: 20.07.2022).
13. Huberman A. M. & Miles M. B. Data management and analysis methods // *Handbook of qualitative research* / In N. K. Denzin & Y. S. Lincoln (Eds.). Sage Publications, Inc., 1994. P. 428–444.
14. Kelly-Holmes H. Multilingualism and technology: A review of developments in digital communication from monolingualism to idiolingualism // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2019. № 39. P. 24–39. <https://doi.org/10.1017/S0267190519000102>
15. Kumar V., Mittal A., Sharma A.K., & Ahmad R. The role of stress personalities: a comparative study between Indian Academia and industry // *The Journal of Mental Health Training, Education and Practice*. 2022. <https://doi.org/10.1108/JMHTEP-07-2021-0081>
16. Lantaron B. WhatsApp as support tool in tutoring // *Redu-revista de docencia universitaria*. 2017. № 15(2). P. 193–210.
17. Lee M., Coutts R., Fielden J., Hutchinson M., Lakeman R., Mathisen B., Nasrawi D. & Phillips N. Occupational stress in university academics in Australia and New Zealand // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2022. № 44:1. P. 57–71. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2021.1934246>
18. Number of social media users 2025. (n.d.). Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/278414/number-of-worldwide-social-network-users/> (дата обращения: 18.07.2022).
19. Omar N. A. M., Azmi N. J., & Sani N. A. Is Whatsapp the future of workplace communication?: Investigating the use of Whatsapp in decision-making episodes // *Journal of Nusantara Studies (JONUS)*, 2020. № 5(1). P. 414–442. <https://doi.org/10.24200/jonus.vol5iss1pp414-442>
20. Park N. & Noh H. Effects of mobile instant messenger use on acculturative stress among international students in South Korea // *Computers in Human Behavior*. 2018. № 82. P. 34–43. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.12.033>
21. Popov M., Vaganova O., Lapshova A., Kirillova I., & Chelnokova E. The use of messengers in organizing the interaction of university students // *International journal of applied exercise physiology*. 2020. № 9(11). P. 83–88.
22. Potter R. E., Zadow A., Dollard M., Pignata S., & Lushington K. Digital communication, health & wellbeing in universities: a double-edged sword // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2022. № 44:1. P. 72–89. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2021.1975206>
23. Sun J., & Lee S. K. Flooded with too many messages? Predictors and consequences of instant messaging fatigue // *Information Technology & People*. 2021. <https://doi.org/10.1108/ITP-03-2021-0239>
24. Wang X. & Li B. Technostress among university teachers in higher education: A study using multidimensional person-environment misfit theory // *Frontiers in Psychology*. 2019. Volume 10:1791. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01791>

25. Zavizion V. F., Bondarenko I. M., Avierin D. I., Hojouj M. I., Davlietova N. O., Cherednychenko N. O., Prokhach A. V., Mashtaler V. E., Dmytrenko K. O., Lohvynenko V. V., Kyslytsyna V. S., Sukhovsha O. A., Khvorostenko Y. M., Elhajj M. H., Suzdalev P. L., Myroniuk T. F., Kichtenko I. N., Hrabovskiy Y. V., Smolina K. V., & Baranov I. V. Distance learning: Opportunities and challenges in quarantine // *Medični Perspektivi*. 2020. № 25(2). P. 4-12. <https://doi.org/10.26641/2307-0404.2020.2.206260>.

References

1. Zhiganova A. V., Laletina A. O. Global and local language ideologies in humor // *The Humanities and Social Studies in the Far East*. 2021. V. 18. № 1. P. 156-160. <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2021-18-1-156-160> (In Russ.)
2. Laletina A. O. Language norm in the epoch of globalization // *Proceedings of Kazan University. Series: Humanities*. 2011. V. 153. № 6. P. 219-226. (In Russ.)
3. Al-Fudail M. & Mellar H. Investigating teacher stress when using technology // *Computer Education*. 2008. № 51. P. 1103-1110. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2007.11.004>
4. Allmer T. Precarious, always-on and flexible: A case study of academics as information workers // *European Journal of Communication*. 2018. № 33(4). P. 381-395. <https://doi.org/10.1177/0267323118783794>
5. Ayyagari R., Grover V., & Purvis R. Technostress: technological antecedents and implications // *MIS Q*. 2011. № 35. P. 831-858. <https://doi.org/10.2307/41409963>
6. Batista J., Santos H., & Marques R. P. Communication overload in online communities in higher education: A case study // *International Journal of Technology and Human Interaction (IJTHI)*. 2022. № 18(1), P. 1-16. <https://doi.org/10.4018/IJTHI.293194>
7. Braun V. & Clarke V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. 2006. № 3(2). P. 77-101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
8. Creely E., Laletas S., Fernandes V., Subban P., & Southcott J. University teachers' well-being during a pandemic: the experiences of five academics // *Research Papers in Education*. 2021. <https://doi.org/10.1080/02671522.2021.1941214>
9. Flanagan A. J. The conduct and consequence of research on digital communication // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2020. № 25(1). P. 23-31. <https://doi.org/10.1093/jcmc/zmz019>
10. Gritsenko E. & Laletina A. English in the international workplace in Russia // *World Englishes*. 2016. Vol. 35. № 3. P. 440-456. <https://doi.org/10.1111/weng.12211>
11. Harley D., Winn S., Pemberton S., & Wilcox P. Using texting to support students' transition to university // *Innovations in Education and Teaching International*. 2007. № 44(3). P. 229-241. <https://doi.org/10.1080/14703290701486506>
12. How Many People Use Social Media in 2022? (65+ Statistics). (2021, October 10). Backlinko. URL: <https://backlinko.com/social-media-users> (Retrieved: 20.07.2022).
13. Huberman A. M. & Miles M. B. Data management and analysis methods // *Handbook of qualitative research / In N. K. Denzin & Y. S. Lincoln (Eds.)*. Sage Publications, Inc., 1994. P. 428-444.
14. Kelly-Holmes H. Multilingualism and technology: A review of developments in digital communication from monolingualism to idiolingualism // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2019. № 39. P. 24-39. <https://doi.org/10.1017/S0267190519000102>
15. Kumar V., Mittal A., Sharma A. K., & Ahmad R. The role of stress personalities: a comparative study between Indian Academia and industry // *The Journal of Mental Health Training, Education and Practice*. 2022. <https://doi.org/10.1108/JMHTEP-07-2021-0081>
16. Lantaron B. WhatsApp as support tool in tutoring // *Redu-revista de docencia universitaria*. 2017. № 15(2). P. 193-210.
17. Lee M., Coutts R., Fielden J., Hutchinson M., Lakeman R., Mathisen B., Nasrawi D. & Phillips N. Occupational stress in university academics in Australia and New Zealand // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2022. № 44:1. P. 57-71. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2021.1934246>
18. Number of social media users 2025. (n.d.). Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/278414/number-of-worldwide-social-network-users/> (Retrieved: 18.07.2022).
19. Omar N. A. M., Azmi N. J., & Sani N. A. Is Whatsapp the future of workplace communication?: Investigating the use of Whatsapp in decision-making episodes // *Journal of Nusantara Studies (JONUS)*, 2020. № 5(1). P. 414-442. <https://doi.org/10.24200/jonus.vol5iss1pp414-442>
20. Park N. & Noh H. Effects of mobile instant messenger use on acculturative stress among international students in South Korea // *Computers in Human Behavior*. 2018. № 82. P. 34-43. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.12.033>
21. Popov M., Vaganova O., Lapshova A., Kirillova I., & Chelnokova E. The use of messengers in organizing the interaction of university students // *International journal of applied exercise physiology*. 2020. № 9(11). P. 83-88.
22. Potter R. E., Zadow A., Dollard M., Pignata S., & Lushington K. Digital communication, health & wellbeing in universities: a double-edged sword // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2022. № 44:1. P. 72-89. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2021.1975206>

23. Sun J., & Lee S. K. Flooded with too many messages? Predictors and consequences of instant messaging fatigue // *Information Technology & People*. 2021. <https://doi.org/10.1108/ITP-03-2021-0239>

24. Wang X. & Li B. Technostress among university teachers in higher education: A study using multidimensional person-environment misfit theory // *Frontiers in Psychology*. 2019. Volume 10:1791. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01791>

25. Zavizion V. F., Bondarenko I. M., Avierin D. I., Hojouj M. I., Davlietova N. O., Cherednychenko N. O., Prokhach A. V., Mashtaler V. E., Dmytrenko K. O., Lohvynenko V. V., Kyslytsyna V. S., Sukhoversha O. A., Khvorostenko Y. M., Elhajj M. H., Suzdalev P. L., Myroniuk T. F., Kichtenko I. N., Hrabovskiy Y. V., Smolina K. V., & Baranov I. V. Distance learning: Opportunities and challenges in quarantine // *Medični Perspektivi*. 2020. № 25(2). P. 4-12. <https://doi.org/10.26641/2307-0404.2020.2.206260>.

Александра Олеговна ЛАЛЕТИНА, канд. филол. наук, EdD, приглашённый профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского института "Высшая школа экономики", г. Нижний Новгород, Россия, e-mail: alexandra.laletina@gmail.com

Анна Владимировна ЖИГАНОВА, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия, e-mail: ann-zhi1@yandex.ru

Alexandra O. LALETINA, Candidate of Philological Sciences, EdD, Visiting Lecturer, HSE University Visiting Professor, Faculty of Humanities, National Research University "Higher School of Economics", Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: alexandra.laletina@gmail.com

Anna V. ZHIGANOVA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: ann-zhi1@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 26.07.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 24.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 08.09.2022

Научная статья
УДК 811.1/8
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/54-59>

Японоязычные вкрапления в романах "Memoirs of a Geisha" и "Geisha of Gion" как вербализаторы асимметрии картин мира Японии и США

Анна Ильясовна МУХАМЕТОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, mukhametova.ai@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию японоязычных вкраплений в романах А. Голдена "Memoirs of a Geisha" и М. Ивасаки "Geisha of Gion" как репрезентантов асимметрии картин мира авторов. В произведении А. Голдена посредством японоязычных вкраплений вербализуются особенности восприятия японских реалий, опосредованные чужой культурой, в романе М. Ивасаки японоязычные единицы актуализируют родную культуру. В романе А. Голдена репрезентированы этностереотипы о гейшах, сформированные в западной культурно-когнитивной картине мира; в романе М. Ивасаки вербализованы традиционные японские ценности сохранения лица, семейные ценности, стойкость, достоинство.

Ключевые слова: японоязычные вкрапления, асимметрия картин мира, Япония, ценности, этностереотипы

Для цитирования: Мухаметова А.И. Японоязычные вкрапления в романах "Memoirs of a Geisha" и "Geisha of Gion" как вербализаторы асимметрии картин мира Японии и США // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 54–59. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/54-59>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/54-59>

Japanese-language inclusions in the novels "Memoirs of a Geisha" and "Geisha of Gion" as verbalizes of the asymmetry of the authors' worldviews

Anna I. MUKHAMETOVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, mukhametova.ai@dvfu.ru

Abstract. The article is devoted to the research of the Japanese-language inclusions in the novels "Memoirs of a Geisha" by A. Golden and "Geisha of Gion" by M. Iwasaki as representatives of the asymmetry of the authors' worldviews. In the novel "Memoirs of a Geisha" peculiarities of the perception of the Japanese cultural units, affected by the strange culture, are verbalized through the means of the Japanese-language inclusions. In the novel "Geisha of Gion" the Japanese-language inclusions represent their native culture. Ethnostereotypes related to geisha which are formed in the Western cultural-cognitive worldview are represented in the novel by A. Golden, whereas in the novel by M. Iwasaki such traditional Japanese values as living with dignity, family values, strength are verbalized.

Keywords: Japanese-language inclusions, worldviews asymmetry, Japan, values, ethnostereotypes

For citation: Mukhametova A.I. Japanese-language inclusions in the novels "Memoirs of a Geisha" and "Geisha of Gion" as verbalizes of the asymmetry of the authors' worldviews // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 54–59. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/54-59>

Язык, как инструмент для фиксации, аккумуляции и передачи важнейших результатов когнитивной деятельности человека, несёт в себе отпечатки культуры, в которой он функционирует. В настоящее время, характеризующееся тенденцией к глобализации общества, культуры и языка подвержены активному взаимодействию и взаимопроникновению. Поскольку язык, культура и мышление неразрывны [14; 15; 2; 3; 7; 8; 11], можно говорить о взаимодействии индивидуальных характеристик представителей разных культур [17], "взаимодействии говорящих сознаний" [5, с. 23], передаче элементов картин мира друг другу [9] языковыми средствами. В процессе вербальной коммуникации значимыми единицами языка для передачи когнитивных особенностей индивида, принадлежащего к тому или иному культурному социуму, выступают слова, словосочетания, фразы, предложения. Единицы разных языковых уровней являются эффективным инструментарием для взаимодействия культурно-когнитивных картин мира. Под

культурно-когнитивной картиной мира мы понимаем комплекс представлений того или иного социума о себе и других, сформированных в процессе мышления и детерминированных культурным окружением, репрезентированных в коллективном и индивидуальном сознании представителей этого социума, инструментом для передачи которых выступает язык [6; 14; 12; 2].

Процесс межкультурной коммуникации неизбежно влечёт за собой феномен языковых заимствований. Переход иностранных слов и словосочетаний в словарный фонд другого языка или просто в речевой обиход представителей другой культуры является неизбежным последствием исторического развития языковой системы [6; 9]. Так, на определённом этапе взаимодействия языков и культур формируется новый лексический пласт – заимствования. Наряду с иноязычными лексическими единицами заимствуются и элементы культуры, которые расширяют сознание носителей языка-реципиента, привнося в него новые ценностные смыслы. С другой стороны, принимающая культура наполняет заимствованные языковые единицы своими ценностными установками, адаптируя их под свою культурную реальность и особенности мышления. Таким образом, процесс заимствования является двусторонним процессом по отношению к иностранным единицам языка.

Целью нашего исследования является определение различий в функционировании японоязычных вкраплений в текстах англоязычных романов А. Голдена "Memoirs of a Geisha" и М. Ивасаки "Geisha of Gion".

Поставленная цель обуславливает постановку следующих задач:

- определить механизмы ввода японоязычных вкраплений в ткань обоих текстов;
- классифицировать японоязычные вкрапления по тематическому критерию;
- определить функции японоязычных вкраплений в обоих произведениях;
- выявить асимметрию культурно-когнитивных картин мира авторов обоих романов.

Методология исследования представляет собой междисциплинарное сочетание лингвокультурного, лингвокогнитивного и лингвоаксиологического подходов.

Методы исследования включают количественный, сопоставительный, концептуальный и контекстуальный анализ.

В результате количественного анализа было выявлено, что большинство японоязычных вкраплений в романах А. Голдена и М. Ивасаки представлены отдельными лексемами. Применительно к данному исследованию мы трактуем японоязычные вкрапления как широкую категорию, вбирающую в себя лексические единицы японского языка разного уровня усвоенности в английском языке, независимо от стилистической окраски, сферы использования и т.д. (экзотизмы, варваризмы, алиенизмы, ксенизмы и др. [9; 13; 1; 10]), переданные в англоязычном тексте посредством транслитерации.

Сопоставительный анализ японоязычных вкраплений в исследуемых романах обнаружил, что большинство японоязычных вкраплений в обоих произведениях подчинены цели объективации концепта "geisha", однако его внутренняя структура в обоих текстах обнаруживает значительные расхождения.

Такое различие обусловлено асимметрией культурно-когнитивных картин мира авторов, их разновекторным аксиоцентризмом, под которым мы понимаем главенствующую роль ценностных установок, сформированных в родной культуре автора и опосредующих его языковую репрезентацию тех или иных предметов и явлений окружающего мира.

Докажем выдвинутое положение на конкретных примерах из обоих романов. Проанализируем текстовые отрывки, содержащие японоязычные вкрапления из тематической подгруппы "причёски":

1) "I went to the hairdresser and had my hair done up in the *wareshinobu* style, the first hairstyle a *maiko* wears. The hair is swept up and sculpted by red silk bands (*kanoko*)

front and back and decorated with *kanzashi*, the stick-pin ornaments so distinctive of the *karyukai* look" [18, p. 157–158] / "В парикмахерской мне сделали причёску в стиле варэшинобу, какую носят майко. Волосы собираются на затылке, закрепляются спереди и сзади красными шёлковыми лентами (каноко) и украшаются канзаши, шпильками, характерными для стиля карюкай" (здесь и далее перевод автора статьи, Мухаметовой А.И.).

2) "Pumpkin left the *okiya* <... > wearing the hairstyle of a young geisha – the so-called *tomoware*, meaning "split peach". When I took my first look at her <...> I felt sick with disappointment and jealousy. <...> With her hair swept back in an orb so beautifully <...> she looked very much like a young woman. <...> I had envied the older girls who wore their hair so elegantly" [16, p. 173]. / "Тыковка вышла из окии <...> с причёской юной гейши – так называемой момоваре, что значит "разломленный персик". С первого взгляда на неё <...> мне поплохело от разочарования и зависти. <...> С красиво собранными вокруг волосами <...> она выглядела прямо как молодая женщина. <...> Я всегда завидовала старшим девочкам, которые носили такие элегантные причёски".

Очевидна разница на вербально-семантическом уровне – в примере из романа носителя японского языка и культуры М. Ивасаки наблюдается обилие японоязычных вкраплений (5 единиц – *wareshinobu* (стиль причёски), *maiko* (девушка танца), *kanoko* (шёлковые ленты), *kanzashi* (шпильки для волос), *karyukai* (район гейш), что способствует детальной документализации описываемой реалии. Англоязычное лексическое окружение в виде глаголов "sculpt" ("лепить") и "decorate" ("украшать"), а также словосочетание "red silk bands" ("красные шёлковые банты") дают читателю возможность визуально и тактильно воспринять предмет повествования.

С другой стороны, в текстовом отрывке из произведения американского автора А. Голдена употребляется всего одно японоязычное вкрапление – *tomoware*, которое вкрупне с англоязычным окружением ("disappointment" ("разочарование"), "envied" ("завидовала"), "jealousy" ("зависть"), "elegantly" ("элегантно"), "beautifully" ("красиво") способствует передаче эмоционального состояния героини, что коррелирует с функцией фасцинации, то есть акцентуации на художественном мире писателя.

Далее нетождественность культурно-когнитивных картин мира авторов романов прослеживается в функционировании японоязычных вкраплений из тематической подгруппы "музыка":

1) I began to take calligraphy lessons <...> *koto*, singing, and *shamisen* lessons from his daughter, who was a master of a form of *jiuta* important to the Inoue School. The *koto* and *shamisen* are both stringed instruments that came to Japan from China. The *koto* is a large thirteen-stringed lute that rests on the floor when played. The *shamisen* is a smaller three-stringed instrument that is played like a viola" [18, p. 82–83] / "Я начала обучаться каллиграфии <...> игре на кото, сямисене и пению у его дочери, которая была профессионалом в джиута, что важно в школе Иноуэ. Кото и сямисен – струнные инструменты, привезённые в Японию из Китая. Кото – большая тринадцатиструнная лютня, которая при игре располагается на полу. Сямисен – инструмент поменьше, в три струны, на котором играют как на альте".

2) "<...> a gentle-looking old man who turned out to be the *koto* player Tachibana Zensaku, whose scratchy old records I still own" [16, p. 375] / "<...> благородный пожилой человек, который оказался Тачибана Зенсаку – музыкантом, играющим на кото, чьи скрипучие от старости пластинки я храню до сих пор"; "<...> Tachibana, the old *koto* player <...>" [16, p. 377] / "<...> Тачибана, пожилой музыкант, играющий на кото <...>".

В представленных примерах наблюдается превосходство японской писательницы над американским автором в вербально-семантическом аспекте, что обусловлено асимметрией их культурно-когнитивных картин мира. Как носитель культуры, М. Ивасаки использует большее количество японоязычных лексем (3 уникальные единицы – *koto*, *shamisen* (музыкальные инструменты), *jiuta* (стиль

музыки), протоколирую родные культурные реалии и вербализуя духовные ценности семейных уз, профессионализм. Помимо того, что М. Ивасаки представляет фактуальную информацию о музыкальных инструментах, описывая их внешний облик ("large thirteen-stringed lute" – "тринадцатиструнная лютия"; "a smaller three-stringed instrument" – "меньший трёхструнный инструмент"; "like a viola" – "как альт"), она также делает отсылку к истокам Восточной цивилизации, упоминая о том, что инструменты были привезены в Японию из Китая. Следует отметить, что музыкальный инструмент кото наделяется автором особым ценностным смыслом, поскольку традиция игры на нём берёт своё начало у истоков одного из самых влиятельных японских родов – Фудзивара, из которого и происходит сама М. Ивасаки, о чём она также упоминает в своём романе [18, p. 3].

Напротив, в примере из романа А. Голдена отсутствует ценностная и фактуальная информация, непосредственно связанная с музыкальным инструментом. Автор делает акцент на описании персонажа, одну из характеристик которого вербализует японоязычное вкрапление *koto*. Языковые единицы "gentle-looking" (дословно "благородно выглядящий"), "old" ("старый") представляют собой поверхностные оценочные суждения, а лексемы "records" (здесь "пластинки") и "player" (здесь "музыкант") позволяют категоризировать японоязычное вкрапление *koto* как музыкальный инструмент.

Примером японоязычного вкрапления, вербализующего глубинные аксиологические смыслы японской культуры, может выступать лексема *samurai* из романа М. Ивасаки: "My father had two favourite sayings. One was a kind of proverb that says a *samurai* must keep to a higher standard than the common man. Even if he has nothing to eat, he pretends that he has plenty, meaning that a *samurai* never lets go of his pride. But he also used it to mean that a warrior never betrays weakness in the face of adversity [18, p. 20]. / "У моего папы было два любимых выражения. Одно из них было вроде поговорки, в которой говорилось, что самурай должен придерживаться более высокого стандарта, чем обычный человек. Даже если ему нечего есть, он делает вид, что еды у него много, это значит, самурай никогда не уронит своей гордости. Также отец использовал эту поговорку для обозначения того, что воин никогда не покажет слабость перед бедствиями".

Очевидно, что данный пример достаточно объёмен. При употреблении японоязычного вкрапления в количестве одной единицы, писательница раскрывает его суть в трёх предложениях. М. Ивасаки описывает самурая как человека-воина с более высокими моральными установками, нежели у среднестатистического гражданина. Самурай – духовно сильный индивид, который не роняет достоинства ни при каких обстоятельствах. Таким образом, японоязычное вкрапление *samurai* в романе японской писательницы репрезентирует глубокую духовность, ценность сохранения лица, стойкость.

С другой стороны, в романе А. Голдена репрезентативными с точки зрения культурно-когнитивной картины мира автора, опосредованной его аксиоцентризмом, выступают японоязычные вкрапления из тематических подгрупп "удовольствие" (*ekubo* – рисовый пончик) и "ритуалы" (*mizuage* – выставление девственности на продажу): "<...> sweet-rice cake we call *ekubo*, which is the Japanese word for dimple. We call them *ekubo* because they have a dimple in the top with a tiny red circle in the center; some people think they look very suggestive <...> when an apprentice geisha becomes available for *mizuage*, she presents boxes of these *ekubo* to the men who patronize her [16, p. 272]. / "<...> сладкое рисовое пирожное, которые мы называем экубо, это японское слово для обозначения углубления. Мы называем их экубо, потому что у них наверху углубление с маленьким красным кружочком посередине; некоторые думают, это выглядит весьма вызывающе <...> когда начинающая гейша становится доступной для мидзуагэ, она дарит коробочки с этими экубо мужчинам, которые покровительствуют ей".

В представленном примере очевидна вербализация этностереотипа о гейше, представляющем её в качестве содержанки, о чём свидетельствует лексическое окружение японоязычных вкраплений – англоязычные прилагательные

"available" ("доступный"), "suggestive" ("вызывающий") и глагол "patronize" ("покровительствовать").

Стоит отметить, что японоязычное вкрапление *ekubo*, имеющее непристойную коннотацию в романе американского автора, отсутствует в произведении японской писательницы, тогда как японоязычное вкрапление *mizuage*, репрезентирующее в романе А. Голдена ритуал выставления девственности гейша на аукцион, употребляется в произведении М. Ивасаки в значении годового заработка гейши, не имеющего никаких намёков на интимные отношения с мужчинами.

Итак, в результате сопоставительного анализа японоязычных вкраплений в романах А. Голдена "Memoirs of a Geisha" и М. Ивасаки "Geisha of Gion" была выявлена разница в их функционировании, обусловленная асимметрией культурно-когнитивных картин мира авторов, их аксиоцентризмом.

В произведении этнической японки М. Ивасаки её родноязычные единицы функционируют в качестве документализаторов реалий японской культуры, тогда как в романе американского автора А. Голдена единицам японского языка в основном отводится роль фасцинации.

В романе М. Ивасаки посредством японоязычных вкраплений вербализованы традиционные японские ценностные смыслы, связанные с духовностью, гордостью за свой род, стойкостью, стремлением сохранить лицо, которые наполняют в произведении японской писательницы концепт "geisha". Напротив, в романе А. Голдена японоязычные вкрапления актуализируют этностереотипы, сформированные в родной для автора западной культурно-когнитивной картине мира, что делает концепт "geisha" в его произведении менее глубоким, лишённым оригинальных коннотационных оттенков, но наполненным оценочными суждениями и стереотипами.

Литература

1. Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова, 1973. 191 с.
2. Вайсбергер Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. 416 с.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
5. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. 288 с.
6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
7. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
8. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М, 2000. 349 с.
9. Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. М.: Наука, 1996. С. 60–68.
10. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 149 с.
11. Николаева О.В. Куда дрейфует "Вака"? Новозеландская мультикультура в динамике взаимодействия картин мира: моногр. Владивосток: Изд-во Мор. гос. ун-та, 2010. С. 18–88.
12. Постовалова В.И., Серебrenников Б.А., Кубрякова Е.С. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 212 с.
13. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1967. 536 с.
14. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.
15. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып.1. / Под ред. В.А. Звегинцева. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 135–168.
16. Golden A. *Memoirs of a Geisha*. L.: Vintage, 2005. 496 p.
17. Holmes J. *An introduction to sociolinguistics* (2nd ed.). London: Longman, 2001. 510 p.
18. Iwasaki M. *Geisha of Gion*. L.: Simon & Schuster, 2002. ix + 334 p.

References

1. Berkov V.P. Questions of bilingual lexicography. L.: Publishing house of Leningrad state university named after A.A. Zhdanov, 1973. 191 p. (In Russ.)
2. Weisberger L. Native language and the formation of the spirit /trans. and comment. O.A. Radchenko. M.: Editorial URSS, 2004. 232 p. (In Russ.)

3. Vezhbitskaya A. Language. Culture. Cognition. M., 1996. 416 p. (In Russ.)
4. Vlahov S., Florin S. Untranslatable in translation. M.: International relations, 1980. 343 p. (In Russ.)
5. Gudkov D.B. Theory and practice of intercultural communication. M., 2003. 288 p. (In Russ.)
6. Humboldt W. Language and philosophy of culture. M.: Progress, 1985. 451 p. (In Russ.)
7. Karasik V.I. Language keys. M.: Gnosis, 2009. 406 p. (In Russ.)
8. Kornilov O.A. Language pictures of the world as derivatives of national mentalities. M., 2000. 349 p. (In Russ.)
9. Leontiev A.A. Foreign-language inclusions in Russian speech // Issues of the culture of speech. M.: Nauka, 1996. P. 60–68. (In Russ.)
10. Lotte D. S. Issues of borrowing and ordering foreign terms and term elements. M.: Nauka, 1982. 149 p. (In Russ.)
11. Nikolaeva O.V. Where is the Waka drifting? New Zealand multicultural in the dynamics of the interaction of pictures of the world: monograph. Vladivostok: Maritime state university, 2010. P. 18–88. (In Russ.)
12. Postovalova V.I., Serebrennikov B.A., Kubryakova E.S. The picture of the world in human life // The role of the human factor in the language: Language and picture of the world. M.: Nauka, 1988. 212 p. (In Russ.)
13. Reformatsky A. A. Introduction to linguistics. M.: Aspect Press, 1967. 536 p. (In Russ.)
14. Sapir E. Selected works on linguistics and cultural studies. M., 1993. 656 p. (In Russ.)
15. Whorf B. L. Relationship of norms of behavior and thinking to the language // New in linguistics. Issue 1. / Ed. V.A. Zvegintsev. M.: Inostr. lit., 1960. P. 135–168. (In Russ.)
16. Golden A. Memoirs of a Geisha. L.: Vintage, 2005. 496 p.
17. Holmes J. An introduction to sociolinguistics (2nd ed.). London: Longman, 2001. 510 p.
18. Iwasaki M. Geisha of Gion. L.: Simon & Schuster, 2002. ix + 334 p..

Анна Ильясовна МУХАМЕТОВА, старший преподаватель Академического департамента английского языка, Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, mukhametova.ai@dvfu.ru
Anna I. MUKHAMETOVA, Senior Lecturer, Academic Department of the English Language, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, mukhametova.ai@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 24.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 10.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2022

Научная статья
УДК 81'373.46
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/60-77>

Типы тестовых заданий: вариативность передачи терминов в английском, русском и испанском языках

Юлия Александровна ПОЛЬШИНА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, polshina.yua@dvfu.ru

Валерия Андреевна СОРОКИНА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, sorokina_va@dvfu.ru

Аннотация. Данное исследование направлено на анализ изменений в плане выражения и плане содержания терминов, обозначающих типы тестовых заданий, происходящих при взаимодействии терминосистем языкового тестирования и оценивания в английском, русском и испанском языках. Комплексный подход с применением переводческо-трансформационного, семантического и сопоставительного анализов передачи терминов в принимающих языках позволяет выявить достаточно высокую степень вариативности, а также различия в семантике рассматриваемых единиц, что указывает на продолжающийся процесс становления данных терминосистем.

Ключевые слова: терминосистема, термин, языковое тестирование, оценивание, тестовое задание, вариативность термина, семантика термина

Для цитирования: Польшина Ю.А., Сорокина В.А. Типы тестовых заданий: вариативность передачи терминов в английском, русском и испанском языках // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 60–77. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/60-77>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/60-77>

Test item types: terminology variability in English, Russian and Spanish languages

Yulia A. POLSHINA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, polshina.yua@dvfu.ru

Valeria A. SOROKINA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, sorokina_va@dvfu.ru

Abstract. The focus of the research is the analysis of changes in the form and meaning of language testing terms, denoting different types of test items/test tasks, in the process of transfer of the terms from the source language, English, into target ones, Russian and Spanish. An integrated approach incorporating translational-transformational, semantic and comparative analyses of the process of transfer of the terms into the target languages allows us to identify a fairly high degree of variability, as well as various differences in the meanings of the items under consideration, which indicates the ongoing process of development of these terminological systems.

Keywords: Terminological system, term, language testing and assessment, test task, test item, variability of term, meaning of term

For citation: Polshina Yu.A., Sorokina V.A. Test item types: terminology variability in English, Russian and Spanish languages // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 60–77. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/60-77>

Неисчерпаемые ресурсы языка определяют возможность различных вариаций при передаче тех или иных идей и понятий, и область профессиональной деятельности человека – одна из наиболее репрезентативных в этом смысле. Так, при обращении к сфере преподавания иностранных языков и языкового тестирования и оценивания мы отмечаем несистемность описания и вариативность передачи единиц, составляющих терминологический аппарат этих областей знания и деятельности, не только в рамках одного языка, но и в случае взаимодействия терминосистем нескольких языков.

Актуальность данного исследования определяется такими тенденциями, как унификация языкового образования и увеличение количества международных тестов, а также нарастающим темпом расширения профессиональных контактов

между носителями различных языков в эпоху глобализации и появлением новых терминологических единиц, нуждающихся в толковании и в закреплении для них определённого системного соответствия в принимающих языках. Подобное взаимодействие терминосистем разных языков осложняется вследствие многочисленных факторов, и в результате мы говорим не только о подмене сути понятий или их некорректной интерпретации носителями принимающего языка, но и о наличии в нём определенной вариативности при передаче исходных терминов.

Само представление о лингвокреативности и вариативности, на первый взгляд, может входить в противоречие с основным фокусом нашего научного интереса, термином в "идеальном" его понимании, однако зачастую данные лексические единицы проявляют себя достаточно разнообразно, что мы и анализируем в данной статье.

В рамках настоящего исследования мы определяем **понятие "термин"** как "специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях; словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний" [9, с. 14].

С учётом функций, выполняемых терминами, в идеале относящимися к любой научной и профессиональной сфере деятельности, выделяются следующие их основные свойства: системность, независимость от контекста, однозначность, точность и краткость [6, с. 72, 76]; нейтральность, мотивированность, номинативность и наличие дефиниции [4, с. 20]. Данные характеристики позволяют чётко определять позицию, которую занимает термин в соответствующем терминологическом системном единстве языка, и безошибочно проводить передачу этой единицы в терминосистемы других языков.

В нашей работе мы проводим анализ терминов гуманитарной области знания, обозначающих типы тестовых заданий и входящих в терминосистему языкового тестирования и оценивания. В силу того, что термины различных областей знания зачастую могут проявлять те или иные отклонения от вышеперечисленных типичных свойств термина [2, с. 54], мы говорим о следующих характеристиках, которые может приобретать терминологическая лексика гуманитарных наук: неоднозначность и зависимость от контекста употребления, оценочность, некоторая степень эмоциональной и стилистической маркированности, обобщённость и неупорядоченность, низкая степень дистанцированности от общеупотребительного языка [1, с. 94].

Так, многие из перечисленных свойств "идеального" термина не соотносятся с возможными характеристиками гуманитарных терминов, а иногда и противопоставлены им, что находит отражение в их функционировании в рамках одного языка и в значительной степени влияет на процессы их переноса в терминосистемы других языков, осложняя их перевод и передачу семантического наполнения.

Для выполнения настоящего исследования нами были отобраны 45 терминов, обозначающих различные типы тестовых заданий, а также их дефиниции и контексты употребления в английском, русском и испанском языках. С целью проведения переводческого и семантического анализа этих единиц мы рассмотрели 208 контекстов на английском языке, 189 контекстов на русском языке и 174 контекста на испанском языке. **Источниками материала** послужили терминологические словари областей лингводидактики и тестологии ("*Dictionary of language testing*", "*Multilingual glossary of language testing terms*", "*Diccionario de de términos clave de ELE de Centro Virtual Cervantes*", "Новый словарь методических терминов и понятий" Азимова Э.Г. и Щукина А.Н., "Словарь терминов и понятий тестологии" Балыхиной Т.М. и др.), монографические работы основоположников теории языкового тестирования и оценивания, таких как *Adrian S. Palmer*, *Arthur Hughes*, *Christine Coombe*, *Cyril J. Weir*, *Lyle F. Bachman*, *Tim McNamara*, а также большое количество отечественных и зарубежных научных статей, посвящённых данной теме.

В рамках данного исследования при проведении семантического анализа терминов, выделения и рассмотрения деталей их значений мы основывались на прин-

ципах дефинитивного, компонентного, а также контекстологического методов [3, с. 27, 31; 7, с. 119], в результате чего нам удалось максимально полно исследовать семантику единиц даже в тех случаях, когда их определения не являются чёткими и лаконичными. Помимо этого, для исследования терминологических соответствий на русском и испанском языках используются переводческий и трансформационный анализ плана выражения исследуемых единиц. Для исчерпывающего описания полученных результатов мы проводим сравнительно-сопоставительный анализ процессов, зафиксированных нами в соответствующих терминосистемах русского и испанского языков.

Уже на этапе отбора материала на английском (исходном) языке мы столкнулись с некоторой неупорядоченностью терминосистемы языкового тестирования и оценивания, в том числе в области наименования различных типов тестовых заданий. В частности, для многих терминов в рассмотренных источниках приводятся перечни синонимичных единиц: *constructed-response item/task – extended response item/task – open-ended question; directed response item/task – controlled response item/task – selected response item/task; fixed choice item/test – forced choice item/test* и др.

При этом после подробного анализа дефиниций подобных синонимичных терминов мы отмечаем в них некоторые расхождения. Например, согласно одному из основных источников, *"Multilingual glossary of language testing terms"*, мы видим, что *constructed-response item/task* ("задание, требующее письменного решения") – это форма письменного ответа на тестовое задание, которая требует активного производства (речи), а не выбор из некоторого количества вариантов ответа. В определении, данном в этом же источнике для термина *extended response item/task* ("задание с развернутым ответом"), также подчёркивается необходимость самостоятельного продуцирования ответа, но здесь мы находим расхождения в требованиях к форме представления ответа: в отличие от первого определения в этой дефиниции нет чёткого указания на то, что задание выполняется письменно, и мы можем заключить, что его можно делать и в устной форме. Кроме того, дополнительно в определении термина *extended response item/task* указывается необходимый объём ответа – длиннее одного-двух предложений; в описании синонимичного ему термина *constructed-response item/task* эта информация отсутствует. В дефиниции третьего элемента рассматриваемой цепочки этих синонимичных терминов, *open-ended question* ("задание открытой формы"), мы находим ещё одно несоответствие: по объёму ответ может варьироваться от нескольких слов до развёрнутого эссе, что не отражено в первой дефиниции и не совпадает со второй.

Таким образом, даже на примере последовательности из этих трех терминов, представляемых в авторитетном источнике синонимами, мы видим, что терминосистема языкового тестирования и оценивания на данный момент не может характеризоваться полной устойчивостью, она развивается и изменяется, что в значительной степени затрудняет проведение исследований по данной теме, столь необходимых для систематизации этого терминологического поля.

Проведение переводческого анализа материала и дальнейшая классификация полученных результатов позволили нам выделить несколько групп по количественному признаку на основании того, сколько вариантов передачи исходной единицы в языке перевода нам удалось выделить, а также в зависимости от того, использовались ли при передаче исходных терминов механические приемы их переноса в язык перевода или они претерпевали трансформационные изменения.

По результатам **количественного анализа** как в русском, так и в испанском языке нам удалось разделить общее количество исходных терминов (45 единиц) на четыре группы в зависимости от того, какое количество соответствий мы выделили для них в языке перевода.

Первая группа представлена теми терминологическими единицами, для которых мы отмечаем три и более вариантов их передачи. На испанский язык такое количество соответствий мы выделяем для 18 терминов (40%) (таблица 1).

В эту же группу в рамках анализа передачи исходных единиц на русский язык мы относим 21 термин (46,66% от общего числа) (таблица 2).

Термины на английском языке	Количество переводных соответствий на испанском языке
true/false item	8
multiple choice item, yes/no question	7
information gap, integrative test, matching item	6
short-answer question	5
extended response item, reading comprehension task	4
cloze test, composition, constructed-response item, discrete-point item, essay, gap filling item, role play, subjective item, word formation item	3

Табл. 1. Распределение терминов по количеству переводных соответствий на испанском языке в первой группе.

Источник: составлено авторами на основе [7].

Table 1. Распределение терминов по количеству переводных соответствий на испанском языке в первой группе.

Source: compiled by the authors based on [7].

Наибольшим количеством возможных вариантов на русский язык передаются термины *cloze test* и *information gap*. В частности, последний из этих двух терминов может передаваться следующими способами: "информационный пробел (*information gap*)", "информационное неравенство (*information gap*)", "задание на информационное неравновесие (*information gap*)", "пробел информации", "недостаток информации", "информационный зазор", "получить недостающую информацию у партнера (*information gap*)", "информационный разрыв", среди которых первый вариант является наиболее частотным (4 выделенных примера) и употребительным в научно-методических источниках.

Такая вариативность передачи данного термина на русский язык может объясняться существованием для элемента *gap* нескольких соответствий-синонимов: "щель, промежуток; разрыв, расхождение; пробел; ниша; интервал" (англо-русский словарь *Cambridge Dictionary*). Помимо этого, мы отмечаем частый трансплантированный перенос исходного термина в сочетании с каким-либо вариантом его перевода на русский язык, что, на наш взгляд, подчёркивает факт продолжающегося процесса адаптации нового термина в терминосистеме принимающего языка. Высокий интерес к данному типу задания обуславливает создание носителями русского языка новых вариантов перевода этого термина с целью объяснить его суть. Вследствие этого выбор одного чётко закреплённого переводного эквивалента для этой единицы в настоящее время пока невозможен.

К следующей группе, где исходной единице в принимающем языке соответствует 2 варианта её передачи, в результате анализа русскоязычных источников мы относим 6 терминов английского языка (13,33%). В большинстве случаев мы выделяем следующие пары соответствий: "буквальный перевод единицы / её трансформационный перевод", "калькирование термина / его трансформационный перевод": *composition* – "сочинение", "эссе", *extended response task* – "задание с развёрнутым ответом", "задание открытого типа с развёрнутым ответом", *objective item* – "объективное задание", "объективный тест", *subjective item* – "субъективное задание", "субъективный тест".

В два раза больше примеров подобных терминов нам удалось отобрать на испанском языке: во вторую группу мы относим 13 исходных единиц (28,88%). Следует отметить, что в этом случае мы можем говорить не только о соответствиях "калькирование термина / его трансформационный перевод", хотя подобные пары и характерны для большинства входящих в эту группу терминов (*guided writing (task)* – *escritura guiada, actividad de expresión escrita guiada; proof reading task* – *corrección, actividad de detección de errores* и др.). Здесь мы также отмечаем

Термины на английском языке	Количество переводных соответствий на русском языке
cloze test, information gap	8
completion item, matching item, open-ended question, yes/no question	7
directed response item, information transfer	6
gap filling item, multiple-matching task, sentence completion item, true/false item	5
multiple choice item, word formation item	4
transformation item, short-answer item, transformation item	3

Табл. 2. Распределение терминов по количеству переводных соответствий на русском языке в первой группе.

Источник: составлено авторами на основе [7].

Table 2. Распределение терминов по количеству переводных соответствий на русском языке в первой группе.

Source: compiled by the authors based on [7].

передачу исходного термина двумя синонимичными единицами (*directed writing task* – *actividad de expresión escrita dirigida, actividad de expresión escrita guiada*) и перевод с использованием трансформационных преобразований в обоих соответствиях (*fixed choice item* – *ítem de respuesta fija (fixed choice), ítem de respuesta estructurada; sentence transformation* – *transformación de frases, ítem de transformación* и др.).

Третья группа представлена терминами, которые на язык перевода передаются только одним вариантом: 12 терминов (26,66%) для русского языка и 11 (24,44%) для испанского. При этом примерно в половине случаев невозможно отобрать достаточное количество контекстов употребления исследуемых терминов в научно-методической литературе: для русского языка это такие термины, как *constructed-response item* – "задание, требующее письменного решения (*constructed-response*)", *indirect test* – "опосредованный тест", *summary* – "конспективное изложение" и др.; в испанском языке: *discrete item* – *ítem discreto, live test* – *prueba viva, scalar item* – *ítem-escalar* и др.

В остальных случаях несмотря на то, что исходные термины в источниках представлены широко, их перевод единообразен, вероятно, потому, что наиболее часто данные термины передаются буквально, с помощью калькирования или же его сочетания с иными способами передачи исходных элементов, например, в русском языке: *dictation* – "диктант", *discrete test* – "дискретный тест", *role play* – "ролевая игра" и др. Схожая ситуация отмечается и в испанском языке: буквальный перевод: *dictation* – *dictado*; калькирование и в одном случае смешанное калькирование: *anchor item* – *ítem de anclaje, open-ended question* – *pregunta abierta; sentence expansion* – *ampliación de frases*.

В результате рассмотрения научных, лексикографических и методических источников на русском и испанском языках мы пришли к выводу, что некоторые исходные единицы представлены в них критически мало и, возможно, мы можем говорить об отсутствии переводных соответствий для них в языках перевода. К таковым мы относим 6 терминов в русском языке (13,33%): *directed writing task, link item, live test, scalar item, sentence expansion, summary cloze*; и 3 (6,66%) – в испанском: *directed response item, forced-choice item, summary cloze*. Мы считаем, главной причиной этого является некоторое "запаздывание" терминосистем русского и испанского языков по сравнению с исходной терминосистемой языкового тестирования и оценивания в английском языке в силу того, что принимающим терминосистемам требуется время на освоение новых для себя единиц.

Таким образом, в результате проведения анализа степени вариативности передачи терминов английского языка на русский и испанский языки мы можем

заклЮчить, что большая вариативность в некоторой степени присуща русскому языку, однако различия в процентных соотношениях представленных данных не являются критичными, вследствие чего, на наш взгляд, данная особенность в равной мере характерна и для испанского языка.

Вариативность терминов в русском и испанском языках в первую очередь объясняется различными **способами передачи исходных единиц** на языки перевода. В частности, и в русском, и в испанском языках мы выделяем примеры **буквального перевода** терминов английского языка: из 45 отобранных единиц и 189 примеров их передачи на русский язык буквально были переведены 7 терминов (15,55%) в 23 примерах (12,16%); на испанском языке мы отмечаем буквальный перевод 5 терминов (11,11%) в 12 примерах из 174 отобранных в этом языке перевода (6,89%). На наш взгляд, главной причиной такого сравнительно невысокого количества примеров являются особенности исходной выборки: только небольшая часть терминов из числа всех отобранных представлена однословными единицами (7 терминов), а именно такие единицы и подвергаются буквальному переводу.

Так, буквальный перевод терминов в языках перевода возможна в тех случаях, когда исходный термин в них обладает полным эквивалентным соответствием, совпадающим во всех значениях единицы и не зависящим от влияния контекста. Пример подобной переводной пары терминов нам удалось выделить только в испанском языке: *summary* – *resumen*.

Кроме того, в некоторых примерах мы отмечаем передачу терминологической единицы в языке перевода с использованием соответствий, имеющих этимологическое родство с исходными терминами: *dictation* – "диктант" (лат. *dictare*), *transformation* – "трансформация" (лат. *transformatio*), *completion* – *complementación* (лат. *complere*), *dictation* – *dictado* (лат. *dictare*).

Помимо этого, в тех случаях, когда переводимая единица имеет несколько значений, также возможно выполнение буквального перевода в силу влияния контекста, в котором используется такой термин, вследствие чего его многозначность ограничивается и чётко определяется его принадлежность к той или иной терминосистеме: *test* – *examen*; *composition* – *redacción*.

Значительно выше доля примеров использования приёмов **механической передачи исходного термина** в принимающих языках. Переводческий анализ пар единиц английского и русского языков показал, что из 189 выделенных примеров в 70 случаях (37,03%) использовался перенос путём смешанного калькирования, в 56 случаях (29,62%) – трансплантированный перенос, для передачи некоторых терминов также были проведены транскрибирование и транслитерация (33 примера, 17,46%), доля калькированных и полукалькированных единиц составляет 9,52% (18 примеров) и 11,64% (22 примера) соответственно.

Наиболее частотным способом механической передачи термина на русский язык стало смешанное калькирование единиц, состоящих из двух и более элементов, заключающееся в совмещении буквального перевода и трансформационного для тех элементов, буквальный перевод которых невозможен в силу тех или иных причин. Такое доминирование, на наш взгляд, объясняется тем, что в этом случае передача внутренней формы терминологической единицы происходит с минимальными изменениями, что снимает потенциальные трудности в восприятии данной единицы.

Ярким примером использования данного способа является передача термина *directed response item* на русский язык, т.к. во всех отобранных соответствиях мы отмечаем совмещение буквального перевода одного элемента с метонимическим переводом другого: "задание в закрытой форме", "закрытое тестовое задание", "вопрос в закрытой форме" и др. Отношения метонимии по признаку "причина – следствие" устанавливаются между элементами исходного термина и русскоязычного соответствия вследствие особенностей самого типа задания: ответ на него должен создаваться в соответствии с данными инструкциями, поэтому форма этого задания рассматривается как закрытая, не предполагающая откло-

нений от инструкций. В некоторых переводных соответствиях этому термину мы отмечаем не только лексическую метонимию, но и расширение либо редукцию, представляющие группу комплексных трансформаций.

Примером смешанного калькирования с использованием грамматического преобразования служит передача термина *gap filling task* вариантом "упражнение на заполнение пропусков": здесь мы отмечаем не только буквальный перевод элемента *task*, но и изменение части речи другого (*filling* – заполнение), изменение числа (*gap* – пропусков), а также изменение порядка слов.

Следующим по частотности стало трансплантирование, введение оригинального английского термина в текст в иноязычном написании, с сохранением его исходного облика [8, с. 75]. Причиной этому является стремление авторов научных работ за счет отсылки к оригинальному термину обеспечить корректное понимание малоизвестных единиц, ещё не имеющих закреплённых вариантов перевода в принимающем языке.

В абсолютном большинстве случаев этот приём переноса термина сопровождался его переводом на принимающий язык, который указывался в скобках: "задание, требующее письменного решения (*constructed-response test*)"; "выбрать правильный вариант ответа на вопрос (*multiple matching*)"; "задание альтернативных ответов (*true/false item*)" и др. В двух случаях мы отмечаем прямой ввод иноязычного термина в текст источника, например: "*Completing* – упражнение на дополнение – приём работы, основанный на отрывке текста..." [5, с. 211].

Несколько другое процентное соотношение отобранных примеров механической передачи терминов английского языка мы наблюдаем при их переносе в испанский язык. Так, наиболее частотным становится калькирование иноязычной единицы – 69 примеров из 174 (39,65%). Помимо этого, нам также удалось выделить примеры использования смешанного калькирования (63 примера, 36,2%), трансплантации английского термина в текст испаноязычных работ (22 примера, 12,64%); в меньшей степени использовались транслитерация (11 примеров, 6,32%) и полукалькирование единиц (5 примеров, 2,87%).

Как и в вышеописанных примерах на русском языке, в случае смешанного калькирования при переводе терминов на испанский язык возможно сочетание буквального перевода и с лексическими, и с грамматическими преобразованиями. Например, при переводе термина *information gap activity* вариантом *juego de vacío de información* мы отмечаем буквальную передачу элементов *information* и *gap*, однако элемент *activity* ("занятие, деятельность") передаётся с помощью конкретизации: *juego* ("игра") как отдельный вид деятельности. Грамматические трансформации в сочетании с буквальным переводом мы выделяем в паре *sentence expansion* – *ampliación de frases*: в первом элементе термина происходит замена числа.

При переводе терминов, для каждого элемента которых возможен подбор прямого переводного соответствия без применения каких-либо преобразований, мы отмечаем их калькированную передачу на испанский язык. Однако в силу различий языковых систем английского и испанского языков имя существительное в испанском языке не может находиться в препозиции к другому имени существительному, поэтому во всех примерах калькирования исходного термина на этот язык мы отмечаем изменение порядка слов: *anchor item* – *ítem de anclaje*.

Отсутствие в языке перевода прямого переводного соответствия для исходной единицы, возможная неясность термина или его некорректное понимание при использовании механических приёмов передачи обуславливают необходимость применения различных трансформаций. Как в русском, так и в испанском языке мы выделили примеры для всех групп переводческих преобразований: грамматических (126 примеров в русском, 172 примера в испанском языке), лексических (58 и 45 соответственно) и комплексных (57 и 22 соответственно).

По результатам **трансформационного анализа** мы заключили, что большая часть трансформаций, выделенных нами в обоих языках, относится к группе грамматических. Наиболее частотным стало изменение порядка слов: мы отметили

139 примеров в испанском языке (80,81% в рамках данной группы) и 78 примеров в русском (61,9%).

Главной причиной доминирования этого преобразования в выборке на испанском языке, как уже отмечалось ранее, является расхождение грамматического строя английского и испанского языков и невозможность передачи средствами последнего атрибутивных сочетаний исходных терминов. Вследствие этого происходит передача подобных единиц с помощью предложных дополнений: *constructed response item* – *ítem de respuesta construida*, *multiple choice gap filling item* – *ítem de rellenar huecos de selección múltiple* и др. Другая особенность грамматического строя испанского языка, а именно тенденция к расположению определения после имени существительного, определяет изменение порядка слов в терминах, состоящих из имени прилагательного и имени существительного: *discrete item* – *ítem discreto*, *indirect test* – *prueba indirecta*.

В русском языке мы также отмечаем стремление избежать нарушения норм управления принимающего языка и "развёртывание" подобных атрибутивных цепочек с учётом их семантических и структурных особенностей: *extended response item* – "задание с развёрнутым ответом", *gap filling item* – "упражнение на заполнение пропусков", *reading comprehension task* – "задание на понимание прочитанного" и др.

Наиболее частотной трансформацией в группе лексических преобразований и в русском, и в испанском языке стала лексическая метонимия: 18 примеров в русском языке (31,03% в рамках этой группы) и 21 пример в испанском языке (46,66%). Следует отметить, что подобное процентное соотношение не позволяет говорить об абсолютном доминировании этой трансформации в группе: в выборке на русском языке мы выделили по 16 примеров использования генерализации и конкретизации (27,58%). Однако такое частое применение метонимии, на наш взгляд, может объясняться стремлением облегчить восприятие переводимого термина носителями принимающего языка через проведение необходимых логических адаптаций с наименьшим возможным изменением объема значения единицы при преобразовании содержания его элементов.

Среди основных признаков смежности исходного и переводного терминов мы выделяем следующие:

- "причина – следствие": *proof reading task* – *corrección*, *actividad de detección de errores*; *fixed-choice item* – "тест ограниченного выбора"; *open-ended question* – "тест со свободно конструируемым ответом", "задание со свободным ответом" и др.;
- "часть – целое": *true/false item* – *prueba de cierto o falso*, *prueba de doble opción*; *short-answer item* – "методика кратких ответов" и др.;
- "содержащее – содержимое": *reading comprehension* – *comprensión de textos*; *reading comprehension* – "понимание общего смысла текста";
- "процесс – результат" (только в выборке на испанском языке): *multiple choice item* – *ítem de selección múltiple*;
- "средство достижения цели – цель" (только в выборке на испанском языке): *summative assessment* – *prueba de rendimiento*.

Среди выделенных нами комплексных трансформаций наиболее частотными стали расширение (29 примеров в русском языке – 50,87% от числа примеров комплексных трансформаций; 12 примеров в испанском языке – 54,54%) и редукция (в русском языке 19 примеров – 33,33%; в испанском языке 10 примеров – 45,45%).

Введение в структуру переводимого термина новых элементов, не выраженных эксплицитно в исходной единице, прослеживается в следующих случаях: *completion (item)* – "завершение фразы", "дополнение информации", "заполнение пропусков"; *matching item* – "задание на установление соответствия"; *composition* – *composición escrita*; *short answer question* – *pregunta abierta de respuesta corta*. Главной причиной использования такого преобразования является необходимость восполнить форму термина на языке перевода, тем самым обеспечивая его корректное понимание.

Обратное действие происходит в случаях применения редукции, где в терминологических словосочетаниях на языке перевода не передаются те элементы, которые можно рассматривать как избыточные или нерелевантные, но легко восполняемые из контекста: *sentence transformation item* – "трансформационное упражнение", "трансформативное упражнение"; *text-based item* – "текстовое упражнение"; *cloze test – el cloze*; *multiple matching – emparejamiento*; *transformation item – transformación de frases*.

Подобное сокращение структуры термина при его передаче на языке перевода не является ошибочным, а воспринимается как необходимая мера, однако нам удалось выделить один пример, в котором применение этой трансформации привело к изменению внутренней формы термина на испанском языке: *short answer question – pregunta corta*. Значение исходного термина предполагает, что тестируемые должны дать короткий ответ (одно слово – несколько предложений), при этом длина самого вопроса (задания) не важна и может быть любой. Таким образом, этот переводной вариант не соответствует исходному термину, т.к. дословно переводится "короткий вопрос" и значительно изменяет суть обозначаемого типа задания.

Следует отметить, что только среди переводных соответствий на русском языке нам встретился объяснительный перевод (9 примеров – 15,78%), который во всех выделенных примерах сопровождался трансплантацией исходного термина: *word formation item* – "определение нужной формы слова в зависимости от предполагаемого контекста"; *proof reading task* – "проверочное считывание текста и исправление имеющихся ошибок"; *information gap* – "получить недостающую информацию у партнера".

В результате анализа этих примеров мы пришли к выводу, что зачастую использование данного преобразования может привести к некорректной передаче исходной единицы на язык перевода в силу неоправданной конкретизации значения исходного термина. Например, подобное явление мы отмечаем в половине выделенных способов передачи термина *information transfer task* на русский язык: "задание типа "перенос информации из вербальной формы в графическую"; "перенос информации из текстовой формы в графическую"; "задание на заполнение таблицы в ходе слушания"; кроме того, подобный пример мы отмечаем и в испанском языке: *information transfer – escuchar y transferir información*. Каждое из этих описаний только отдельных вариантов проведения данного задания не соответствует более широкому значению исходного термина – перенос информации из одного формата в другой без ограничений. Таким образом, подобное неоправданное сужение значения термина не может рассматриваться как корректное и, на наш взгляд, нуждается в дополнительном указании на то, что автор говорит только об одном из вариантов выполнения задания, но не о типе задания в целом.

В данном исследовании мы также ставили перед собой задачу рассмотреть **семантические особенности** терминов английского языка и выделить возможные изменения, происходящие в результате их переноса в терминосистемы русского и испанского языков. В результате мы выделяем несколько групп терминологических единиц в зависимости от того, происходят ли какие-либо искажения семантики термина.

Первая группа, включающая в себя единицы, в семантических картах которых мы не отмечаем изменения значений, но допускаем некоторые отличия, не влекущие за собой искажения семантики, представлена 15 терминами (33,33%) в русском языке (например, *open-ended question*, *multiple-choice item*, *objective item*, *completion item*, *composition* и др.) и 20 единицами (44,44%) в испанском языке (например, *dictation*, *gap filling item*, *objective item*, *oral interview*, *indirect task* и др.).

Как в русском, так и в испанском языке термин *information gap* не претерпевает особых изменений значения (рассмотрены 9 определений на английском языке, 6 – на русском, 8 – на испанском). Мы отмечаем сохранение описания принципа и целей проведения задания в обоих языках: решение коммуникативной задачи с помощью обмена имеющейся информацией с целью обучения, тестирования и

оценивания (последнее – имплицитно в русском языке). В дефинициях на испанском языке мы также можем выделить полное совпадение определений исходного термина (*activity/actividad, technique/técnica, task/tarea, ejercicio*) и типов задания (одностороннее, двустороннее; устное, письменное), в то время как в русскоязычных определениях эта информация не всегда представлена в полной мере. В исходных дефинициях отмечается, что выполнение задания возможно в парах "студент-преподаватель" и "студент-студент"; в принимающих языках эта информация сохраняется частично, и описывается только последняя пара.

Во вторую группу отобранных терминов в рамках семантического анализа мы относим те единицы, в семантике которых мы отмечаем существенное изменение исходного значения: это 12 единиц (26,66%) на русском языке (например, *directed-response item, information transfer, short-answer question* и др.) и 7 терминов (15,55%) на испанском языке (*role play, short-answer question, true/false item* и др.).

После сопоставления семантических карт термина *directed-response item* на английском и русском языках (4 и 5 определений соответственно) мы можем заключить, что в принимающем языке происходит значительное сужение его значения в силу описания во всех рассмотренных источниках только одного из возможных форматов проведения задания: выбор одного ответа из нескольких предложенных. Согласно же англоязычным научно-методическим работам, этот тип тестового задания предполагает получение четко ограниченного по своему содержанию ответа, который может состоять не только в выборе одного из предложенных вариантов, но и в предоставлении собственного (в таких конкретных типах заданий, как *cloze test, gap filling*). На наш взгляд, подобное усечение задания не может рассматриваться как соответствующее исходному значению термина.

Кроме того, в рамках данного исследования мы выделили некоторые случаи, в которых дефиниции анализируемых терминов на русском языке приобретают оценочность со знаками "плюс" или "минус", что не отвечает требованиям к научному терминологическому определению, как, например, в следующем случае: "Ролевая игра является очень хорошей наработкой прошлого и с успехом может применяться на экзамене; это хорошее творческое задание, предоставляющее слушателю определенный люфт и хорошо выявляющее владение им языковыми средствами" [10, с. 199].

Дефиниция может быть и просто ошибочной. Так, после анализа русскоязычных и испаноязычных источников мы заключили, что такие задания, как *true/false item* и *yes/no question*, не сохраняют заложенное в них оригинальное значение. Для этих типов заданий основополагающей является характеристика альтернативности выбора ответа из предложенных двух вариантов. Данное свойство не всегда сохраняется в дефинициях на принимающих языках в силу того, что зачастую с целью усложнения задачи авторы определений предлагают введение третьего варианта, что совершенно не соответствует исходной форме заданий.

Последняя группа, полученная в результате проведения семантического анализа, представлена терминами, достаточно подробно описанными в английском языке, но не имеющими полного описания в отобранных источниках на русском и испанском языках. К этой группе относится 18 терминов (40%) на русском языке (*fixed choice, completion item, discrete item, sentence completion, transformation item* и др.) и 18 терминов (40%) – на испанском (*fixed choice, summary, completion item, discrete item, transformtion item, proof reading task* и др.).

Например, в отобранных русскоязычных дефинициях термина *summary* не отражены в полной мере следующие категории: форма выполнения задания (только письменная, в то время как в англоязычных определениях широко описывается и устная), формат предоставляемого текста (не указан, но может быть аудио или печатный), процесс оценивания (по определённым критериям или шкале, отсутствует информация о его субъективной природе и возможности уменьшения степени субъективности).

В испанском языке, например, мы отмечаем частичное совпадение семантических карт терминов для исходных единиц *sentence transformation* и *transformation item*

на английском языке: описывается один тип выполнения этого задания, предполагающий преобразование предложения по модели без изменения его содержания. Однако в отобранных контекстах на английском языке также описывается и второй возможный вариант проведения этого типа задания, совершенно не отраженный в определениях на испанском языке: преобразование предложения по образцу с заменой определённого выделенного элемента и произведением всех необходимых манипуляций для создания корректного предложения с точки зрения грамматики и семантики.

Помимо этого, мы также выделяем термины, для которых мы не смогли отобрать достаточное количество контекстов в англоязычных источниках (*indirect task, multiple-choice gap filling* в паре "английский – русский"; *live item, sentence expansion, word-formation item* и др. в паре "английский – испанский"). В эту же группу мы относим термины, не представленные в рассмотренных источниках на русском (*fixed choice, sentence expansion, summary cloze* и др.) и испанском (*directed-response item, multiple-matching task, summary cloze*) языках.

В результате проведенного семантического анализа мы можем заключить, что в большей степени сохранение исходной семантики термина прослеживается при его переносе из терминосистемы английского языка в соответствующую терминосистему испанского языка (в 20 случаях из 45 рассматриваемых против 15 терминов на русском языке), однако нельзя сказать, что различие результатов между этими двумя языками является существенным. Помимо этого, даже при сохранении исходной семантики термина в обоих языках мы отмечаем некоторые отличия в сопоставляемых дефинициях. В случае переноса 12 терминов на русский язык и 7 единиц на испанский язык происходит существенное изменение значения исходных терминов, что приводит к его искажённому пониманию носителями принимающих языков. Для 40% проанализированных терминов мы говорим о невозможности отобрать достаточное количество контекстов их употребления как в принимающих языках, так и в некоторых случаях на английском языке.

Основываясь на приведенных результатах исследования, мы можем сделать **следующие выводы**: вариативность передачи терминов, обозначающих различные типы тестовых заданий, является характерной чертой процесса их переноса из терминосистемы английского языка в соответствующие терминосистемы русского и английского языков. Множество переводных вариантов для исходных терминов в данных языках предопределено возможностью использования различных трансформационных преобразований для их передачи. При этом необходимо отметить, что в результате переноса значительного количества терминологических единиц происходит изменение их значения, что приводит к некорректному пониманию носителями принимающих языков сути тестовых заданий, обозначаемых этими единицами. Это, в свою очередь, может препятствовать осознанию всей полноты репертуара тестовых заданий преподавателями и тестологами и, гипотетически, ограничить их использование в практике языкового тестирования и оценивания. Однако сами проявления вариативности, асимметрии, в некоторых случаях ошибочных интерпретаций понятий в терминосистемах языкового тестирования и оценивания на разных языках свидетельствует о том, что данные системы находятся в стадии активного становления, и каждая из них продолжает развивать свой терминологический аппарат.

Приложение

№	Исходный термин на английском языке	Перевод термина на русский язык		Перевод термина на испанский язык	
1	2	3		4	
1	Anchor test	1	Якорное тестовое задание (anchor items)	1	Ítem de anclaje
		2	Эталонное задание		
2	Cloze test	1	Клоуз-тест	1	Prueba cloze (cloze test)
		2	Закрытый тест (клоуз-тест)	2	Cloze test
		3	Заполнение пропусков в тексте подходящими по смыслу словами, которые приведены в рамке (cloze test)	3	El cloze
		4	Методика клоуз-теста		
		5	Тест восстановления (cloze test)		
		6	Подстановочный тест		
		7	Тест дополнения		
		8	Тест с пропусками		
3	Completion (item)	1	Завершение (completion)	1	Cumplimentación
		2	Completing – Упражнение на дополнение	2	Ítem de completar
		3	Дополнение		
		4	Завершение фразы		
		5	Дополнение информации		
		6	Завершение/ окончание (completion)		
		7	Заполнение пропусков (gap-filling, completion)		
4	Composition	1	Сочинение	1	Expresión escrita
		2	Эссе	2	Redacción
				3	Composición escrita
5	Constructed-response (item)	1	Задание, требующее письменного решения (constructed-response test)	1	Respuesta construida
				2	Ítems de respuesta construida
				3	Pregunta de respuesta construida
6	Dictation	1	Диктант	1	Dictado
7	Directed writing task			1	Actividad de expresión escrita dirigida
				2	Actividad de expresión escrita guiada

1	2	3		4	
8	Directed response (item)	1	Задания в закрытой форме		
		2	Закрытое задание		
		3	Задание закрытой формы (multiple-choice item)		
		4	Закрытое тестовое задание		
		5	Тест закрытого типа		
		6	Вопрос в закрытой форме		
9	Discrete item	1	Дискретный тест	1	Ítem discreto
10	Discrete-point item	1	Дискретный тест	1	Ítem discreto específico
				2	Test de elementos discretos
				3	Prueba de elementos discretos
11	Essay (question)	1	Эссе	1	Redacción
		2	Сочинение	2	Composición (discursiva)
		3	Задание открытой формы	3	Ensayo
12	Extended response (task)	1	Задание с развёрнутым ответом	1	Respuesta extensa
		2	Задание открытого типа с развёрнутым ответом	2	Respuesta larga
				3	Prueba de respuesta extensa
				4	Ensayo de respuesta extensa
13	Fixed choice (item)	1	Тест ограниченного выбора (Fixed-choice test)	1	Ítem de respuesta fija (Fixed-choice)
				2	Ítem de respuesta estructurada
14	Forced-choice (item)	1	Задание с вынужденным выбором (forced-choice items)		
15	Gap filling (task)	1	Тест на заполнения пропусков	1	Relleno de huecos
		2	Упражнение на заполнение пропусков	2	Ítem de rellenar huecos
		3	Заполнение пропусков	3	(Prueba objetiva de) rellenar
		4	Завершение		
		5	Заполнение пробелов		
16	Guided writing (task)	1	Направляемое письмо (Directed or Guided writing)	1	Escritura guiada
		2	Guided writing	2	Actividad de expresión escrita guiada
17	Indirect test	1	Опосредованный тест	1	Prueba indirecta
				2	Actividad indirecta

1	2	3	4		
18	Information gap (activity)	1	Информационный пробел (information gap)	1	Vacío de información
		2	Информационное неравенство (information gap)	2	Juego de vacío de información
		3	Задание на информационное неравновесие (information gap)	3	Déficit de información
		4	Пробел информации	4	Intercambio de información
		5	Недостаток информации	5	Una laguna de información
		6	Информационный зазор	6	Una brecha de información
		7	Получить недостающую информацию у партнера (information gap)		
		8	Информационный разрыв (information gap)		
19	Information transfer (task)	1	Задание типа "перенос информации из вербальной формы в графическую" (information transfer)	1	Transferencia de información (Information Transfer)
		2	Перенос информации из текстовой формы в графическую (information transfer)	2	Escuchar y transferir información
		3	Перенос информации		
		4	Задание на перенос информации (information transfer)		
		5	Тест переноса информации		
		6	Задание на заполнение таблицы в ходе слушания (information transfer)		
20	Integrative test	1	Интегративный тест	1	Prueba integradora
		2	Интегральный тест	2	Prueba comunicativa
		3	Глобальный тест	3	Test integral
				4	Test global
				5	Ítem integrador
				6	Actividad integradora
21	Link item		1	Unidad de anclaje (link item)	
22	Live test		1	Prueba viva	
23	Matching (task)	1	Задание на перекрёстный выбор (matching task)	1	Actividad de relacionar
		2	Тест подбора пар	2	Tarea de correspondencia
		3	Перекрёстный выбор	3	Tarea de emparejamiento
		4	Задание на соответствие (matching task)	4	Emparejar
		5	Задание на установление соответствия	5	Relación de columnas
		6	Тест перекрёстного выбора	6	Ítem de apareamiento

1	2	3		4			
23	Matching (task)	7	Соотнесение/ сопоставление				
24	Multiple-choice gap filling (item)	1	Multiple choice gap filling (множественный выбор)	1	Ítem de rellenar huecos de selección múltiple		
25	Multiple choice (item)	1	Множественный выбор	1	Selección múltiple		
		2	Задание множественного выбора	2	Ítem de selección múltiple		
		3	Тест множественного выбора	3	Test de la selección múltiple		
		4	Задание закрытой формы	4		4	Prueba de opción múltiple
				5		Prueba de selección múltiple	
				6		Test de multiselección	
				7		Pregunta de selección múltiple	
26	Multiple-matching (task)	1	Multiple matching (соотнесение вариантов)	1	Emparejamiento (multiple matching)		
		2	Задание на множественный перекрёстный выбор multiple matching	2	Multiple matching		
		3	Задание на множественные соответствия (Multiple Matching)				
		4	Выбрать правильный вариант ответа на вопрос (multiple matching)				
		5	Задание на идентификацию (multiple matching)				
27	Objective test	1	Объективный тест	1	Prueba objetiva		
		2	Объективное задание	2	Test objetivo		
28	Open-ended question	1	Упражнение открытого типа	1	Pregunta abierta		
		2	Задание открытой формы				
		3	Тест со свободно конструируемым ответом				
		4	Задание со свободным ответом				
		5	Методика дополнения				
		6	Задание в открытой форме				
		7	Открытое задание				
29	(Oral) interview	1	Интервью	1	Entrevista oral		
		2	Тест-интервью	2	Entrevista cara a cara		
		3	Устный коммуникативный тест в форме интервью				
30	Proof reading task	1	Проверочное считывание текста и исправление имеющихся ошибок (proof reading)	1	Corrección		
				2	Actividad de detección de errores		

1	2	3		4	
31	Reading comprehension (task)	1	Задание на понимание прочитанного (reading comprehension task)	1	Actividad de comprensión de lectura
		2	Понимание общего смысла текста (reading comprehension)	2	Comprensión de lectura
		3	Задание на проверку понимания прочитанного	3	Comprensión lectora
32	Role play	1	Ролевая игра	4	Comprensión de textos
				1	Juego de roles
				2	Juego de personajes (Role-Play)
33	Scalar item			3	Juego de rol "Role playing"
				1	Ítem escalar
34	Sentence completion (item)	1	Sentence completion (трансформация предложения)	1	Completar frases
		2	Задания на заполнение пропусков в предложениях (sentence completion)	2	Ejercicio de completar oraciones
		3	Завершение предложений (Sentence completion)		
		4	Закончить предложения (Sentence completion)		
		5	Дополнение предложений (sentence completion)		
35	Sentence expansion			1	Ampliación de frases
36	Sentence transformation (item)	1	Трансформация (transformation)	1	Transformación de frases
		2	Трансформационное упражнение	2	Ítem de transformación
		3	Трансформативное упражнение		
37	Short-answer question	1	Методика кратких ответов (short answer item)	1	Respuesta corta
		2	Задание на краткий ответ	2	Ítem de respuesta corta
		3	Короткий ответ	3	Pregunta abierta de respuesta corta
				4	Pregunta corta
				5	Pregunta de respuesta breve
38	Subjective item	1	Субъективное задание	1	Prueba subjetiva
		2	Субъективный тест	2	Ítem subjetivo
				3	Test subjetivo
39	Summary	1	Конспективное изложение	1	Resumen
40	Summary cloze				
41	Text-based item	1	Текстовое упражнение	1	Ítem basado en un texto

1	2	3		4			
42	Transformation item	1	Трансформационное упражнение	1	Transformación de frases		
		2	Трансформативное упражнение	2	Ítem de transformación		
		3	Трансформация (transformation)				
43	True/false item	1	Задание на альтернативный выбор	1	Ítem dicotómico		
		2	Задание альтернативных ответов (true/false item)	2	Ítem verdadero/falso		
		3	Тест альтернативного выбора	3	Prueba de verdadero o falso		
		4	Двойной альтернативный выбор	4	Prueba de doble opción		
		5	Задание "правильно-неправильно"	5		5	Prueba de cierto o falso
				6		Prueba de sí o no	
				7		Ítem de elección alternativa	
				8		Prueba de doble alternativa	
44	Word formation item	1	Word formation (словообразование)	1	Word formation		
		2	Определение нужной формы слова в зависимости от предлагаемого контекста (word formation)	2	Formación de palabras (word formation)		
		3	Задание на словообразование (word formation)	3	Ítem de formación de palabras		
		4	Задание "словообразование" (word formation)				
45	Yes/no question item	1	Задание на альтернативный выбор	1	Ítem dicotómico		
		2	Задание альтернативных ответов	2	Ítem de sí o no		
		3	Тест альтернативного выбора (да-нет)	3	Prueba de verdadero o falso		
		4	Двойной альтернативный выбор	4	Prueba de doble opción		
		5	Задание "правильно-неправильно"	5	Prueba de doble alternativa		
		6	Альтернативный тест	6	Prueba de cierto o falso		
		7	Тест-альтернатива	7	Respuesta dicotómica		

Табл. 1. Способы передачи терминов, использующихся для обозначения типов тестовых заданий, на русский и испанский языки.

Источник: составлено авторами.

Table 1. Способы передачи терминов, использующихся для обозначения типов тестовых заданий, на русский и испанский языки.

Source: compiled by the authors.

Литература

1. Бурсина О.А. Специфика терминосистем социально-гуманитарных и естественно-математических наук // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. №1. С. 92–98.
2. Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
3. Золотухин Д.С. Основные подходы к описанию лингвистических терминосистем // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. №2. С. 27–31.
4. Иваницкий Р.В. Лексикографические аспекты нормализации терминов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1995. 20 с.
5. Калугина Е.В. Особенности аудилингвального обучения английскому языку будущих учителей // Инновационные процессы в воспитании, обучении и развитии подрастающего поколения: сб. науч. трудов. Т. 3. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2010. С. 206–224.
6. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 160 с.
7. Макарихина О.А. История терминов в истории гуманитарной науки (на примере термина "этнос") // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. №1. С. 146–152.
8. Неvejeва С.Б. О способах передачи иностранных слов в русском языке // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков. 2003. №4. С. 72–78.
9. Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 248 с.
10. Ярушкина Т.С. Формат устного экзамена по немецкому языку на основной ступени обучения // Актуальные вопросы языкового тестирования. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 192–204.

References

1. Bursina O.A. Specifics of the terminological systems of social-humanitarian and natural-mathematical sciences // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2010. №1. P. 92–98. (In Russ.)
2. Grinev-Grinevich S.V. Introduction to terminology. M.: Academy, 2008. 304 p. (In Russ.)
3. Zolotukhin D.S. Basic approaches to the description of linguistic term systems // Historical and socio-educational thought. 2015. №2. P. 27–31. (In Russ.)
4. Ivanitsky R.V. Lexicographic aspects of term normalization: dis. abstract ... cand. philol. sciences. Lvov, 1995. 20 p. (In Russ.)
5. Kalugina E.V. Peculiarities of audiolingual teaching of English to future teachers // Innovative processes in education, training and development of the younger generation: Coll. scientific works. T. 3. Chelyabinsk: Publishing House of Chelyabinsk state ped. university, 2010. P. 206–224. (In Russ.)
6. Lotte D.S. Fundamentals of construction of scientific and technical terminology. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. 160 p. (In Russ.)
7. Makarikhina O.A. The history of terms in the history of the humanities (on the example of the term "ethnos") // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevskii. 2009. №1. P. 146–152. (In Russ.)
8. Nevezhina S.B. On the ways of transmitting foreign words in Russian // Questions of research and teaching of foreign languages. 2003. № 4. P. 72–78. (In Russ.)
9. Superanskaya A.V. General terminology: Questions of theory / A.V. Superanskaya, N.V. Podolskaya, N.V. Vasilev. M.: LIBROKOM, 2012. 248 p. (In Russ.)
10. Yarushkina T.S. The format of the oral exam in German at the basic level of education // Topical issues of language testing. Issue. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2017. P. 192–204. (In Russ.)

Юлия Александровна ПОЛЬШИНА, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: polshina.yua@dvfu.ru
Валерия Андреевна СОРОКИНА, магистр филологии, ассистент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: sorokina_va@dvfu.ru

Yulia A. POLSHINA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: polshina.yua@dvfu.ru

Valeria A. SOROKINA, Master of Philology, Assistant, Department of Romance and Germanic Philology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: sorokina_va@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 28.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 11.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2022

О классификации японских заимствований в китайском языке

Марина Бато-Очировна ХАЙДАПОВА

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, khaimarina@yandex.ru

Марина Георгиевна ЖАНЦАНОВА

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, dari9@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются японские заимствования в китайском языке, специфика которых обусловлена общим ареалом синографической культуры. На материале трудов китайских лингвистов проводится сравнительный анализ классификаций, определяются основные подходы и критерии, а также дискуссионные аспекты изучаемой темы, включая проблему статуса "вернувшихся слов", от чего зависит и объём, и типология японских заимствований. Выявляется терминологическая неоднородность, а также спорный характер иллюстративного материала в отдельных классификациях, отмечается исследовательский потенциал квази-заимствований.

Ключевые слова: лингвокультурные связи, китайский язык, японский язык, лексические заимствования, классификация, анализ

Для цитирования: Хайдапова М.Б.-О., Жанцанова М.Г. О классификации японских заимствований в китайском языке // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 78–86. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/78-86>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/78-86>

On the classification of Japanese loanwords in Chinese

Marina B.-O. KHAIDAPOVA

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, khaimarina@yandex.ru

Marina G. ZHANTSANOVA

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, dari9@yandex.ru

Abstract. A large portion of Japanese language vocabulary was borrowed from Chinese in ancient time because Japanese used Chinese characters as a writing system. But the situation has completely changed since modern times, when a great number of Japanese words was borrowed in Chinese. Therefore, it was necessary for Chinese linguists to systematize and classify this vocabular. The article examines Japanese loanwords in Chinese, the specificity of which is determined by the common area of Sinographic culture. Based on the works of Chinese linguists, a comparative analysis of classifications is carried out, the main approaches and criteria are determined, as well as problematic aspects of the topic under study, including the problem of the status of "returned words", which determines both the volume and typology of Japanese loanwords. Terminological heterogeneity is revealed, as well as the controversial nature of the illustrative material in certain classifications, the research potential of quasi-borrowings is noted.

Keywords: linguistic and cultural relations, Chinese, Japanese, loanwords, classification, analysis

For citation: Khaidapova M.B.-O., Zhantsanova M.G. On the classification of Japanese loanwords in Chinese // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 78–86. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/78-86>

В эпоху глобализации, отмеченной невиданной доселе интенсивностью межкультурной коммуникации, всё большую актуальность приобретает вопрос о взаимовлиянии различных языков. Тема взаимовлияния китайского и японского языков являлась до сих пор предметом множества исследований, внимание учёных было сосредоточено на различных аспектах данного феномена, начиная от узколингвистических, заканчивая историческими и культурологическими.

Так, в Китае и Японии написано множество работ, посвящённых языковым контактам и взаимовлиянию, что обусловлено не только географической близостью и длительными историческими контактами этих стран, но прежде всего общим ареалом синографической культуры (汉字文化圈), который определил уникальный характер двусторонних связей в области языка, литературы и культуры. Тема японских лексических заимствований в китайском языке в контексте лингвокуль-

турных связей между Китаем и Японией открывает широкое поле для отдельных исследований в этой области.

В российском востоковедении тема японских заимствований в китайском языке до недавних пор затрагивалась лишь косвенно, в общих чертах (Иванов В. В. "Терминология и заимствования в современном китайском языке", 1973; Горелов В. И. "Лексикология китайского языка", 1984) [4; 2], однако в последние годы стали появляться исследовательские работы, посвященные различным аспектам данной проблемы, которая, безусловно, представляет интерес в контексте лингвистических и кросс-культурных исследований. Так, О. А. Бехтерева в магистерской диссертации "Японские заимствования в китайском языке: периодизация и адаптация" (2016) рассматривает периодизацию и затрагивает проблему классификации японских заимствований в китайском языке, уделяя основное внимание видам семантических изменений в т. н. обратных заимствованиях [1]. В статьях П. В. Кульневой "Особенности заимствования специальной терминологии в китайский язык из японского языка (на примере экономической лексики)" (2018) и "Экономическая терминология в японском и китайском языках: сходство и различия" (2018) исследуются особенности заимствования специальной терминологии, а именно: совпадения и расхождения в экономической терминологии в двух языках [7; 8]. В. Н. Денисенко, Чжан Кэ в статье "Графически заимствованное слово из японского языка в современном китайском языке" (2019) также касаются вопроса классификации японских заимствований, делая упор на графических заимствованиях [3]. Е. М. Круглова в статье "Проблема определения терминологии явления "японизм" в лексикологии современного китайского языка" (2019) исследует вопросы терминологии, неизбежно касаясь и проблем общей классификации японских заимствований, в другой статье "Особенности лингводидактики вторичных и обратных заимствований в китайском языке" (2020) в историко-культурном контексте проводится разграничение понятий вторичных и обратных японских заимствований [5; 6].

Недостаточная разработанность данной темы в отечественной науке обусловила и характер исследований, которые нацелены прежде всего на уточнение и систематизацию базового терминологического аппарата и рассмотрение проблем типологии японских заимствований. В настоящей статье проводится анализ классификаций японских заимствований в китайском языке на материале научных трудов китайских ученых, выделяются проблемные вопросы, ожидающие дальнейшего изучения.

В Китае в разное время выдвигались различные классификации японских заимствований, что обусловлено неоднородностью теоретических оснований и методологии исследований. Не было единства и в дефиниции самого термина "заимствованное слово" (外来词 вайлайцы), в понимании которого в целом среди китайских лингвистов прослеживаются два подхода – в узком и широком смыслах. Заимствованные слова узком смысле – это полные фонетические заимствования, а также слова, в составе которых имеется фонетический компонент, в их число включают и пришедшие из японского языка исконно японскую лексику и иероглифы, созданные японцами. К сторонникам данного подхода относят Ван Ли 王力, Чжан Индэ 张应德, Чэнь Чжун 陈忠, Цэнь Юньцян 岑运强 и др. К заимствованным словам в широком понимании, помимо вышеуказанных слов, относят также и другие графические заимствования из японского языка. Такой точки зрения придерживаются Ван Лида 王立达, Гао Минкай 高名凯, Лю Чжэнтань 刘正琰, Ши Ювэй 史有为, Ян Сипэн 杨锡彭 и др. [10, с. 25–26].

Подобное определение дает и Ян Сипэн: "Заимствованное слово (外来词) – это слово, возникшее в процессе усвоения иноязычного слова и выражающее значение, происходящее из иноязычного слова, также может называться вайлайцью 外来语, цзецы 借词. Слова, появившиеся путем фонетического транскрибирования и схожие с иноязычными словами по звуковой форме, а также слова, образованные сочетанием транскрибирования с китайским компонентом, представляют собой заимствованные слова в узком смысле; заимствованные слова в широком понима-

нии – слова, возникшие в результате перевода иноязычных слов путем калькирования и графическим способом" [17, с. 37]. В настоящее время большинство китайских исследователей придерживается широкого понимания данного термина.

Поскольку существует множество разных классификаций японских заимствований современного китайского языка, в данной работе мы ограничимся рассмотрением нескольких наиболее значимых. Самой ранней из всех, к которым обращаются практически все исследователи, является классификация Гао Минкая, Лю Чжэнтаня [11, с. 79–98]:

1. Заимствованные слова современного китайского языка чисто японского происхождения (т. е. исконно японские слова и переводы слов западных языков, записанные не с помощью иероглифов). Например: 场合 ‘случай, ситуация’, 道具 ‘реквизит, бутафория’, 节约 ‘экономить, экономия’.

2. Заимствованные японские слова, представляющие собой семантический перевод лексики западных языков с помощью слов древнекитайского языка, например: 文学 ‘литература’, 经济 ‘экономика’, 革命 ‘революция’.

3. Заимствованные японские слова, представляющие собой семантический (или частично фонетический) перевод лексики западных языков путем образования новых слов из китайских иероглифов (иероглифические слова, созданные японцами при переводе западных понятий), типа: 辩证法 ‘диалектический метод, диалектика’, 美学 ‘эстетика, эстетический’, 动员 ‘мобилизовывать, мобилизация’.

Очевидно, что в основе данной классификации лежат такие критерии, как происхождение слов японского языка и способ оформления западной лексики в японском языке (иероглифами или азбукой катакана; использовано готовое древнекитайское слово или создано японцами).

Вызывает вопрос первый тип, где в одну группу объединены исконно японские слова и переводы слов европейских языков, записанные не с помощью иероглифов. Логичнее было бы последние отнести ко второй группе, т. е. вторичным заимствованиям, поскольку это всё же перевод с западных языков. Подобный подход к общей классификации наблюдается во многих работах исследователей разных стран, изданных позже [4; 9; 1]. Таким образом, можно было бы преобразовать данную классификацию в трёхуровневую следующим образом:

1 уровень (по происхождению): все японские заимствования поделить на японизмы (заимствование исконно японских слов) и вторичные заимствования (заимствование японских слов, представляющих собой перевод слов западных языков).

2 уровень (по способу записи в японском языке переводов западной лексики). Вторичные заимствования поделить еще на 2 группы: иероглифические и неиероглифические переводы слов западных языков.

3 уровень (древнекитайские или вновь созданные слова): иероглифические переводы слов западных языков поделить на вернувшиеся с обновлённым значением слова древнекитайского языка (т. е. обратные заимствования) и созданные японцами новые слова из китайских морфем (иероглифов).

Это наиболее общая классификация, которая, безусловно, отражает ситуацию с японскими заимствованиями в китайском языке на тот момент. Однако развитие лингвистической науки в Китае, равно как и лексики языка, связанное в первую очередь с усилением межкультурной коммуникации, диктовало необходимость новых классификаций, которые появились в китайской лингвистике позже.

Безусловно, заслуживает внимания классификация Ши Ювэя 史有为, автора монографии "Заимствованная лексика китайского языка" ("汉语外来词", 2013) и главного редактора новейшего "Словаря иностранных слов Синьхуа" ("新华外来词词典", 2019). Заметим, что все имеющиеся в настоящее время монографии и статьи по теме заимствований в китайском языке, изданные как в Китае, так и в других странах, опираются на более ранние словари, в основном на "Словарь иностранных слов китайского языка" под ред. Лю Чжэнтаня, Гао Минкая и др. ("汉语外来词词典", 1984), а также на словарь под ред. Цэнь Цисяна 岑麒祥 ("汉语外来语词典", 1990).

Ши Ювэй в вопросе классификации японских заимствований придерживается широкого подхода к пониманию заимствованной лексики, считая, что в контексте социокультурных связей признания и исследования заслуживают как прямые заимствования из японского языка, так и изначально китайские слова, заимствованные японским языком и затем вновь вернувшиеся в китайский язык. Отмечая, что существует множество классификаций японских заимствований, подчеркивает, что в систематизации данного слоя лексики следует исходить из соответствия языка-реципиента (китайский) и языка-донора (японский), при этом непременно учитывая особенности общей для Китая и Японии синографии. Поэтому в первую очередь рассматривается способ заимствования с учётом иероглифической специфики, а именно трёх составляющих иероглифического знака: графической формы 形, звуковой 音 и значения 义. Такая классификация учитывает не только фонетический способ заимствования, но и уделяет внимание таким аспектам, как графическая форма и семантика. Только так, по мнению автора, можно показать сущность и специфику японских заимствований в общей системе иностранных заимствований. Другие подходы рассматриваются как критерии второстепенного порядка [12, с. 192–193].

В соответствии с этим основным критерием – способ заимствования, учитывающий триединство графической, фонетической и семантической составляющих иероглифа – выделяется три класса: семантические графические заимствования, несемантические графические заимствования и фонетические заимствования. Первый из них, самый многочисленный, подразделяется еще на три подкласса (А, В, С), которые также содержат по несколько разрядов. Второй и третий классы в количественном отношении значительно уступают первому и представляют собой не столь разветвлённую систему. Ниже представлена классификация Ши Ювэя [12, с. 193–197]:

I. Семантические графические заимствования (使用汉字义的借形汉字词)

А. Семантический перевод (калька) с европейских языков (意译西语)

Более детально подразделяются на пять видов. Далее сохранена сквозная нумерация, как в оригинале.

1. Для перевода использованы древнекитайские слова, можно считать изменением или расширением их значения. Это квази-заимствования (准外来词) или квази-исконная лексика (准固有词). Таких слов немало, например: 经济 'экономика', 革命 'революция', 交通 'коммуникации, транспорт', 教授 'профессор' и др.

2. Слова-кальки с европейских языков, которые японцы создали из китайских морфем (иероглифов). Это тоже разновидность квази-заимствований, но их статус в ряду заимствованной лексики выше, чем у предыдущего типа. Такого рода слов больше всего, в их числе 干部 'кадры, руководящий состав', 排球 'волейбол', 美术 'изобразительные искусства' и др.

3. Слова-кальки с европейских языков, записывающиеся одним иероглифом, созданным японцами. Их сравнительно мало, например: 腺 'железа', 鲶 'сом' и др.

4. Слова-кальки с европейских языков, образованные из японских морфем, но записанные иероглифами с кунным чтением (训读). Такого типа слов немного, например: 组合 'объединение', 借方 'дебет', 引渡 'экстрадиция'.

5. Единичные иероглифические слова-кальки с европейских языков с наполовину кунным, наполовину онным чтением (音读), например: 身分 (身份) 'статус' (яп. mibun), в котором первый иероглиф имеет кунное чтение, а второй – онное.

В. Калька по значению иероглифов, по чтению – транскрибирование (文字上意译读音上音译)

Заимствуются слова японского языка, являющиеся фонетическим переводом с европейских языков, в то же время "работают" значения иероглифов, которыми транскрибируется западная лексика, и сохраняются словообразовательные модели китайского языка. Таких слов весьма мало, тем не менее они тоже поделены на три вида (6–8).

6. Слова с кунным чтением, являющиеся фонетическим переводом с европейских языков с помощью древнекитайских слов, например: 麦酒 'уст. (вм. 啤酒) пиво' (яп. *bīru* с голл. *bier*).

7. Иероглифические слова с онным чтением, представляющие собой гибридный перевод с европейских языков, типа 俱乐部 'клуб' (яп. *kurabu* с англ. *club*).

8. Заимствованные слова, представленные иероглифом, созданным японцами по модели идеограммы (会意法). К имевшемуся китайскому иероглифу добавлялась графема (偏旁), происходило расширение исходного значения, чтение в японском языке является транскрибированием европейского слова или кунным. Такого рода слов мало, например: 糙 'уст. (вм. 厘米) сантиметр' (яп. *senchi-mētoru* с фр. *centimètre*). В качестве примера с кунным чтением приводится слово 鱈 'треска' (яп. *tara*).

С. Сделанные в Японии иероглифические слова, не являющиеся переводом с европейских языков (日本自主认识并采用汉字反映事物的词)

В основном эти слова отражают японские реалии, их немного.

9. Созданные японцами иероглифические слова с онным чтением: 花道 'икебана' (яп. *kadō*), 俳句 'хайку' (яп. *haiku*), 人力车 'рикша' (яп. *jinrikisha*) и др.

10. Для выражения значения слова японского языка использованы слова древнекитайского языка, например: 柔道 *rōudào* 'дзюдо' (яп. *judo*), 浪人 *làng rén* 'ронин (бродячий самурай без службы и сюзерена); бродяга, бездомный' (яп. *gō-nin*) и др.

11. Образованные из иероглифов с кунным чтением, например: 场合 'случай, ситуация' (яп. *ba-ai*), 手续 'процедура, формальности' (яп. *te-tsuzuki*), 打消 'отменять (распоряжение); отказываться от (намерения)' (яп. *uchikeshi*) и др.

II. Несемантические графические заимствования (不用汉字义的借形汉字词)

12. Заимствование исконно японской лексики или слов, являющихся фонетическим переводом с европейских языков и записанных иероглифами с онным чтением.

Поскольку в словах данного типа не работают значения иероглифических знаков, то имеет место фонетическое заимствование таких японских слов. Чтение таких слов в китайском и японском языках схоже, но имеет определённые различия, что подобно расхождениям в фонетических системах разных диалектов. Таких слов относительно мало, например: 寿司 'суши' (яп. *sushi*), 瓦斯 'газ' (яп. *gasu*, с голл. *gas*).

III. Фонетические заимствования японских слов (日源汉译借音词)

13. Транскрибирование японских слов, записанных азбукой кана (или азбукой с добавлением иероглифа). Такого рода слов крайне мало, например: 卡拉OK 'караоке', 欧巴桑 'тётя (обращение к женщине средних лет)' (яп. *obāsan*, исп. на Тайване), 多桑 'отец' (яп. *tosan*, исп. на Тайване).

14. Незначительное число транскрибированных слов, записанных согласующимися по смыслу иероглифами, например: 扒金库 / 扒金宫 / 拔金库 'патинко (игровой автомат со стальными шариками)' (яп. *rachinko*).

15. Заимствование отдельных латинских аббревиатур, сделанных в Японии, например: NHK (Nippon Hōsō Kyōkai "Японская телерадиовещательная корпорация").

Эта классификация многоуровневая, очень подробная с лингвистической точки зрения. Основным критерием, как уже было отмечено выше, является способ заимствования, учитывающий графическую, фонетическую и семантическую составляющие синографа. На первом уровне все японские заимствования по данному критерию поделены на три класса: семантические графические заимствования, несемантические графические заимствования и фонетические заимствования. Как видно, первые два класса представляют собой графические заимствования (借形), т. е. заимствованные японские слова в иероглифической записи, а третий класс включает исключительно фонетические заимствования, т. е. транскрибирование японской лексики (借音). Однако Ши Ювэй сразу разделяет графические заимствования на семантические и несемантические на основании того, работают

ли в слове значения иероглифов, которыми записано данное слово, и отделяет несемантические графические заимствования (п. 12) несмотря на то, что их мало и нет дальнейшего деления на подклассы и разряды, как в других классах.

Первый класс, как отмечает Ши Ювэй, составляет ядро японских заимствований, в количественном отношении это наиболее многочисленный класс, который включает еще три подкласса на основании природы слов в самом японском языке: калька с европейских языков; транскрибирование западной лексики с помощью иероглифов, подходящих по значению; иероглифические слова, созданные японцами самостоятельно, а не в ходе перевода слов европейских языков. Второй и третий классы в количественном отношении значительно уступают первому, на основании чего можно сделать вывод о том, что фонетических заимствований из японского языка немного, подавляющее большинство составляют семантические графические заимствования.

Необходимо отдельно отметить, что Ши Ювэй подчеркивает особый характер заимствованной лексики, созданной японцами путем расширения значения уже имевшихся древнекитайских слов (п. 1, 10), а также заимствований японских калькированных переводов с европейских языков, составленных из китайских морфем-иероглифов (п. 2), определяя их термином "квази-заимствования". Данный подход к квалификации такого рода японских заимствований нашел отражение и в "Словаре иностранных слов Синьхуа" (2019), где в словарных статьях к ним при пояснении исходного языка стоит помета не 源 ('происхождение, источник'), а 考 ('исследовать, проверять'). Ши Ювэй в Предисловии к данному словарю отмечает неоднозначный, спорный характер таких иероглифических заимствований с онным (китайским) чтением, в числе которых и обратные заимствования (изначально китайские слова, которые позже вернулись обратно из Японии в Китай с обновлённым значением), и созданные японцами иероглифические слова с онным чтением. Таким образом, Ши Ювэй отходит от однозначности в определении статуса данных слов, показывая их промежуточный характер, снижая степень определённости их истоков, оставляя пространство для дальнейших исследований [16, с. 9–12].

Заметим, что дискуссии о такого рода заимствованных из японского языка словах велись неоднократно, особенно по поводу обратных заимствований, или "вернувшихся слов" (кит. 回归词, 回归介词, 侨词). Так, например, известный китайский лингвист Ван Ли в "Истории китайского языка" впервые поднял вопрос о японских обратных заимствованиях и в целом о японских заимствованиях, представляющих собой перевод с европейских языков, не признавая их заимствованной из японского языка лексикой: "Нам не следует считать, что китайский язык "заимствовал" у японского языка слова. Эти слова не есть исконная лексика японского языка, а всего лишь перенятая с Запада, в сущности, нам совсем не было необходимости заимствовать исконно японские слова, поскольку новые слова нужны только тогда, когда появляются новые понятия, а новые понятия могли быть выражены отнюдь не исконно японскими словами. Японцы создали новые слова, чтобы выразить те понятия, которые Запад транслировал в Японию, мы лишь воспользовались готовым японским переводом, чтобы не изобретать велосипед (начинать всё сначала, искать иные пути), не более того" [14, с. 528; цит. по: 10, с. 26].

И в настоящее время некоторые исследователи японских заимствований поддерживают позицию Ван Ли, например, Ван Лянцзе 王良杰 и Лян Хуа 梁华 солидарны с точкой зрения Ван Ли, однако не полностью, а только в отношении "вернувшихся слов" (回归词), называя их словами-эмигрантами (侨词), категорично определяя их как исконно китайскую лексику и исключая из сферы японских заимствований при построении своей классификации [15, с. 97].

Основными критериями классификации Ван Лянцзе и Лян Хуа выступают следующие: историко-хронологический (выделяется три значимых периода в истории китайско-японских контактов: до сер. XIX в.; с сер. XIX в.; после 80-х гг. XX в.); отсутствие данных слов в древнекитайском языке (поэтому не рассматриваются

обратные заимствования, как отмечалось выше); исходный язык заимствования – японский.

1. Исконно японские заимствования (本族借词): заимствованная лексика из японского языка до периода новой истории (до сер. XIX в.), например: 道具 'реквизит', 场所 'место', 日程 'распорядок дня' и т. п.

2. Заимствованные слова, сделанные японцами (和制借词): семантические, фонетические переводы слов или новые слова, созданные японцами, начиная с сер. XIX в. при переводе европейских слов по словообразовательным моделям китайского или японского языков и записанные иероглифами. Например: 辩证法 'диалектика', 美学 'эстетика', 排球 'волейбол' и т. п.

3. Фонетические заимствования (音译借词): заимствования, представляющие полное или частичное транскрибирование слов японского языка. Например: 卡哇伊 'кавайный, милый', 榻榻米 'татами', 淋巴 'лимфа', 一级棒 'первоклассный' и т. п. Отмечается, что большинство из них относятся к периоду после 80-х гг. XX в. и в настоящее время количество их растет, особенно в сфере интернет-культуры [15, с. 97].

В данной классификации заметно стремление к краткости и соотнесенности с крупными историческими периодами, в целом определившими особенности социально-политических, экономических и лингвокультурных связей Китая и Японии. В конце статьи отмечается, что авторами пока не классифицируется новейший пласт японских заимствований (неологизмов японского происхождения) как еще неустоявшийся слой лексики современного китайского языка. К отличительным чертам этой классификации можно отнести, во-первых, то, что в ней исключены из сферы японских заимствований "вернувшиеся слова", или обратные заимствования (回归词); во-вторых, что хронологически важной метой выделяется Новое время как период наиболее активных японских заимствований. Это не столь детальная и лингвистически обоснованная классификация, как у Ши Ювэя, однако мы сочли возможным показать ее, поскольку она продолжает традиции так называемого "лексического национализма", идущие еще от Ван Ли и по сей день. Остроту этого проблемного вопроса в определённой степени снимает Ши Ювэй, обозначив промежуточный характер данного слоя лексики путем введения термина "квази-заимствования" и зафиксировав это в словаре.

В целом анализ рассмотренных нами научных трудов китайских лингвистов по типологии японских заимствований показал следующее:

1. Отсутствие единой классификации японских заимствований в китайском языке обусловлено как спецификой китайского и японского языков, исторически связанных общим ареалом иероглифической культуры, и вытекающей из этого спорностью происхождения многих слов, так и различием применяемых подходов и критериев.

2. Одна из проблем при классификации заимствований кроется в разнице подходов китайских лингвистов к тому, считать ли т. н. "вернувшиеся слова" (回归词), или обратные заимствования, исконно китайскими словами, не потерявшими культурной идентичности в процессе миграции, или всё-таки японскими заимствованиями. От этого зависит и объём лексики, и собственно типология японских заимствований.

3. Наблюдается также некоторая терминологическая неоднородность, обусловленная разницей подходов к отдельным явлениям. К примеру, разные авторы в термин "вернувшиеся слова" (回归词) вкладывают разное содержание.

4. Замечена и некоторая некорректность в иллюстративном материале. Нами также были изучены несколько других, не представленных в данной статье классификаций, из них, например, в классификации Вань Хун 万红 вызывают вопросы отдельные слова-примеры к первому, второму и шестому из шести типов японских заимствований, выделяемых автором [13, с. 76–78].

5. Отдельный научный интерес вызывает "Словарь иностранных слов Синьхуа" (2019) под редакцией Ши Ювэя, в который включено более трёх тысяч япон-

ских заимствований (для сравнения: в словаре 1984 г. их более восьмисот), значительную часть которых составляют т. н. квази-заимствования (准外来词).

Безусловно, вопрос о типологии заимствований будет стоять и дальше, поскольку, с одной стороны, дальнейших научных обоснований и документальных свидетельств требует огромное число т. н. квази-заимствований; с другой стороны, в последние два десятилетия в силу разных причин растёт число новых слов японского происхождения, и меняется сам характер заимствований. Исследователи отмечают тенденцию роста в заимствованной лексике не терминов, а бытовой лексики (особенно молодёжной), что связано с влиянием японской поп-культуры и развитием Интернет-коммуникации.

Литература

1. Бехтерева О. А. Японские заимствования в китайском языке: периодизация и адаптация. Иркутск, 2016. 97 с.
2. Горелов В. И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 216 с.
3. Денисенко В. Н. Графически заимствованное слово из японского языка в современном китайском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. – С. 740–753. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-740-753>.
4. Иванов В. В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. М., 1973. 176 с.
5. Круглова Е. Д. Особенности лингводидактики вторичных и обратных заимствований в китайском языке // Студент – Исследователь – Учитель: Материалы XXI Межвузовской студенческой научной конференции, Санкт-Петербург, 01–15 апреля 2019 года / Редколлегия: Н.А. Бочарова, Н.И. Верба, Т.С. Вологова [и др.]. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2020. С. 1191–1198.
6. Круглова Е. Д. Проблема определения терминологии явления "японизм" в лексикологии современного китайского языка // Китайская лингвистика и синология: Тезисы докладов международной конференции, Москва, 03–05 октября 2019 года. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. С. 100–103.
7. Кульнева П. В. Особенности заимствования специальной терминологии в китайский язык из японского языка (на примере экономической лексики) // Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XXXII. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 257–278.
8. Кульнева П. В. Экономическая терминология в японском и китайском языках: сходство и различия // Японские исследования. 2018. № 4. С. 24–43. <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2018-10026>
9. Chen Haijing. A Study of Japanese Loanwords in Chinese. University of Oslo: Master's Thesis, 2014. 125 p.
10. 崔崑, 丁文博. 日源外来词探源 [M]. 广州: 世界图书出版广东有限公司, 2013. 196 页. = Цуй Инь, Дин Вэньбо. Исследование истоков заимствованных слов японского происхождения [монография]. Гуанчжоу, 2013. 196 с.
11. 高名凯, 刘正琰. 现代汉语外来词研究 [M]. 北京: 文字改革出版社, 1958. 189 页. = Гао Минкай, Лю Чжэнтань. Исследование заимствованных слов современного китайского языка [монография]. Пекин: Вэньцзы гайгэ, 1958. 189 с.
12. 史有为. 汉语外来词 [M]. 北京: 商务印书馆, 2013. 279 页. = Ши Ювэй. Заимствованная лексика китайского языка [монография]. Пекин: Изд-во Шанью иньшугуань, 2013. 279 с.
13. 万红. 当代汉语的社会语言学观照: 外来词进入汉语的第三次高潮和港台词语的北上 [M]. 天津: 南开大学出版社, 2007. 272 页. = Ван Хун. Современный китайский язык с позиций социолингвистики: "третья волна" иностранных заимствований в китайском языке и "продвижение на север" слов из Гонконга и Тайваня [монография]. Тяньцзинь: Издательство Нанькайского университета, 2007. 272 с.
14. 王力. 汉语史稿 (上、中、下) [M]. 北京: 北京科学出版社, 1958. = Ван Ли. История китайского языка (в 3-х томах) [монография]. Пекин, 1958.
15. 王良杰, 梁华. 现代汉语中日语借词的分类. 辽东学院学报 (社会科学版) 第17卷第3期. 2015年6月. 93–98 页. = Ван Лянцзе, Лян Хуа. Классификация японских заимствований в современном китайском языке. Вестник Ляодунского института (общественные науки). Т. 17 № 3. 2015. С. 93–98.
16. 新华外来词词典 / 史有为主编; 商务印书馆辞书研究中心编. – 北京: 商务印书馆, 2019. 1603 页. = Словарь иностранных слов Синьхуа / гл. ред. Ши Ювэй; Центр лексикографических исследований при издательстве Шанью иньшугуань. Пекин: Шанью иньшугуань, 2019. 1603 с.
17. 杨锡彭. 汉语外来词研究 [M]. 上海: 上海人民出版社, 2007. 296 页. = Ян Сипэн. Заимствованные слова китайского языка [монография]. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2007. 296 с.

References

1. Bekhtereva O. A. Japanese borrowings in Chinese: periodization and adaptation. Irkutsk, 2016. 97 p. (In Russ.)
2. Gorelov V. I. Lexicology of the Chinese language. Moscow: Education, 1984. 216 p. (In Russ.)
3. Denisenko V. N. Graphically borrowed word from Japanese in modern Chinese // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2019. Vol. 10. №. 4. P. 740–753. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-740-753> (In Russ.)
4. Ivanov V.V. Terminology and borrowings in modern Chinese. Moscow, 1973. 176 p. (In Russ.)
5. Kruglova E. D. Features of linguodidactics of secondary and reverse borrowings in Chinese // Student – Researcher – Teacher: Proceedings of the XXI Interuniversity Student Scientific Conference, St. Petersburg, April 01–15, 2019 / Editorial Board: N.A. Bocharova, N.I. Verba, T.S. Vologova [etc.]. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 2020. P. 1191–1198. (In Russ.)
6. Kruglova E. D. The problem of defining the terminology of the phenomenon "Japonism" in the lexicology of the modern Chinese language // Chinese Linguistics and Sinology: Abstracts of the International Conference, Moscow, October 03–05, 2019. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2019, P. 100–103. (In Russ.)
7. Kulneva P. V. Features of borrowing special terminology into Chinese from Japanese (on the example of economic vocabulary) // Actual problems of modern Japan. Issue XXXII. M.: IFE RAS, 2018. P. 257–278. (In Russ.)
8. Kulneva P. V. Economic terminology in Japanese and Chinese: similarities and differences // Japanese Studies. 2018. №. 4. P. 24–43. <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2018-10026> (In Russ.)
9. Chen Haijing. A Study of Japanese Loanwords in Chinese. University of Oslo: Master's Thesis, 2014. 125 p.
10. 崔崑, 丁文博. 日源外来词探源 [M]. 广州: 世界图书出版广东有限公司, 2013. 196 页. = Cui Yin, Ding Wenbo. A study of the origins of borrowed words of Japanese origin [monograph]. Guangzhou, 2013. 196 p. (In Chin.)
11. 高名凯, 刘正琰. 现代汉语外来词研究 [M]. 北京: 文字改革出版社, 1958. 189页. = Gao Mingkai, Liu Zhengtan. Study of borrowed words of the modern Chinese language [monograph]. Beijing: Wenzhi Gaige, 1958. 189 p. (In Chin.)
12. 史有为. 汉语外来词 [M]. 北京: 商务印书馆, 2013. 279页. = Shi Yuwei. Borrowed vocabulary of the Chinese language [monograph]. Beijing: Shangwu Yingshuguan Press, 2013. 279 p. (In Chin.)
13. 万红. [M]. 天津: 南开大学出版社, 2007. 272页. = Wan Hong. Modern Chinese from the standpoint of sociolinguistics: the "third wave" of foreign borrowings in Chinese and the "northward movement" of words from Hong Kong and Taiwan [monograph]. Tianjin: Nankai University Press, 2007. 272 p. (In Chin.)
14. 王力. 汉语史稿 (上、中、下) [M]. 北京科学出版社, 1958. = Wang Li. History of the Chinese language (in 3 volumes) [monograph]. Beijing, 1958. (In Chin.)
15. 王良杰, 梁华. 现代汉语中日语借词的分类. 辽东学院学报 (社会科学版) 第17卷第3期. 2015年6月. 93–98. = Wang Liangjie, Liang Hua. Classification of Japanese loanwords in modern Chinese // Bulletin of the Liaodong Institute (social sciences). T. 17 No. 3. 2015. S. 93–98. (In Chin.)
16. 新华外来词词典– 北京: 商务印书馆, 2019. 1603 页. = Xinhua Dictionary of Foreign Words / Ed. by Shi Yuwei; Center for Lexicographic Research at Shang'u Yin Shuguan Publishing House. Beijing: Shangwu Yingshuguan, 2019. 1603 p. (In Chin.)
17. 杨锡彭. 汉语外来词研究 [M]. 上海: 上海人民出版社, 2007. 296 页. = Yang Xipeng. Borrowed words of the Chinese language [monograph]. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2007. 296 p. (In Chin.)

Марина Бато-Очировна ХАЙДАПОВА, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: khaimarina@yandex.ru

Марина Георгиевна ЖАНЦАНОВА, канд. культурологии, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: dari9@yandex.ru

Marina B.-O. KHAIDAPOVA, Candidate of Philological Sciences, Head of Department of Far East Countries Philology, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: khaimarina@yandex.ru

Marina G. ZHANTSANOVA, Candidate of Culturology, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: dari9@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 31.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 19.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2022

Научная статья
УДК 811.111-26
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/87-97>

Лингвокреативная репрезентация Хэллоуина в антропонимах (на материале титров специальных выпусков "Симпсонов")

Ольга Владимировна ГАВРИЛЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, gavrilenko.ov@dvfu.ru

Аннотация. В преобразовании антропонимов проявляется лингвокреативная деятельность носителей языка, репрезентирующая взаимосвязанные фрагменты общего лингвокогнитивного комплекса через игровой код. В ходе преобразования антропоним становится прозвищным именованием: в его структуру вводится соотносимая с Хэллоуином вербализация, изучение которой позволяет получить доступ к знаниям и представлениям лингвокультуры о празднике. Исследование выявило тенденцию использовать разнообразные аллюзии к фильмам, комиксам и реальным/нереальным существам, а также некоторые объективации внутренних особенностей человека ("злой, жестокий", "страшный") для лингвокреативной репрезентации Хэллоуина. Новые именованья являются экономичным способом апелляции к необходимому фрагменту когнитивного пространства, появляются в ответ на потребность создать атмосферу известного праздника и привлечь внимание аудитории.

Ключевые слова: когнитивное пространство, лингвокреативная деятельность, антропоним, прозвищное именование, прецедентный феномен

Для цитирования: Гавриленко О.В. Лингвокреативная репрезентация Хэллоуина в антропонимах (на материале титров специальных выпусков "Симпсонов") // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 87–97. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/87-97>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/87-97>

Creative Verbal Representation of Halloween in Personal Names (Based on "The Simpsons Halloween Special" Credits)

Olga V. GAVRILENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, gavrilenko.ov@dvfu.ru

Abstract. Verbal creativity of native speakers is represented in interrelated fragments of shared linguo-cognitive space via using a ludic code. This creative activity is found in the process of transforming an anthroponym, which implies an introduction of any verbalization, connected with Halloween, in its structure. The study of these verbalizations allows us to get access to the knowledge and images of the holiday, which exist in the English-speaking society. Our research shows that various allusions to movies, comics and (un)real creatures, some objectifications of human inner peculiarities ("violent", "unkind", "frightening") are most frequently used for creative verbal representation of Halloween. New nicknames are the efficient way of appealing to some necessary fragment of cognitive space; they appear as a response to the need for creating the atmosphere of the famous holiday as well as for attracting and keeping the audience's attention.

Keywords: cognitive space, creative verbal activity, anthroponym, nickname, precedent phenomenon

For citation: Gavrilenko O.V. Creative Verbal Representation of Halloween in Personal Names (Based on "The Simpsons Halloween Special" Credits) // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 87–97. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/87-97>

Известно, что Хэллоуин, канун Дня всех святых, появился на Британских островах более 2000 лет назад. Изучая историю Хэллоуина, исследователь праздника Л. Мортон пишет, что он начинался как языческое празднование начала нового года и христианское поминовение мертвых, но со временем торжество трансформировалось в праздник урожая, осеннюю вечеринку, костюмированный ритуал выпрашивания сладостей, время для исследования своих страхов [16, с. 7]. Автор отмечает, что привлекательность Хэллоуина для детей в значительной мере способствовала росту его популярности и коммерческому успеху [16, с. 116].

Востребованность осеннего праздника нашла свое отражение в различных продуктах массовой культуры, в том числе в создании выпусков эпизодов сериа-

лов, приуроченных к Хэллоуину. Так, во втором сезоне известного американского мультсериала "Симпсоны" появляется специальный тематический выпуск – "Домик ужасов на дереве" (*The Treehouse of Horror*, изначально – *The Simpsons Halloween Special*). Трёхчастная структура для этого выпуска (три истории-страшилки) была заимствована из комиксов ужасов 1950-х годов, а стиль повествования – у американского сценариста Рода Сёрлинга [13, с. 121].

Одной из отличительных черт спецвыпуска стали так называемые "страшные имена" (*scary names* [13, с. 121]) в начальных и финальных титрах. Эти имена представляют собой изменённые имена и фамилии создателей сериала с добавлением "страшного" компонента, т.е. репрезентированной в языке апелляции к тому, что связано в сознании носителей языка с Хэллоуином. Например, *James L. Brooks* трансформируется в *James Hell Brooks* (в антропоним вводится слово "hell" – *a place or situation in which people suffer very much, either physically or emotionally* [15] ("ад" – место или ситуация, где люди испытывают значительные эмоциональные или физические страдания (*здесь и далее перевод наш – О.Г.*)), *John Swartzwelder* → *Scary John Swartzwelder* (добавляется прилагательное со значением "легко пугаемый, вызывающий тревогу или страх": "scary" – *easily scared; feeling alarm or fright* [14]) и т.д. "Страшный" компонент выделен жирным шрифтом – при его извлечении остаётся исходный антропоним. Отметим окказиональный характер данного словотворчества – потребность в "страшных" именах возникает только в контексте праздника для репрезентации "базы данных", связанной с Хэллоуином.

Цель нашего исследования – изучить особенности лингвокреативного преобразования данных антропонимов, выявить и рассмотреть, каким образом и какой фрагмент когнитивного пространства "Хэллоуин" получает свою репрезентацию. Объект нашего исследования – прозвищные именованья как результат лингвокреативной деятельности, предмет – лингвокреативная репрезентация фрагмента когнитивного пространства "Хэллоуин".

Актуальность данной работы определена повышенным интересом к процессам номинации, исследованию собственных имен и антропонимических прозвищ в современной лингвистике. Выделение лингвистики креатива как области изучения разных форм проявления вербальной креативности свидетельствует о необходимости изучения процессов словотворчества, выявления и сопоставления особенностей создания и функционирования новых единиц, в том числе и антропонимических. При значительном росте количества работ, посвященных отдельным пластам ономастической лексики (например, урбанонимам), работы по преднамеренному лингвокреативному преобразованию антропонимов немногочисленны. Материал нашего исследования обусловливает его новизну: видеоизмененные титры специальных выпусков "Симпсонов" ранее не подвергались какому-либо лингвистическому анализу ни по способам образования, ни по содержательной стороне также, как и не выявлялись на их основе особенности лингвокреативного картирования праздника. Обращение к подобному материалу для исследования позволяет изучить особенности образования прозвищных именованья и национально-культурную специфику репрезентации фрагмента когнитивного пространства "Хэллоуин" в рамках определенной лингвокультуры.

Когнитивное пространство мы трактуем, вслед за В.В. Красных, как национально-детерминированную и национально-маркированную определённым образом структурированную совокупность всех знаний и представлений, присущих либо конкретной языковой личности, либо тому или иному социуму [9, с. 131]. Знания и представления являются взаимосвязанными фрагментами единого ментально-лингвального комплекса, образуют определённые более или менее устойчивые глубинные блоки, которые проявляются в ассоциативно-вербальной сети [9, с. 131–132]. Эта ассоциативно-вербальная сеть активизируется и становится доступной для нашего наблюдения через лингвокреативную деятельность, которая определяется Т.А. Гридиной, как воплощение пространства языкового креатива носителей языка, проявление инициативы языковой личности в создании "преце-

дентов новизны", в способности к реализации креативной идеи в прагматических целях [4, с. 6].

Лингвокреативная деятельность воплощается в языковой игре – преднамеренном нарушении языковых и речевых норм, направленном на выполнение определённой функции. Языковая игра, по выражению В.Б. Базилиевич, – это "...не просто остроумное искажение литературных единиц, а реакция языка на процессы и явления, происходящие в данное время в жизни общества" [1, с. 21]. К основным параметрам преднамеренного нарушения относятся "...богатая ассоциативность, осознанный поиск неожиданных средств при пользовании языковым арсеналом, путей нетрадиционного воплощения языковых системных связей и законов" [11, с. 78]. В результате языковой игры антропоним становится своего рода прозвищем, которое рассматривается нами вслед за О.Д. Вишняковой и В.А. Александровой как "...дополнительное имя, данное человеку в соответствии с определёнными характеристиками, в основном уточняющими специфику восприятия его образа окружающими" [2, с. 54].

В качестве материала для исследования нами было отобрано 150 имён собственных из титров первых пяти специальных выпусков "Симпсонов". Данные имена включают в себя непосредственно сам антропоним (т.е. собственное имя индивидуума [12, с. 113]) и соотносимую с Хэллоуином вербализацию в виде прецедента или апеллятивной лексики (любого слова, которое не является именем собственным). Отметим, что в настоящем исследовании антропоним в своём состоянии до применения игрового кода интересует нас только как источник устойчивой информации, редуцируемой при сравнительно-сопоставительном анализе для выявления объективаций Хэллоуина.

Прозвищные имена в титрах спецвыпуска – результат лингвокреативной обработки, а упомянутая вербализация представляет собой игровой компонент, т.е. "...часть слова, слово, словосочетание, высказывание, в котором реализовалась установка говорящего на языковую игру", конкретное воплощение языковой игры [8, с. 7], реализацию игрового кода. В рамках лингвокогнитивного подхода представляется возможным получить доступ к знаниям и представлениям через анализ данных игровых компонентов.

Рассматривая структуру новых именовании, можно выделить четыре группы в зависимости от расположения репрезентации фрагмента когнитивного пространства "Хэллоуин":

- в начале исходного антропонима (98 единиц – 65% от общего количества);
- в середине (38 единиц – 25%);
- в конце (2 единицы – 1%);
- иное. В некоторых случаях (12 единиц – 8%) происходит инкорпорирование исследуемой объективации в структуру антропонима: *Joooolie Kavner* ← *Julie Kavner*, *Dr. Frankenwelker* ← *Frank Welker*, *Count Greg Danula* ← *Greg Daniels*, *Nancy Heart-Fright* ← *Nancy Cartwright* и т.д.

Выбор вербализации праздника в значительном количестве случаев основан на аллитерации – повторе одинаковых звуков или сочетаний звуков на относительно близком расстоянии друг от друга. По выражению И.Р.Гальперина, аллитерация не несёт смысловой функции, а является средством дополнительного эмоционального воздействия, своего рода музыкальным сопровождением основной мысли высказывания [3, с. 275]. Доля подобных имен составляет 63% от общего количества (95 единиц), приведём для примера некоторые из них (случаи аллитерации подчеркнуты): *Wretched Richard Raynis*, *Slithering Sam Simon*, *Dearly Departed Dan McGrath*, *Shrieking Sherry Gunther*, *Weaselly Wally Wolodarsky*, *Mean Maria Rodriguez* и другие.

В некоторых случаях происходит нарушение орфографических норм, когда апеллятивная лексика подстраивается под звучание или написание антропонима (9 единиц – 6%; случаи нарушения подчеркнуты в примерах, правильный вариант приведен в скобках после прозвищного именовании): *Kreepy Jack Kogen (creepy)*, *Phearless Phil Roman (fearless)*, *Depravid David Silverman (depraved)*, *Malodorus Mark*

В некоторых случаях происходит нарушение орфографических норм, когда апеллятивная лексика подстраивается под звучание или написание антропонима (9 единиц – 6%; случаи нарушения подчеркнуты в примерах, правильный вариант приведен в скобках после прозвищного именовании): *Kreepy Jack Kogen (creepy)*, *Phearless Phil Roman (fearless)*, *Depravid David Silverman (depraved)*, *Malodorus Mark*

№	Способ репрезентации, характеристики	Количество единиц (%)
	<i>1. Объективации в дефинициях языковых единиц</i>	88 (59%)
	<i>1.1 Объективация внутренних особенностей</i>	65 (43%)
1	злой, жестокий	20 (13%)
2	страшный	16 (11%)
3	неадекватный, с психическими отклонениями	10 (7%)
4	неприятный, плохой	8 (5%)
5	безрадостный, непонятный	8 (5%)
6	грубый	3 (2%)
	<i>1.2 Объективация смерти</i>	12 (8%)
1	причина	6 (4%)
2	факт	4 (3%)
3	результат	2 (1%)
	<i>1.3 Объективация внешних особенностей</i>	11 (7%)
1	фрагментированный	5 (3%)
2	изуродованный, разлагающийся	3 (2%)
3	воющий, кричащий	3 (2%)
	<i>2. Прецедентные феномены</i>	57 (38%)
	<i>2.1 Прецедентное имя</i>	31 (21%)
2	название фильма, комикса	22 (15%)
2	воображаемые персонажи	7 (5%)
3	реальные люди	2 (1%)
	<i>2.2 Прецедентное высказывание</i>	6 (4%)
	<i>2.3 Прецедентная ситуация</i>	3 (2%)
	<i>2.4 Временные символы</i>	17 (11%)
1	живые существа	12 (8%)
2	предметы, атрибуты	5 (3%)
	<i>3. Рефрейминг</i>	5 (3%)
	Всего	150 (100%)

Табл. 1. Способы репрезентации фрагмента когнитивного пространства "Хэллоуин".

Источник: составлено автором.

Table 1. Способы репрезентации фрагмента когнитивного пространства "Хэллоуин".

Source: compiled by the author.

McJimsy (malodorous) и т.п. Эти случаи мы также относим к средствам эмоционального воздействия на аудиторию – подготовке зрителей к тому, что повествование в специальном выпуске отличается от традиционного.

В зависимости от того, каким образом и какой фрагмент когнитивного пространства "Хэллоуин" вербализуется (т.е. по способу репрезентации Хэллоуина), считаем возможным выделить три условные группы с различными характеристиками, представленными в таблице ниже.

К первой группе – "Объективации в дефинициях языковых единиц" – мы отнесли прозвищные именованья, которые включают в свою структуру слова, репрезентирующие знания и представления о Хэллоуине в своем значении напрямую. В этих значениях отражаются не только реально воспринимаемые объекты

внеязыковой действительности, но и чувства, эмоции, признаки, отношения и т.п. Изучение дефиниций данных единиц позволяет выявить, какие особенности внешности и внутреннего мира человека воспринимаются отрицательно носителями языка (оцениваются как плохие, неприятные, непонятные и т.д.), вызывают различные негативные эмоции (страх, ужас, отвращение и т.д.), связаны со смертью. Отметим, что характеристики внешнего вида и внутреннего мира не отражают реальных особенностей носителей имен, а являются одним из средств создания атмосферы праздника.

Как видно из Таблицы 1, апелляция к внутренним отрицательным чертам для объективации Хэллоуина является самой многочисленной группой (43% от общего количества проанализированных имён). К наиболее часто вербализуемым мы отнесли следующие характеристики:

- злой, жестокий (13%): **Vicious** Jack Vitti (*vicious – dangerously aggressive; marked by violence or ferocity* [14], опасный и агрессивный, отмеченный жестокостью или свирепостью), **Rabid** Russi Taylor (*rabid – extremely violent* [14], чрезмерно жестокий, разъярённый), а также апеллятивы в составе прозвищных имён *grave, malevolent, depraved, nefarious, mean, ruthless, atrocious, hellacious* и т.д.;

- страшный (11%): **Bloodcurdling** Carlos Baeza (*bloodcurdling – arousing fright or horror* [14], вызывающий страх или ужас), **Creepy** Conan O'Brien (*creepy – making you feel nervous and slightly frightened* [15], заставляющий нервничать и испытывать страх), включая апеллятивы *heart-fright, ghastly, spooky, terror, fearsome* и т.д.

По количеству апелляций в убывающем порядке далее располагаются следующие характеристики:

- неадекватный, с психическими отклонениями (7%): **Yearley Psycho** Smith (*psycho – someone who is mentally ill and who may behave in a violent or strange way* [15], психически нездоровый, может вести себя жестоко и непонятно), **Maniacal** Michael Wolf (*maniacal – behaving as if you are crazy* [15], ведущий себя как сумасшедший), включая апеллятивы *morbid, warped, dysfunctional* и некоторые другие;

- неприятный, плохой (5%): **Awful** Al Jean (*awful – very bad or unpleasant* [15], очень плохой и неприятный), **Wretched** Richard Raynis (*wretched – extremely bad or unpleasant* [15], чрезвычайно плохой и неприятный), включая апеллятивы *objectionable, reproachable, nasty, loathsome* и т.д.;

- безрадостный, непонятный (5%): **Mirthless** Mike Reiss (*mirthless – containing no gaiety or joy* [14], лишенный радости или веселья), **Weird** Josh Weinstein (*weird – very strange and unusual, and difficult to understand or explain* [15], очень странный и необычный, не поддающийся пониманию или объяснению) и т.д.;

- грубый (2%): **Discourteous** David Cohen (*discourteous – lacking courtesy, rude* [14], не обладающий вежливостью, грубый) и т.д.

В подгруппу "Объективации смерти" (12 слов, 8%) мы отнесли прозвища, имеющие в своем составе слово, дефиниция которого прямо указывает на смерть. Анализ определений позволяет выделить следующие векторы ассоциаций, связанных с окончанием жизни:

- причина смерти (4%): **Murderous** Mark McJimsey (*murderous – very dangerous and likely to kill people* [15], очень опасный, склонный к убийству людей), **Bloody** Bradley Bird (*bloody – accompanied by or involving bloodshed; murderous* [14], кровавый, смертоносный), включая апеллятивы *deadly, butcher, gory, bloody*, вербализующие убийство или кровопотерю как причину перехода в мертвое состояние;

- факт смерти (3%): **Macabre** Marcia Wallace (*macabre – very strange and unpleasant and connected with death...* [15], очень странный, неприятный, связанный со смертью...), включая апеллятивы *dearly departed, cadaver, late*;

- смерть как результат (1%): **Johnny Katastrophe** Kogen (*catastrophe – terrible event in which there is a lot of destruction, suffering, or death* [15], ужасное событие, сопровождаемое многочисленными разрушениями, страданиями или смертью), а также апеллятив *carnage*.

Отметим, что в данной подгруппе присутствует имплицитная оценка смерти, которая вскрывается только при изучении дефиниций (в двух других подгруппах

объективаций оценка представлена эксплицитно). Так, эмоциональная оценка обнаруживается в словах *macabre* (негативная оценка и связь со смертью приведена выше, подчеркнута), *catastrophe* (приведено выше, подчеркнута), *dearly departed* ("любовь, привязанность" – *a person you love who has died* [15], а само слово – известный эвфемизм для обозначения умершего человека), *butcher* ("отсутствие сострадания" – *one that kills ruthlessly or brutally* [14]), *gory* ("жестокость" – *clearly describing or showing violence, blood, and killing* [15]). Утилитарная оценка представлена в дефиниции слова *cadaver* и репрезентирует возможность использования трупа для диссекции (*a dead human body, especially one used for study* [15]); темпоральная оценка обнаруживается в слове *late*, употребляемом для обозначения недавно умерших людей (*living comparatively recently, now deceased* [14]).

На объективацию внешних особенностей, воспринимаемых негативно, приходится 7% прозвищных именовании, которые отражают следующие характеристики:

- фрагментированный (3%): **Decapitated** Dan McGrath (*decapitated – beheaded* [14], обезглавленный), а также апеллятивы *brain, headless, mutilating* в составе имён;
- изуродованный, разлагающийся (2%): **Desfigured** Dan McGrath (*disfigured – impaired (as in beauty) by deep and persistent injuries* [14], изуродованный глубокими и незаживающими ранами), а также апеллятивы *decaying, malodorus*;
- воющий, кричащий (2%): **Shrieking** Sherry Gunther (*shrieking – making a very high loud sound, especially because you are afraid, angry...* [15], издающий очень громкий звук, особенно, если испуган, зол...), **Jooooolie** Kavner (количество букв "о" графически отражает вой; количество повторов данной буквы в имени увеличивается от сезона к сезону, что также является одним из средства привлечения внимания аудитории).

Таким образом, характеристики "злой, жестокий" и "страшный" превалируют при объективации в дефинициях языковых единиц, используемых для лингвокреативного преобразования титров спецвыпусков. При выстраивании ассоциативно-вербальной сети, репрезентирующей фрагмент когнитивного пространства "Хэллоуин", создатели сериала обращаются к ожидаемым аудиторией номинациям, отражающим базовые знания и представления о том, что более часто негативно оцениваются страх, злость и жестокость, а также неприятность, неадекватность и непонятность поведения человека.

Вторая группа анализируемых нами явлений представлена антропонимами, в структуру которых включён вербальный или вербализуемый прецедентный феномен (57 единиц – 38% от общего количества). Вслед за рядом учёных мы трактуем прецедентные феномены как значимые в познавательном и эмоциональном отношениях, хорошо известные широкому окружению феномены, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе определённой языковой личности [7, с. 216; 5, с. 82]. Эти единицы – продукт познавательной деятельности представителей лингвокультуры, в котором ярко проявляется национально-культурная специфика языкового сознания. Для выявления составляющих данной группы важно не только обнаружить и вычленив вербальную "концентрацию" культуры в антропониме, но и интерпретировать ее, принимая во внимание различные экстралингвистические факторы.

По замечанию ученых, в сознании хранятся не столько представления о прецедентных феноменах, сколько инварианты существующих и возможных представлений о них, которые могут быть индивидуальными и общими для всех членов лингвокультурного сообщества [5, с. 84]. Эта общность инвариантов восприятия прецедентных феноменов напрямую соотносится с реализацией оппозиции "свой – чужой", которая объединяет представителей своей лингвокультуры и ограничивает их от других. Способность опознать и оценить прецедентный феномен, помещенный в структуру антропонима, говорит о принадлежности реципиента к тому сегменту национально-культурного пространства, который, по замечанию И.В. Приваловой, организован вокруг прецедентного имени (а также ситуации и высказывания) и в который входят сопутствующие ему кванты зна-

ний, объективированные различными языковыми единицами [10, с. 240–241]. Если реципиент находится вне этого сегмента, смысловое и структурное наполнение преобразованных антропонимов оказывается непонятным, вербально-ассоциативная сеть не выстраивается, языковая игра вызывает недоумение, юмористический эффект не достигается.

С позиций реального функционирования в коммуникации выделяются вербальные феномены – прецедентное имя и прецедентное высказывание, через которые актуализируются вербализуемые прецедентные феномены – прецедентный текст и прецедентная ситуация [5, с. 86]. Таким образом, в определенных коммуникативных условиях, прецедентное имя или высказывание может функционировать как символ текста или ситуации.

Принимая во внимание все вышесказанное, считаем возможным разделить все выявленные нами прецедентные феномены на имена, высказывания и ситуации. Отметим, что применительно к нашему материалу, выявленные прецедентные имена и высказывания выступают в роли символов прецедентных текстов, таких как произведения художественной литературы, кинофильмы, компьютерные игры и т.п.:

1. Прецедентные имена (31 единица – 21%). Некоторые прозвищные имена включают в себя аллюзию к продуктам поп-культуры:

- кинофильмам: *The Shaws-Hank Azaria* (имя содержит отсылку к фильму "Побег из Шоушенка"), *Redrum Richard Sakai* ("Redrum" – это слово "murder", написанное наоборот, аллюзия на фильм "Сияние"), *Lou "Boo" Collier* (отсылка к одноименному фильму 1932 г., в котором высмеиваются клише фильмов ужасов), *Denise "666" Sirkot* (аллюзия к различным фильмам ужасов), *Davis H.B. "Mothra" Cohen*, *RoDan Castellaneta* (← *Dan Castellaneta*, отсылки к монстрам из киновселенной с участием Годзиллы) и многие другие;

- комиксам: *Matt "Grave-Robbin" Groening*, *Matt "El Monstro" Groening*, *Anthony "The Finger" Damico* (EC Comics, *The Tales from the Crypt*, 1950 – 1952 гг.), *Rusty "Blade" Smith* (Marvel Comics, 1973 г.) и другие.

В титрах специальных выпусков обнаруживаются и имена воображаемых персонажей:

- имя "доктор Франкенштейн" полностью или частично инкорпорируется в антропоним, что не мешает его вычленению аудиторией и построению необходимых ассоциаций: *Dr.Frankenwelker* (← *Frank Welker*), *Franken Tsumura-Stein* (← *Ken Tsumura*);

- граф Дракула, вампир (*Count Greg Danula* ← *Greg Daniels*);

- образ скелета представлен довольно разнообразно в прецедентных именах: *Matt "Mr Spooky" Groening* (типичный детский костюм на Хэллоуин "белые кости на черном фоне"), *David "Dry Bones" Silverman* (персонаж-скелет компьютерной игры), *Danny Skellingelfman* (отсылка к Джеку Скеллингтону – герою фильма "Кошмар перед Рождеством", внешне похожему на скелет), *Terry Grim Reaper Greene* (образ Мрачного Жнеца – Смерти с косой, облаченной в чёрный балахон с капюшоном).

В ходе исследования были выявлены апелляции к реальной внешности известных людей (подгруппа "Реальные люди"): *Jim Rondo Reardon* (Рондо Хэттон – американский актер, внешность которого была изуродована в зрелом возрасте вследствие акромегалии) и *Red-Wolf Elfman* (← *Danny Elfman*; в имени объединена вербализация рыжих волос Дэнни Элфмана и сравнение его редкого музыкального таланта с исчезающим красным волком).

2. Прецедентные высказывания (6 единиц – 4%). В прозвищном именовании *Greg "It's Alive!" Daniels* реализуется известная цитата "It's Alive!" – восклицание доктора Франкенштейна в момент создания жизнеспособного монстра, и поэтому являющаяся символом прецедентной ситуации, связанной с этим монстром. Цитата "Boo! Boo! Scare Ya" и ее сокращенная форма "Scare Ya" (*Boo! Boo! Scare Ya Hank Azaria*, *Scare Ya' Hank Azaria*) указывают на прецедентную ситуацию пугания детей с определенным набором жестов. В прозвищах *Conan "12:30 NBC" O'Brien*, *Watch Conan O'Brien*, *Sam "Sayonara" Simon* актуализируются прецедентные высказывания, из-

вестные в англоязычном обществе, но вербализующие реальные события, релевантные для профессионального сообщества создателей сериала: уход из сериала "Симпсоны" (все три имени) и создание своего продукта (вечернего шоу на телевизионном канале – "12:30 NBC", "Watch").

3. Прецедентные ситуации (3 единицы – 2%). В прозвищном именовании **Garlic-Fearing Greg Daniels** объективируется апелляция к прецедентной ситуации взаимодействия с нереальными существами (*garlic fearing* – вампиры боятся чеснока). В имени **Jinxed Jennifer Crittenden** содержится апелляция к ситуации неудачи или применения колдовства (*jinxed – often having bad luck, or making people have bad luck* [15]). Интересной для разгадывания представляется ситуация "танцы на могиле" как получение выгоды от ухода другого человека, вербализованная в единице **Gravedancing Greg Daniels**. Для анализа данного прозвищного именовании имеет значение его расположение в титрах – между **Conan "12:30 NBC" O'Brien** и **Depressed David Richardson**. Перед аудиторией разворачивается ситуация: когда человек покидает команду, одни члены этой команды опечалены данным событием (*depressed – very unhappy* [15]), а другие радуются возможной выгоде от ухода, т.е. "танцуют на могиле" (*grave-dancer – one who delights in or benefits from someone else's death or misfortune* [17]). Однако небольшое биографическое изыскание показывает, что Конан О'Брайен и Грег Дэниелс – близкие друзья, а выбор подобной объективации прецедентной ситуации – юмористический прием создателей сериала.

Помимо разновидностей прецедентных феноменов, нами была выделена группа слов, "...известных в повседневной жизни, но обладающих специфическим добавочным значением к своему обычному смыслу, которое подразумевает нечто большее, чем его очевидное и непосредственное значение" [5, с. 87]. Приведенная цитата является определением термина "символ", обычно применяемого к одному прецедентному феномену как знаку другого. В целях исследования считаем возможным расширить понимание этого термина и применить его к группе слов, которые реализуют предсказуемую ассоциативную связь с прецедентными феноменами в контексте Хэллоуина (за его пределами подобная связь будет отсутствовать).

Временными символами праздника являются следующие единицы, репрезентирующие устойчивый образ, связанный с праздником (всего –17, 11%):

- живые существа (12 единиц, 8%): летучая мышь (**Bat Groening**), упырь (**Ghoulie Julie Kavner**), мумия (**Mummified Maggie Roswell**), привидение (**Phantom Phil Roman, Pamela Poltergeist Hayden**), бугимен (**Boogeyman Bill Schultz**), демон (**Demonic Doris Grau**) и некоторые другие;
- предметы, атрибуты (5 единиц, 3%): пила (**Pamela Hacksaw Hayden**), цепи (**Allison Chains Elliott**), мешок для трупа (**Body Bag Boucher** ← **Joseph A. Boucher**), кладбище (**Grave-Yearley Smith** ← **Yearley Smith**) и топор (**Baddaxe Bradley Bird**).

Таким образом, при создании "страшных" имен в структуру собственного имени включаются прецедентные феномены, реализации которых представляют своеобразный срез всего того, что было актуально для аудитории в период выхода спецвыпусков "Симпсонов". Для вербализации фрагмента когнитивного пространства "Хэллоуин" в структуре антропонимов чаще обнаруживаются прецедентные имена, отсылающие аудиторию к различным фильмам и комиксам, которые представляют собой прецедентный текст, т.е. "...законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности" [5, с. 83], хорошо знакомый представителям лингвокультуры. Также частотны вербализации воображаемых и реальных существ как символов различных прецедентных текстов и ситуаций, обращение к которым возобновляется в Хэллоуин.

В третью группу репрезентаций праздника мы отнесли именованья с единицами, апеллирующими к исследуемому фрагменту когнитивного пространства особым способом – через своеобразное нарушение обычного процесса активизации ассоциативно-вербальной сети, т.е. рефрейминг. Рассматривая рефрейминг как проявление лингвокреативной деятельности, О.С. Иссерс отмечает, что он базируется на отрицании базового фрейма и эффекте обманутого ожидания

[6, с. 218]. Типовой сценарий создания титров для спецвыпуска – добавление к антропониму вербализации произвольного фрагмента тех знаний и представлений, которые хранятся в коллективном и индивидуальном сознании носителей языка и соотносятся именно с Хэллоуином. В некоторых случаях этот порядок нарушается и нетипичность образования нового прозвищного именованья служит дополнительным средством привлечения и удержания внимания аудитории: *Matt "Scary Nickname" Groening* ("страшное" имя должно быть, но оно не придумано), *Still Miserly Mike Schoenbrun* (в предыдущем сезоне было создано прозвище *Miserly Mike Schoenbrun*, спустя год вместо нового прозвищного имени, отмечено отсутствие каких-либо изменений), *Sort of Frightening Sam Simon*, *Matt "Mildly Frightening" Groening* (вместо типичной характеристики указывается степень испытываемого страха).

Таким образом, представляется возможным проследить некоторые закономерности при выборе фрагмента когнитивного пространства "Хэллоуин" для репрезентации в титрах. Так, была выявлена и количественно подтверждена тенденция располагать исследуемые объективации перед антропонимом (65% всех прозвищных имен); подбирать необходимую вербализацию, основываясь на аллитерации (63%); выбирать объективацию внутренних качеств (чаще – злости, жестокости (13%), страха (11%)), а также актуализацию через прецедентное имя (название фильма или комикса (15%) и вербализации живых существ (8%)) как наиболее продуктивные способы репрезентации исследуемого когнитивного фрагмента.

Частое использование вербальных символов актуальных прецедентных текстов и объективаций негативной оценки для лингвокреативной репрезентации Хэллоуина свидетельствует об их наиболее прочной и предсказуемой ассоциативной связи с праздником. Их употребление – экономичный и простой способ намекнуть или прямо указать на схожесть реальной и "праздничной" ситуаций, выявить особенности ее восприятия и оценки носителями языка. Прозвищные именованья появляются в ответ на потребность создать атмосферу Хэллоуина и привлечь внимание аудитории своей нестандартностью. Случаи языковой игры, рассматриваемые в данной работе, ситуативны и временны – потребность в них возникает только во время праздника.

В целом изучение преобразования имён собственных в специальных выпусках "Симпсонов" представляется перспективным для наблюдения, выявления и анализа процессов и результатов вербальной креативности носителей языка. Результат этого преобразования – новые именованья, репрезентирующие взаимосвязанные фрагменты общего лингвокогнитивного комплекса, которые проявляются в ассоциативно-вербальной сети отдельных представителей лингвокультуры и воплощаются через игровой код. Продукт данной языковой игры является массовым: он воспринимается, понимается и принимается обширной аудиторией спецвыпуска адекватно и не требует дополнительных объяснений в силу того, что выстраивается на фундаменте, общем для американского сообщества в частности и для англоязычной культуры в целом.

Литература

1. Базилевич В.Б. Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №8. С. 20–22.
2. Вишнякова О.Д., Александрова В.А. Прозвищное наименование как процесс взаимодействия лингвистической семиотики и семиотической концептологии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. 2015. № 24 (221), Выпуск 28. С. 51–60.
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1958. 458 с.
4. Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива – 1: Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С. 5–58.
5. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Издательство Диалог-МГУ, 1997. С. 82–103.
6. Иссерс О.С. Стратегия рефрейминга в аспекте лингвокреативной деятельности // Лингвистика креатива – 1: Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С. 216–229.

7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
8. Коновалова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток: ВГУЭС, 2008. 196 с.
9. Красных В.В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Издательство Диалог-МГУ, 1997. С. 128–144.
10. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). М.: Гнозис, 2005. 472 с.
11. Рут М.Э., Иванова Е.Н. Языковая игра в дискурсе языковой личности XVIII – XIX вв. // Лингвистика креатива – 1: Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С. 78–86.
12. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 360 с.
13. Danneil S. Trick, Treat, Transgress: The Simpsons Treehouse of Horror as a Popular-Culture History of the Digital Age / Marburger Schriften zur Medienforschung 89. Marburg: Schüren, 318 p.
14. Dictionary by Merriam-Webster: сайт. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 27.01.2022).
15. Longman Dictionary of Contemporary English: сайт. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 27.01.2022).
16. Morton L. Trick or Treat: A History of Halloween. London: Reaktion Books, 2012. 229 p.
17. The Free Dictionary: Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus: сайт. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 28.01.2022)..

References

1. Bazilevich V.B. Language game as a form of manifestation of linguistic creativity // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2015. No. 8. P. 20–22. (In Russ.)
2. Vishnyakova O.D., Aleksandrova V.A. Nickname as a Process of Interaction between Linguistic Semiotics and Semiotic Conceptology // Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Humanitarian sciences. – Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology. 2015. No. 24 (221), Issue 28. P. 51–60. (In Russ.)
3. Galperin I.R. Essays on the style of the English language. M.: Publishing house of literature in foreign languages, 1958. 458 p. (In Russ.)
4. Gridina T.A. To the origins of verbal creativity: creative heuristics of children's speech // Linguistics of creativity - 1: Collective monograph. Yekaterinburg: Ural. state ped. university, 2013. P. 5–58. (In Russ.)
5. Zakharenko I.V., Krasnykh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. Precedent Name and Precedent Statement as Symbols of Precedent Phenomena // Language, Consciousness, Communication / Ed. by V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. M.: Publishing House Dialog-MGU, 1997. P. 82–103. (In Russ.)
6. Issers O.S. Reframing strategy in the aspect of linguo-creative activity // Linguistics of creativity - 1: Collective monograph. Yekaterinburg: Ural. state ped. university, 2013. P. 216–229. (In Russ.)
7. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. M.: LKI, 2010. 264 p. (In Russ.)
8. Konovalova Yu.O. Language game in modern Russian colloquial speech. Vladivostok: VGUES, 2008. 196 p. (In Russ.)
9. Krasnykh V.V. Cognitive base vs cultural space in the aspect of studying the linguistic personality (to the question of the Russian concept sphere) // Language, Consciousness, Communication / Ed. by V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. M.: Publishing House Dialog-MSU, 1997. P. 128–144. (In Russ.)
10. Privalova I.V. Interculture and verbal sign (linguo-cognitive foundations of intercultural communication). M.: Gnosis, 2005. 472 p. (In Russ.)
11. Rut M.E., Ivanova E.N. Language game in the discourse of a linguistic personality of the 18th – 19th centuries. // Linguistics of creativity - 1: Collective monograph. Yekaterinburg: Ural. state ped. university, 2013. P. 78–86. (In Russ.)
12. Superanskaya A.V. General theory of proper name. M.: Nauka, 1973. 360 p. (In Russ.)
13. Danneil S. Trick, Treat, Transgress: The Simpsons Treehouse of Horror as a Popular-Culture History of the Digital Age / Marburger Schriften zur Medienforschung 89. Marburg: Schüren, 318 p.
14. Dictionary by Merriam-Webster: website. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 27.01.2022).
15. Longman Dictionary of Contemporary English: website. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed 27.01.2022).
16. Morton L. Trick or Treat: A History of Halloween. London: Reaktion Books, 2012. 229 p.
17. The Free Dictionary: Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus: website. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (accessed 28.01.2022)..

Ольга Владимировна ГАВРИЛЕНКО, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: gavrilenko.ov@dvfu.ru
Olga V. GAVRILENKO, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: gavrilenko.ov@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 02.02.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 23.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 08.09.2022

Идиостиль гастрономического дискурса

Яна Дмитриевна НОВИКОВА

Дальневосточный федеральный университет;
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия, Novikova.Yana@vvsu.ru

Аннотация. В данной статье в рамках гастрономического дискурса, обладающего чертами как институциональности, так и персональности, рассматривается идиостиль шеф-повара, активного участника создания контента в современном медиа-пространстве, посредством исследования его персональных и профессиональных черт. В результате анализа видеоблогов шеф-поваров выявляются уникальные характеристики каждого из них на уровне лексики, синтаксиса и прагматики, что позволяет сделать предположение о влиянии их идиостилей на развитие гастрономического дискурса в целом.

Ключевые слова: дискурс, идиостиль, гастрономический дискурс, институциональный дискурс, речевая креативность

Для цитирования: Новикова Я.Д. Идиостиль гастрономического дискурса // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 98–105. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/98-105>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/98-105>

Individual style in food discourse

Yana D. NOVIKOVA

Far Eastern Federal University;
Vladivostok State University of Economics and Service Vladivostok, Russia, gavrilenko.ov@dvfu.ru

Abstract. This article covers individual style of a chef represented in food discourse. Food discourse is considered to be institutional due to its aim, presence of a sender and recipients of a message and the same business the participants of an action are involved in. The individual features of world-renowned chefs are presented as a fundamental aspect of chef's linguistic identity. The chefs' individual features were analyzed and categorized into three categories: lexical, syntactic and pragmatic. Authors suggest how the media figure's choice of linguistic means can state a particular message which chefs convey via their video blogs.

Keywords: discourse, food discourse, linguistic identity, individual style, institutional discourse, verbal creativity

For citation: Novikova Ya.D. Individual style in food discourse // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 98–105. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/98-105>

Гастрономический дискурс является неотъемлемой частью нашей повседневной жизни – это могут быть рецепты блюд, комментарии по вкусу и качеству готового блюда, обсуждение того, что приготовить на обед. Опираясь на труды ученых, изучающих гастрономический дискурс [А.В. Олянич [3, с. 52], П.П. Буркова [1, с. 10], М.В. Ундрицова [6, с. 551], К.М. Федорова [7, с. 46], Н.П. Головницкая [2, с. 15]], мы выявили, что гастрономический дискурс представляет собой особый вид дискурса, целью которого является глуттоническая коммуникация в разных проявлениях. Каждый человек участвует в глуттонической коммуникации ежедневно: обсуждая еду, определяясь с ужином, желая приятного аппетита. Подобная коммуникация может принимать разную форму: как письменную, а именно в форме кулинарных книг, рецептов, меню, так и устную, которая включает в себя разговоры о еде, её приготовление, отзывы о блюдах, видеоблог. В силу повседневного использования обывателями гастрономический дискурс не теряет своей актуальности.

Форма гастрономического видеоблога набирает популярность в силу своей очевидной наглядности и вовлечения зрителя в процесс готовки. Видео-рецепты может выкладывать в сеть как любитель, так и профессиональный шеф-повар. Последние имеют особое влияние на гастрономический дискурс в целом благодаря

своему авторитету. Статус шеф-поваров меняется прямо сейчас, они становятся активными акторами медийного пространства. Образ шеф-повара меняется в общественном сознании, благодаря ряду факторов, но основным двигателем продвижения гастрономии в наши дни является развитие средств массовой информации, благодаря которым гастрономия вышла на интернациональный, глобальный уровень. Средства массовой информации дают безграничный доступ к новым рецептам, вкусовым сочетаниям, кулинарным тонкостям. И в этом развивающемся мире гастрономии шеф-повара играют важную роль профессионала своего дела, вкусу которых можно доверять и чье мнение точно будут учитывать. Образ шефа стал всё чаще появляться на экранах, но не только в качестве ведущего кулинарных передач, но и как герои документальных и художественных фильмов, про работу повара снимают сериалы, пишут книги, их приглашают на интервью как звездных гостей. Поэтому мы можем утверждать, что шеф-повар становится не просто исполнителем и работником кухни, а деятелем медиа-пространства, блогером, ведущим, писателем книг, лицом своего ресторана, к мнению которого прислушиваются. Именно это подтверждает возрастающее влияние шеф-поваров на гастрономический дискурс, как ведущих специалистов данной области.

Гастрономический дискурс гибриден по своей природе и обладает свойствами как институционального, так и персонального дискурса. К институциональному типу его можно отнести по причине наличия единой цели коммуникантов, а именно научить зрителя готовить, принадлежности участников коммуникации к единой профессиональной группе лиц (действующие шеф-повара), а также по причине наличия фиксированных обстоятельств коммуникации, которая в нашем случае проявлена в формате видео-блога, условия записи которых имеют минимальные отличия, такие как запись видео-материала на профессиональной кухне, домашней кухне или специально оборудованной студии. Институциональный дискурс подразумевает под собой профессиональный специфичный тип общения в кругу представителей единой группы лиц, но не исключает влияния индивидуальных черт представителей профессиональной группы на развитие того самого типа общения. Институциональность не имеет четких границ, разделяющих статусное и личное общение, так как они являются составными компонентами институциональности в целом. Таким образом, мы можем предположить, что индивидуальные черты авторитетных представителей гастрономического дискурса влияют на его развитие [5].

Прежде чем выделить набор индивидуальных черт шеф-поваров, обратимся к понятию идиостиля. Согласно определению Самарской Т.Б. и Поздеевой Т.В., идиостилем является "система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определённого автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения" [4, с. 1]. Мы предполагаем, что идиостиль каждого повара обладает уникальными характеристиками в силу опыта, пережитого каждым из шеф-поваров, и их индивидуальных взглядов на гастрономию. Личностные речевые особенности поваров влияют на представление зрителей о кулинарии в целом, задавая новые тенденции и придавая форму уже существующему виду дискурса, что является проявлением речевой креативности шеф-повара.

Материалом для анализа послужили видеоролики девяти шеф-поваров из трех стран: России (Константин Ивлев, Василий Емельяненко, Александр Белькович), Великобритании (Гордон Рамзи, Джейми Оливер, Хестон Блюменталь) и Испании (Джорди Круз, Альберто Чикоте, Пако Ронсеро). Все видеоролики находятся в свободном доступе на платформе YouTube. Выбор данных кандидатур обусловлен их соответствием ряду критериев:

- 1) профессиональная деятельность в качестве шеф-повара;
- 2) размещение популярных рецептов на платформе YouTube. Популярность определяется общим количеством просмотров на канале и количеством подписчиков, минимальное количество которых варьируется в зависимости от страны: Россия – 186000 подписчиков, 6000000 просмотров, Великобритания – 221000

подписчиков, 6600000 просмотров, Испания – 7160 подписчиков, 447000 просмотров;

3) популярность вне платформы YouTube (наличие собственных телепередач, кулинарных книг, проведение мастер-классов).

Общее количество отобранного материала составляет 5 часов 5 минут 34 секунды, в среднем на каждую страну приходится примерно 1 час 40 минут, что на каждого повара составляет от 30 до 40 минут хронометража.

В результате сравнительно-сопоставительного анализа видео-рецептов выбранных повара выявлены индивидуальные черты каждого из них. Их речевая креативность наиболее отчетливо проявляется в следующих категориях: лексика, синтаксис и прагматика.

Лексические особенности идиостиля повара составляют самую объёмную по количеству уникальных черт категорию. Данная категория позволяет понять, как повар относится к еде и к своей работе в целом. К лексическим особенностям мы можем отнести следующие:

1) Предпочтения в выборе языковых средств. Так, Гордон Рамзи часто прибегает к слову "beautiful", с помощью которого подчёркивает важность внешнего вида блюда, а также к наречиям "gently", "carefully" и "slowly" (14 случаев употребления), подчёркивающих его бережное отношение к еде;

2) Гордон Рамзи также часто прибегает к комментированию процесса, продукта или блюда посредством парного описания, которое обязательно начинается со слов "nice and...", при этом "nice" используется скорее в качестве интенсификатора значения следующего за ним прилагательного или наречия: "nice and thinly", "nice and carefully", "nice and gently", "nice and tight", "nice and tightly", "nice and firmly", "nice and crispy", etc. (15 случаев употребления);

3) Джейми Оливер отличается частым использованием редупликации (20 случаев употребления). Причиной такого частого использования может быть стремление обратить внимание на какой-то момент во время приготовления или на описание блюда, добавив ему экспрессии.

*Almost like a revolution of a very-very simple salad. / The Maris Piper is an **incredible-incredible** potato, fluffy and starchy. / And a crispy outside, OK, **really-really** important [Джейми Оливер].*

4) Другой характерной чертой Джейми Оливера является частое использование превосходной степени для описания блюд (24 случая употребления). Используя превосходную степень в описании блюда, повар тем самым пытается заинтересовать зрителя, обещая ему самый лучший и самый вкусный результат.

*The most beautiful slow-cooked meat dish. / The most **incredible** potato salad. / The chicken egg is **the most delicious** and cheap form of brilliant protein on the planet, fact [Джейми Оливер].*

5) Индивидуальной и уникальной особенностью Хестона Блюменталь является использование иронии:

***Sophisticated system of measurement** [имеется в виду измерение на глаз, приблизительно] and the same of mayonnaise and mustard. / Also for me, what makes these the ultimate burger is my **special burger sauce** [совершенно обычные кетчуп и горчица]. / This sauce is **really complicated** [напротив, требуется просто открыть готовый соус] to make, it requires opening a bottle of tomato ketchup some mayonnaise and some French's hot dog mustard [Хестон Блюменталь].*

Ирония контрастирует с научным стилем повествования, и таким образом Хестону Блюменталю удается создавать комический эффект, что, несомненно, привлекает и удерживает внимание аудитории.

6) Василий Емельяненко использует просторечные разговорные выражения, которые соседствуют с устаревшей лексикой, цитатами поэтов, нарочитой вежливостью. Такое сочетание делает его речь незаурядной, запоминающейся разными категориям аудитории, что для Василия Емельяненко означает привлечение внимания большего числа зрителей к своим рецептам и кулинарии в целом. Помимо этого, сочетание высокой и низкой лексики способствует созданию юмора,

поскольку обе лексические группы, неформальная и книжная лексика, являются стилистически-отмеченными, и их соположение приводит к созданию комического эффекта.

Да ё-моё, как же повернуть его так, чтобы вам было видно! / Да распнут меня, классический рецепт советской кухни. / Вот так. Последний кусочек вот сюда, ну ничего страшного, что немножко неровно, тут друг на дружку заходит, все. Оп, пошкой прикрыли центр. Ништяк? / Ну-ка, а не отведают ли мне кусочек? Господин повар. / Да фиг его знает. Ну давайте что из того что было. / Так, я с вашего позволения, чуток перца, потому что я большой любитель перца в котлетах [Василий Емельяненко].

Кроме того, с помощью неформальной лексики (28 случаев употребления) Василий Емельяненко сокращает дистанцию между собой и аудиторией и создает более доверительный стиль общения, как, например, в следующих примерах:

Значит картофан режу в принципе произвольно. / Чисто овощная тема [Василий Емельяненко].

7) Александр Белькович часто обращает внимание на ароматическую составляющую блюда, используя такие слова как "ароматный", "ароматика" (12 случаев употребления), чего не было замечено у других поваров. Для него характерно восприятие блюда в целом: важен зрительный образ, аромат, текстура, он подключает все органы чувств для приготовления блюда и делает на этом акцент.

Видите, у нас жареный, ароматный, вкусный картофель, в меру солёный, хрустящий, с хорошим цветом. / Смотрите, у нас получается запечённый, вот такой мягкий, очень ароматный, вкусный, сочный картофель. Я понимаю, что при таком способе весь сок картофеля остался внутри, и это говорит о том, что он вкусный, ароматный и по-настоящему красивый. / Ароматное, любимое мной семечковое масло, кстати, чем оно нефилтрованное, тем оно круче, потому что у нее есть такая невероятная ароматика, которой нет ни в одной стране мира, а у нас она есть [Александр Белькович].

8) Помимо этого Александр Белькович отличается использованием уменьшительно-ласкательных форм слов (26 случаев употребления). Данная черта подчеркивает его бережное, даже нежное отношение к еде и к процессу её приготовления, что вызывает доверие у зрителей.

Как делается шкурка шампиньона, я уже показывал, но покажу ещё раз, мы вставляем ножичек вот сюда вот с краюшку и просто вот так вот отрываем шкурку. Тогда грибочки можно совсем не мыть, а просто почистить, и они будут чистенькие и аккуратненькие. / Получились вот такие вот замечательные слайсики. / Дальше, есть репчатый лук, нарезаем его соломочкой [Александр Белькович].

9) Особенная черта повествования Константина Ивлева заключается в его использовании иноязычной лексики. Хоть повар и знает иностранные языки, но порой использует иностранные слова с долей юмора, произнося их утрированно с русским акцентом или же наоборот на иностранный манер, будто пародируя язык.

Это одно из самых удивительных и вкусных сочетаний – tuna и авокадо. / Мы её вот так вот нарезаем, вот сюда, сыр parmigiano [произносит на итальянский манер], его должно быть много, его не может быть мало в цезаре в моем. / Берём тунец, который я нарезал, добавляем в него последнее оливковое масло, добавляем сюда salt, давай "петтёр", перемешиваем, туда выкладываем, сюда выкладываем [Константин Ивлев].

10) Уникальной характеристикой идиостиля Константина Ивлева также является наличие резких, порой нецензурных, выражений и негативных оценочных суждений. Мы предполагаем, что эта черта характеризует данного повара как специалиста, знающего себе цену, и подобными высказываниями он намеренно демонстрирует, насколько непростой и порой жесткой может быть работа на кухне. Однако мы не исключаем использования им стратегии намеренной или показной агрессии для сохранения своего медийного образа, выстроенного на телевидении, где он представляется грубым и резким в своих оценках профессионалом:

*Берём майонез. Только не надо щас, б*ять, слюни там лить о том, что "я сам майонез делаю, я люблю, зачем вы используете эту химию". Я показываю быстрый вариант. / Я никогда не добавляю помидоры в цезарь. А зачем? Настоящий рецепт, в нём никогда не шло, это, я не знаю, это русский-народный какой-то этот приколы. / Конечно, б*ять,*

*все знатоки русской кухни щас будут орать, визжать, б*ять, с пеной изо рта, "это не кулебяка". F*ck off вам всем! Ещё раз повторяю: это пирог. Но также его можно называть и кулебякой [Константин Ивлев].*

Через синтаксические особенности речи шеф-поваров реализуется демонстрация их вовлечённости в раб оту и в диалог со зрителем. Синтаксические особенности выражаются характерным для повара построением высказывания. К синтаксическим особенностям относятся:

1) Цепочки эпитетов, применяемые Джейми Оливером для более красочного и разностороннего описания блюда. Подобные конструкции представляют собой многоаспектную характеристику блюда, которая включает в себя описания текстуры, внешнего вида, аромата и вкуса блюда;

Crispy, fluffy, perfect, tangy, little, gorgeous roast potatoes... / Good flavour, clean, crunchy, soft, so really-really nice. / So English eggs – done. Soft, gorgeous, delicate [Джейми Оливер].

2) Частое употребление Гордоном Рамзи эллипса и предлога "in" (18 случаев употребления), означающего перемещение продукта в основную кастрюлю или сковороду сразу после того, как продукт назван. При этом предлог может использоваться как отдельно, так и сразу после упоминания продукта. Таким образом, Гордон Рамзи часто перечисляет все ингредиенты, которые добавляет в блюдо. Данная эллиптическая конструкция подчеркивает быстроту и отточенность действий, и с её помощью Гордон Рамзи демонстрирует, что вовлечен в процесс и сконцентрирован на работе:

Chili flakes. Chili flakes in. Next Szechuan pepper. Citrusy vibrant peppercorns, incredible, in. Next star anis, that gives it a really nice sort of aniseed flavor, almost like you're roasting the ribs in fennel. In [Гордон Рамзи].

3) Вопросно-ответная форма повествования Альберто Чикоте представляет собой имитацию диалога с целью вовлечения аудитории в процесс приготовления. Подобная черта привлекает зрителя, так как задаёт более непринужденный тон и определенный стандарт ведения видео-блога.

¿Pero qué pasa? Que le damos el sabor del limón y al final la alcachofa nos termina sabiendo ácida que no es lo que buscamos. ¿Como hacerlo? Algo tan sencillo como poner en el agua un par de ramas de perejil. ¿Que voy a hacer? Pongo el ajo aquí, pongo las nueces, un poco de sal, un poco de hojas de perejil [Альберто Чикоте].

Следующей категорией, в которой наиболее ярко проявляется идиостиль шеф-повара, являются **прагматические особенности**, которые отражают интенции и стремления говорящих. Понятие идиостиля неотделимо от его прагматического, мотивационно-побудительного проявления, которое и является выражением личных позиций поваров, их индивидуальных особенностей, влияющих на восприятие образа шеф-повара в целом. Подобные интенции могут реализовываться через проявления на лексическом и синтаксическом уровне, как описано нами выше, а могут и не иметь характерных речевых маркеров. К последним можно отнести следующее:

1) Для Константина Ивлева характерна повышенная степень эгоцентричности. В связи с чем он описывает себя исключительно с преувеличенно положительной стороны. Подобная тактика может быть использована поваром для поддержания медийного образа "повара всея Руси", который транслируется по телевидению. Поддержание этого образа может объясняться стремлением повара переманить аудиторию, которая уже следила за ним по телевидению, на его новую платформу, его личный YouTube канал, который стал значительным подспорьем для шефа во время пандемии, когда съемок на телевидении стало значительно меньше, и своя собственная медиа-платформа могла принести большую прибыль. Помимо этого, поддерживая свой медийный образ, повар остается узнаваемым, популярным, и, следовательно, завоевывает ещё большую аудиторию.

*И потом благодарите, благодарите, благодарите меня, за то, что я научил вас готовить самую вкусную и о*уенную заправку-цезарь. / Соответственно я многонационален и многовкусен. / Это я, ваш любимый шеф, Константин Ивлев. Иногда меня называют Терпеливый Мастер, иногда меня называют Великим, но я просто человек. Я просто человек, который умеет готовить, и я хочу передать маленькую частичку*

своих знаний вам, моим любимым подписчикам, кто мне ставит лайк, ну и само собой рекомендует своим друзьям [Константин Ивлев].

2) Дружеская манера общения Василия Емельяненко демонстрирует стремление повара сократить дистанцию со зрителем, чтобы донести идею доступности хорошей кухни для каждого, вне зависимости от навыков или бюджета. Чтобы привлечь зрителя к кулинарии повар использует простую разговорную лексику и показатели доступности ингредиентов;

Гренок не жалейте, не забываем всё это посыпать зелёным лучком. Лето же на дворе, лето. Зеленушку обязательно используйте. / Значит, тоже довольно дешёвый продукт, который могут себе позволить практически все, за одним маленьким исключением. / Грибы крупно режем, крупно, никто в нашем мире не хочет париться, поэтому давайте мы не будем париться. Мельчить грибы – такая заморочка, так, порубил их слегка [Василий Емельяненко].

3) Особенностью Хестона Блюменталья являются объяснения кулинарии с научной точки зрения. Повар объясняет процессы, происходящие во время готовки с точки зрения науки, что демонстрирует другой подход к приготовлению блюд, развеивает кулинарные мифы и мотивирует зрителя разбираться не только как хорошо готовить, но и почему именно так;

The main difference between this hollandaise and the classic one is in the classic hollandaise you just pour melted butter, but here I've made beurre noisette which is basically take butter put it in a pan, put on medium heat, start to sizzle and bubble, when that sizzling dies down, all the waters being driven off and as that happens some of the proteins and solids in the butter just start to brown, you didn't strain those off and you end up with a really delicious sort of hazelnut flavored butter. / The most important part of all is that poached thing it's incredibly important to use a fresh egg. Just gonna pop this onto this slotted spoon. The reason for that is as the egg gets older over time the proteins start to break down, as they break down, the egg white then becomes less thick, becomes more runny, and you can't make a poached egg with the runny egg white, because when you put in water it's gonna go everywhere [Хестон Блюменталь].

4) В видеоблогах Джейми Оливера очевидно стремление пропагандировать вегетарианские блюда и демонстрировать, что это несложно и вкусно. Мы предполагаем, что этому может быть две причины: первая заключается в его искреннем желании распространять идеи вегетарианской кухни, вторая же – в стремлении увеличить продажи своей последней кулинарной книги, посвящённой вегетарианским блюдам;

So I probably eat vegetarian 2 or 3 times a week. I really enjoy it. I think to be a fully rounded cook it's really good to not rely on meat, to, kind of, get away with big flavour. I find it a really positive thing for my cooking, it's a really positive thing for your health. / I think it's a brilliant time now to embrace more veggie dishes, whether you're veggie, vegan or you're just trying to reduce the amount of meat dishes you have in a week, this is a brilliant, brilliant thing! And if it's delicious, it's delicious. You know, veggie food should never be a compromise [Джейми Оливер].

5) Гордон Рамзи всячески подчеркивает универсальность своих рецептов. Он объясняет, без каких ингредиентов можно обойтись, а какие заменить, чтобы данный рецепт можно было применять шире, тем самым делая даже сложные рецепты доступнее, предлагая альтернативу продуктам или методам приготовления;

- So when you pickle the foods, can you use that same recipe? – Exactly that. One hundred percent. / What's great about this recipe is that you can use any type of sausage to get the flavour and the heat you want. / This is really good mix for fish as well, courageous, bite-in, a nice spicy texture helps fish [Гордон Рамзи].

6) Пако Ронсеро, в свою очередь, продвигает идею безотходной гастрономии, в связи с чем транслирует идею бережного отношения к продуктам. К примеру, он сохраняет желтки яиц, которые не пригодятся в приготовлении, для другого блюда или предлагает использовать остатки рыбы для бульона на будущее.

Dos claras de huevo, las yemas las reservamos para otra cosita, ¿vale? / Siempre le decimos al pescadero que nos saque los lomos y las espinas normalmente se suelen quedar. Pues no, nos las vamos a llevar a casa. Y con ellas vamos a hacer un caldito fantástico de aprovechamiento, al que además le vamos a dar unos toques diferentes [Пако Ронсеро].

Во всех представленных выше примерах шеф-повара делятся со зрителем свои взглядами на кулинарию, транслируют свое отношение к приготовлению пищи. В силу их социального статуса к их идеям прислушиваются, их манеру и речевое поведение могут перенимать другие повара и фуд-блогеры, а вместе с этим могут перенимать и определенные черты их идиостиля.

Рассматриваемый нами тип является проводником гастрономических идеологий, которые повара транслируют различными средствами, реализуемыми на лексическом, синтаксическом и прагматическом уровнях. Его гибридная природа – сочетание институциональности и персональности – позволяет ярко проявляться уникальному идиостилю шеф-повара. Идиостиль каждого из повара уникален и наиболее ярко проявляется в лексических, синтаксических и прагматических особенностях, через которые каждый шеф-повар реализует свои представления о том, что есть "хорошо" или "плохо" в мире гастрономии, транслирует свою гастрономическую идеологию. Всё это в совокупности формирует гастрономический дискурс настоящего и определяет возможный вектор речевого поведения шеф-поваров в онлайн-пространстве будущего.

Литература

1. Буркова П. П. Кулинарный рецепт как особый тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 29 с.
2. Головницкая Н. П. Лингвокультурные концепты "пища" и "das Essen" в сопоставительном освещении (семантика русских и немецких глуттонических номинаций) // Известия ВГГУ. 2007. № 2 (20). С. 14–18.
3. Олянич А. В. Потребности – дискурс – коммуникация. Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2014. 216 с.
4. Самарская Т.Б., Поздеева Т.В. Языковые средства создания идиостиля // Научный журнал КубГАУ. 2016. №116(02). С. 1–10.
5. Солнышкина М.И., Кузьмина О.Д. Дискурс, как текст, погруженный в ситуацию общения // Сборник трудов международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора З.З. Гатиатуллиной "Сопоставительная филология и межкультурная коммуникация на современном этапе". Казань: Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2009. С. 340–343.
6. Ундрицова М.В. Гастрономический дискурс: лингвокультурологические и переводческие аспекты // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы III международной научной конференции. М.: Изд. Высшая школа перевода МГУ, 2012. С. 551–557.
7. Федорова К. М., Руфов Е. С. Глуттонический дискурс как объект лингвистического исследования // Наука, образование и культура. 2016. № 9 (12). С. 45–48.

References

1. Burkova P.P. Culinary recipe as a special type of text: abstract of diss. ... Cand. Philol. Sciences. Stavropol, 2004. 29 p. (In Russ.).
2. Golovnikskaya N.P. Linguistic and cultural concepts "food" and "das Essen" in comparative coverage (semantics of Russian and German glutonic nominations) // Izvestiya of VSPU. 2007. No. 2 (20). P. 14–18. (In Russ.).
3. Olyanich A. V. Needs – discourse – communication. Volgograd: Volgograd State Agrarian University, 2014. 216 p. (In Russ.).
4. Samarskaya T.B., Pozdeeva T.V. Language means of creating an idiostyle // Scientific journal of KubSAU. 2016. No. 116(02). P. 1-10. (In Russ.).
5. Solnyshkina M.I., Kuzmina O.D. Discourse as a text immersed in the situation of communication // Proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor Z.Z. Gatiatullina "Comparative Philology and Intercultural Communication at the Present Stage". Kazan: Tatar State Humanitarian and Pedagogical University, 2009, P. 340–343. (In Russ.).
6. Undritsova M.V. Gastronomic discourse: linguoculturological and translational aspects // Russian language and culture in the mirror of translation. Materials of III international scientific conference. M.: Ed. Higher School of Translation, Moscow State University, 2012, P. 551–557. (In Russ.).
7. Fedorova K. M., Rufov E. S. Gluttonic discourse as an object of linguistic research // Science, education and culture. 2016. No. 9 (12). P. 45–48. (In Russ.).

Яна Дмитриевна НОВИКОВА, аспирант Дальневосточного федерального университета; ассистент кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток, Россия, e-mail: Novikova.Yana@vvsu.ru

Yana D. NOVIKOVA, Postgraduate Student, Far Eastern Federal University; Assistant, Department of Cross-cultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: Novikova.Yana@vvsu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 03.02.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 30.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2022

Научная статья
УДК 327
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/106-116>

О текущем состоянии и потенциале сотрудничества между регионами Вьетнама и Российского Дальнего Востока

ЧИНЬ Куок Винь

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, chin.kv@dvfu.ru

НГУЕН Хоанг Вьет

бывший генеральный консул СРВ во Владивостоке, Владивосток, Россия, vietnh@mofa.gov.vn

НГУЕН Хонг Тхань

консул по торгово-экономическим вопросам Генерального консульства СРВ во Владивостоке, Владивосток, Россия, thanhnho@moit.gov.vn

Иван Иванович ПИСАРЕВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, pinou@mail.ru

Аннотация. Реализуя политику "Поворота на Восток", Российская Федерация содействует социально-экономическому развитию и укреплению экономического, инвестиционного и торгового сотрудничества со странами АТР на Российском Дальнем Востоке. Говоря об этом, президент Российской Федерации В.В. Путин провозгласил развитие Дальнего Востока национальным приоритетом на весь XXI век, фокусируя внимание на том, что регион должен стать центром экономической деятельности России, международного сотрудничества, привлечения природных, человеческих ресурсов и инвестиций. Политика поощрения инвестиций на Дальнем Востоке открыла перед странами Восточной Азии, в том числе перед Вьетнамом, значительное количество благоприятных условий и возможностей для укрепления экономического, торгового и инвестиционного сотрудничества. В целом регионы Вьетнама и Дальнего Востока имеют большой потенциал сотрудничества для достижения содержательных, эффективных и взаимовыгодных целей развития. Сотрудничество между регионами Вьетнама и Дальнего Востока будет активно способствовать укреплению традиционной дружбы и всестороннего стратегического партнёрства между Вьетнамом и Российской Федерацией.

Ключевые слова: сотрудничество регионов Вьетнама и Российского Дальнего Востока, межрегиональное сотрудничество, российско-вьетнамские отношения

Для цитирования: Чинь Куок Винь, Нгуен Хоанг Вьет, Нгуен Хонг Тхань, Писарев И.И. О текущем состоянии и потенциале сотрудничества между регионами Вьетнама и Российского Дальнего Востока // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 106–116. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/106-116>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/106-116>

On the Current State and on the Potential of Cooperation Between the Regions of Vietnam and the Russian Far East

TRINH Quoc Vinh

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, chin.kv@dvfu.ru

NGUYEN Hoang Viet

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vietnh@mofa.gov.vn

NGUYEN Hong Thanh

Consul for Trade and Economic Affairs at the Consulate General of Vietnam in Vladivostok, Vladivostok, Russia, thanhnho@moit.gov.vn

Ivan I. PISAREV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, pinou@mail.ru

Abstract. As Russian Federation pursues its Pivot to the Asia Policy, it encourages socio-economic development and fostering economic, investment, and trade cooperation with the Asia Pacific countries at the Russian Far East. Russian President Vladimir Putin has proclaimed the development of the Russian Far East at Russia's national priority for the entire XXI century focusing this part of the country on becoming the center economy and international cooperation, which would attract natural and human resources along with the investments. The investment encouragement policy at the Russian Far East creates favorable conditions for the East Asia nations among others including Vietnam to foster economic, trade, and investment cooperation. Regions of both Vietnam and the Russian Far East have a significant cooperation potential, which can help them attain meaningful, effective, and mutually beneficial development goals. Cooperation between the regions of Vietnam and the Russian Far East will encourage

© Чинь Куок Винь, Нгуен Хоанг Вьет, Нгуен Хонг Тхань, Писарев И.И., 2022

strengthening of a traditional friendship and comprehensive strategic partnership between Vietnam and the Russian Federation.

Keywords: cooperation between the regions of Vietnam and the Russian Far East, interregional cooperation, Russian-Vietnamese relations

For citation: Trinh Quoc Vinh, Nguyen Hoang Viet, Nguyen Hong Thanh, Pisarev I.I. On the Current State and on the Potential of Cooperation Between the Regions of Vietnam and the Russian Far East // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 106–116. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/106-116>

1. Социально-экономическое положение Российского Дальнего Востока

В 2013 году Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил развитие Российского Дальнего Востока (РДВ) национальным приоритетом на весь XXI век [9]. Для этого государственная политика РФ должна фокусироваться на создании глобально конкурентоспособных условий для привлечения инвестиций и ведения бизнеса на РДВ. В результате регион получит частные инвестиции, необходимые для его опережающего экономического развития.

Для реализации вышеуказанного приоритета разработаны и запущены следующие инновационные механизмы:

- территории опережающего развития (ТОРы);
- Свободный порт Владивосток (СПВ);
- инфраструктурная поддержка инвестиционных проектов;
- бесплатное предоставление земельных участков (программа "Дальневосточный гектар");
- снижение тарифов на электроэнергию;
- доступ к природным ресурсам в обмен на инвестиции [3].

В дополнение к этим мерам действует системная правовая база, обеспечивающая долгосрочные благоприятные условия для инвестиций и ведения бизнеса на РДВ, в том числе 48 новых Федеральных законов и более 230 нормативно-правовых актов Правительства РФ [5].

Помимо богатых природных ресурсов с крупнейшими в мире запасами, выгодного географического положения (РДВ граничит с АТР) и наличия важного естественного транспортного коридора между Азией и Европой, РДВ также обладает и другими конкурентными преимуществами.

Потенциал РДВ значителен и не только способствует развитию самого региона, но и вносит вклад в устойчивый экономический рост РФ в целом.

2. Отношения между регионами Вьетнама и Российского Дальнего Востока

5–8 сентября 2018 г. прошел официальный визит в РФ Генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама Нгуен Фу Чонга. В совместном заявлении об укреплении всестороннего стратегического партнерства между Вьетнамом и Россией по итогам визита было подчеркнуто следующее: "В.В. Путин и Нгуен Фу Чонг высоко оценили потенциал прямых связей между субъектами Российской Федерации и городами и провинциями Социалистической Республики Вьетнам, а также перспективы налаживания инвестиционного сотрудничества в регионах Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в различных сферах, включая сельское хозяйство, легкую промышленность, туризм" [11].

30 ноября 2021 года с официальным визитом в Россию посетил Президент Социалистической Республики Вьетнам Нгуен Суан Фук. В совместном заявлении о видении развития отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам по итогам официального визита Президента СВР в РФ подчеркнуто: "Поощрение активизации прямых связей между субъектами Российской Федерации и городами и провинциями Социалистической Республики Вьетнам, включая инвестиционное сотрудничество Вьетнама и регионов Сибири и Дальнего Востока России" [10].

Всестороннее стратегическое партнерство между Вьетнамом и Россией все больше укрепляется и развивается на основе принципа взаимного доверия и взаимной выгоды. Развитие отношений сотрудничества между регионами Вьетнама

и РДВ отвечает интересам двух народов в соответствии с долгосрочной стратегией развития каждой страны с точки зрения как экономики, так и внешней политики. Географическая близость, удобство судоходства по морю, множество сфер, в которых возможно сотрудничество, также являются очень важными факторами для укрепления экономических, торговых и инвестиционных отношений между регионами Вьетнама и РДВ.

Политика российского правительства в отношении РДВ открывает много возможностей для экономического, торгового и инвестиционного сотрудничества между регионами Вьетнама и РДВ. Российские власти регулярно предоставляют информацию об экономическом потенциале и льготной политике по привлечению инвестиций в этот регион. Вьетнамские регионы все больше интересуются РДВ и налаживают с ним сотрудничество, особенно в сферах сельского хозяйства, легкой промышленности, торговли, туризма и трудовых ресурсов.

Ниже перечислим важные вехи в истории межрегионального сотрудничества между регионами Вьетнама и РДВ.

21 мая 2009 года в г. Хошимин постоянный заместитель председателя Народного комитета Хошимина Нгуен Тхань Тай и первый заместитель главы администрации г. Владивостока А.Н. Сухов подписали *Меморандум об установлении побратимских отношений и укрепления дружбы и сотрудничества между городами Владивосток, РФ и Хошимин, СРВ*. Лидеры Народного комитета Хошимина также провели встречи с руководителями администрации города Владивостока, чтобы обсудить пути укрепления дружественных отношений и сотрудничества между Вьетнамом и Россией в целом, а также между городами Хошимин и Владивосток, в частности в таких областях, как торговля, туризм и т.д.

19 декабря 2012 года в Приморье председатель Народного комитета вьетнамской провинции Кханьхоа Нгуен Тхиен Тханг и губернатор Приморского края Владимир Миклушевский подписали *Протокол о намерениях по развитию сотрудничества между Администрацией Приморского края Российской Федерации и Народным комитетом провинции Кханьхоа Социалистической Республики Вьетнам*, основным содержанием которого является туризм, переработка и экспорт морепродуктов.

5 сентября 2017 года в Приморье губернатор Приморского края Владимир Миклушевский и постоянный заместитель председателя Народного совета города Хайфон Нгуен Динь Бик подписали *Меморандум о взаимопонимании в присутствии представителей двух населенных пунктов*. В этом же году высокопоставленная вьетнамская делегация приняла участие в III Восточном экономическом форуме.

В декабре 2018 года делегация Народного комитета провинции Куангнам во главе с вице-президентом провинции г-ном Ле Чи Тхань посетила Приморский край, изучая возможности сотрудничества в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства и презентуя инвестиционные проекты данной провинции.

Несмотря на то, что вышеперечисленные регионы Вьетнама и добились определенных результатов в укреплении отношений торгово-экономического сотрудничества с РДВ, результаты межрегионального сотрудничества между регионами Вьетнама и РДВ остаются пока весьма скромными и оказываются несоизмеримыми уровню стратегического партнерства СРВ и РФ.

3. Потенциал сотрудничества в сферах экономики, инвестиций и торговли между регионами Вьетнама и российским Дальним Востоком

3.1. Экспорт и импорт. РДВ – географически очень крупный, но малонаселенный, с неравномерным распределением населения регион, многие населенные пункты которого находятся на расстоянии более 4–5 тыс. км от портов Владивостока и Находки, из-за чего покупательная способность ввозимых из Вьетнама товаров на его территории невысока. Можно утверждать, что рынок РДВ в настоящее время является мало емким рынком по отношению как к рынку РФ в частности, так и к рынкам АТР в целом. По статистике Дальневосточной таможни, на этот рынок ежегодно ввозится товаров на сумму около 7,5–8,5 млрд долл. США. В

Год	Экспорт Вьетнама		Импорт Вьетнама		Общий оборот	
	Объем	Увеличение/ уменьшение (%)	Объем	Увеличение/ уменьшение (%)	Объем	Увеличение/ уменьшение (%)
2017	34,5	21,9	65,7	7,1	100,2	11,8
2018	39,3	13,9	104,0	58,3	143,4	43,0
2019	43,6	10,9	179,2	72,3	222,8	55,4
2020	49,4	13,3	156,7	-12,6	206,1	-7,5
2021	63,7	28,9	88,7	-43,4	152,4	-26,1

Табл. 1. Внешнеторговые отношения Вьетнама и РФ, осуществляемые через порты РДВ за пятилетний период (2017–2021 гг.), млн долл. США.

Источник: составлено по данным Торгового представительства СРВ на РДВ.

Table 1. Внешнеторговые отношения Вьетнама и РФ, осуществляемые через порты РДВ за пятилетний период (2017–2021 гг.), млн долл. США.

Source: compiled according to the data of the Trade Representation of the Socialist Republic of Vietnam on the Russian Far East.

настоящее время товары, ввозимые из Вьетнама, составляют менее 1% емкости рынка РДВ (по данным Торгового представительства СРВ на РДВ).

После почти 5 лет реализации *Соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и Евразийским экономическим союзом* импортно-экспортный оборот между Вьетнамом и РДВ впечатляюще вырос с почти 90 млн в 2016 г. до 222 млн долл. США в 2019 году (по данным Торгового представительства СРВ на РДВ). В 2020–21 годах на экономику всего мира негативное влияние оказала пандемия COVID-19, не стали здесь исключением и российско-вьетнамские торговые отношения. Во Вьетнаме многие регионы долгое время находились в изоляции, в связи с чем потребность в импортном сырье и топливе из России для производства значительно снизилась, что привело к обрушению российского импорта во Вьетнам, который в этом году упал до 88 млн долл. США (примерно на 43% по сравнению с 2020 годом). Более подробно ситуацию по экспорту и импорту между странами рассмотрим в таблице 1.

Вместе с тем, по данным Торгового представительства, с начала 2021 года объем вьетнамских товаров, экспортируемых в Россию через порты РДВ, показал противоположный характер развития, продемонстрировав признаки резкого увеличения. В предыдущие годы средний объем вьетнамских товаров, экспортируемых в Россию через порты РДВ, составлял около 4–6 тыс. т./мес. В 2021 году объем вьетнамских товаров, проходящих через порты РДВ, составляет порядка 11–13 тыс. т./мес. Основными портами для экспорта вьетнамских товаров в Россию стали порты Владивосток, Находка и Восточный, поскольку они выполняют функции перевалочных портов для товаров из Вьетнама, которые отправляются морем через РДВ, а затем по железной дороге – в направлении западных регионов России. В условиях роста стоимости международных перевозок этот маршрут играет важную роль в обеспечении стабильности цепочки поставок вьетнамских товаров в Россию и наоборот.

Сохранение такого уровня импортно-экспортного оборота является признаком того, что торговые отношения между двумя сторонами постепенно становятся все более выгодными. Для вьетнамского делового сообщества РДВ в последнее время становится намного ближе, чем раньше. Хотя Вьетнам и имеет торговый дефицит с РДВ, эта разница в торговом балансе выгодна обеим сторонам. Видно, что структура торговли продуктами между Вьетнамом и РДВ является взаимодополняющей, а не ведущей к прямой конкуренции, что значительно снижает традиционные неблагоприятные последствия открытия рынков друг для друга посредством сотрудничества через ЗСТ.

№	Группа товаров	2019	2020	Увеличение/ уменьшение	Доля рынка
1	Пищевая и сельскохозяйственная продукция	7,7	8,6	12,0%	~ 0,35%
2	Топливные ресурсы	166,2	143,2	-14,0%	
3	Продукция химической промышленности (каучук)	0,1	0,1	0,0%	
4	Сырье и изделия из меха и кожи	0	0	0,0%	
5	Изделия из древесины, целлюлоза и бумага	1,2	1,2	0,0%	
6	Текстиль и обувь	0,2	0,2	0,0%	
7	Металлопродукция	2,5	2,4	-4,0%	
8	Машины, оборудование и транспортные средства	1,1	0,8	-27,0%	
Всего		179	156,5	-12,6%	

Табл. 2. Группы товаров, ввозимых из РФ во Вьетнам через порты РДВ в 2020 году, млн долл. США.

Источник: составлено по данным Торгового представительства СРВ на РДВ.

Table 2. Группы товаров, ввозимых из РФ во Вьетнам через порты РДВ в 2020 году, млн долл. США.

Source: compiled according to the data of the Trade Representation of the Socialist Republic of Vietnam on the Russian Far East.

Вьетнам ежегодно импортирует через порты РДВ товары, большую часть которых составляют различные виды топлива, такие как уголь, нефтепродукты и газ. Эта импортная продукция используется во Вьетнаме в основном для производства цемента, коксования, проката стали, эксплуатации электростанций и других видов экономической деятельности. В 2020–21 гг. объем указанных выше групп товаров, ввозимых через порты РДВ во Вьетнам, претерпел значительные сокращения из-за снижения глобального экономического роста, вызванного воздействием пандемии. Другие группы товаров РДВ, такие как продовольственное и сельскохозяйственное сырье, морепродукты, а также древесная и целлюлозно-бумажная продукция, экспортировались во Вьетнам в незначительных объемах (по данным Торгового представительства СРВ на РДВ).

Из-за сложного развития пандемии COVID-19 и закрытия многих пограничных переходов на границе между Китаем и РФ с недавних пор на рынке РДВ начали более активно появляться вьетнамские товары, хотя их общий объем и остается статистически незначительным. Как и двусторонние торговые отношения между Вьетнамом и РФ в целом, внешнеторговые отношения между Вьетнамом и РДВ в частности составляют очень низкую долю – менее 0,5% от общего внешнеторгового оборота между этими регионами мира. Учитывая тот факт, что между двумя сторонами с 2016 года имеется ЗСТ, а отношения дружественного сотрудничества на макроуровне остаются очень хорошими, вышеупомянутый товарооборот можно назвать несоизмеримо низким в сравнении с его потенциалом.

Важно отметить, что, хотя рынок РДВ и имеет небольшую емкость, он является восточной точкой входа, открывающей рынок вьетнамских товаров для стран ЕАЭС с населением более 180 млн человек. В обратном направлении через РДВ открывается кратчайший путь для экспорта товаров из России во Вьетнам и через Вьетнам – в страны АСЕАН.

3.2. Трудовые ресурсы. По данным Министерства труда и социальной защиты РФ, потребность РДВ в рабочей силе в 2021 году составляет почти миллион человек [5]. Использование иностранных работников является решением для РДВ проблемы восполнения нехватки рабочей силы. Согласно статистике УФМС России в Приморском крае, в 2019 году иностранцев, имеющих лицензию на право работы, в крае насчитывалось 138 069 человек [9], что позволяет говорить о большом потенциале привлечения в экономику края значительных иностранных трудовых ресурсов.

№	Группа товаров	2019	2020	Увеличение/ уменьшение	Доля рынка
1	Пищевая и сельскохозяйственная продукция	24,4	29,7	22,0%	~ 0,5%
2	Топливные ресурсы	0	0	0,0%	
3	Продукция химической промышленности (каучук)	6,6	6,9	5,0%	
4	Сырье и изделия из меха и кожи	0	0	0,0%	
5	Изделия из древесины, целлюлоза и бумага	0,1	0,4	300,0%	
6	Текстиль и обувь	4,4	5,1	16,0%	
7	Металлопродукция	1,8	0,7	-61,0%	
8	Машины, оборудование и транспортные средства	6,3	6,6	5,0%	
Всего		43,6	49,6	13,3%	

Табл. 3. Группы товаров, ввозимых из Вьетнама в РФ через порты РДВ в 2020 году, млн долл. США.

Источник: составлено по данным Торгового представительства СРВ на РДВ.

Table 3. Groups of goods, imported from Vietnam to RF through RDE ports in 2020, million US dollars.

Source: compiled according to the data of the Trade Representation of the Socialist Republic of Vietnam on the Russian Far East.

Поскольку ситуация с эпидемией COVID-19 по-прежнему остается очень сложной, по-видимому, вслед за 2020–21 годами в 2022 году РДВ будет испытывать серьезный дефицит рабочей силы. Прогнозируется, что как только эпидемическая ситуация будет взята под контроль, правительство России разрешит принимать иностранных работников, в связи с чем спрос на рабочую силу будет очень высоким. Сферы деятельности, в которых вьетнамские рабочие будут наиболее востребованы, включают в себя строительство, судостроение, пищевую промышленность и сельское хозяйство. Генеральное консульство СРВ во Владивостоке уже получило ряд запросов по привлечению вьетнамских рабочих на предприятия Приморья в перечисленных выше сферах. Спрос на рабочую силу на рынке РДВ откроет новые возможности для вьетнамских регионов и бизнеса в части предложения для него рабочей силы на взаимовыгодной основе.

3.3. Ловля и переработка рыбы и морепродуктов. Рыболовство является основой экономики РДВ, поскольку здесь вылавливается более 70% российской рыбной продукции при общем годовом объеме производства в 3,6 млн т. Более 60% выловленной рыбы экспортируется на китайский рынок в качестве сырья для рыбной промышленности соседней страны.

Власти РФ принимают меры по снижению чрезмерной зависимости от одного экспортного рынка с целью поиска и расширения экспорта на другие рынки, а также для развития перерабатывающих мощностей в стране. В частности, в условиях эпидемии COVID-19 Китай ограничивает и запрещает ввоз некоторых видов замороженной рыбной продукции из России.

Поиск новых экспортных рынков является чрезвычайно актуальной задачей для рыболовных и рыбоперерабатывающих компаний РДВ для того, чтобы нивелировать риски сбыта своей продукции. Экспорт таких видов морепродуктов, как дикий лосось, ракообразные (камчатские крабы, креветки), минтай, треска, различные виды моллюсков (гребешки, кальмары, осьминоги и т.д.), имеющих в больших объемах в дальневосточных морях, создает большой потенциал для торговли между регионами РДВ и Вьетнама.

Мощности глубокой переработки рыбной и морепродукции местными предприятиями РДВ по-прежнему ограничены. Кроме того, под влиянием политики эмбарго западных стран с 2014 года остается ограниченным экспортный рынок переработанной и фасованной морепродукции. В среднесрочной перспективе экспорт продукции рыбного промысла на большее количество рынков по-прежнему является решением, которое может быть наиболее выгодно для российского биз-

неса, и рынок Вьетнама может стать весьма перспективным для российских компаний, осуществляющих промысел и переработку рыбы и морепродуктов.

3.4. Деревообработка. С 1 января 2022 года в России полностью запрещен экспорт необработанной древесины с целью развития в стране отрасли глубокой переработки [2]. Однако существующие деревообрабатывающие мощности не могут удовлетворить потребности в переработке древесины на экспорт в ближайшем будущем в связи с тем, что сложной представляется постройка за несколько лет объектов инфраструктуры, необходимых для обеспечения переработки леса на экспорт.

Лесопромышленный комплекс РДВ переходит на местную переработку древесины, постепенно отказываясь от экспорта сырья. Решить эту проблему помогло принятое в 2017 году Правительством России решение о постепенном повышении экспортной пошлины на необработанные бревна с 25% до 80% к 2021 году [4].

В настоящее время Вьетнам стал центром деревообработки в Азии. В последние годы мощнее по переработке древесины во Вьетнаме быстро росли с точки зрения масштабов, количества, качества и эффективности производства, привлекаемая все больше и больше инвестиций в регионы страны. На сегодняшний день в стране насчитывается около 6000 деревообрабатывающих предприятий, из них около 1000 предприятий – компании с иностранными инвестициями с общим инвестиционным капиталом около 6,5 млрд долл. США. Инвестиции Вьетнама в деревообрабатывающую промышленность на РДВ и производство изделий из дерева на основе местного сырья могут оказаться как нельзя кстати для нужд этого региона.

3.5. Строительство. К основным текущим проблемам жилищного хозяйства РДВ можно отнести нехватку качественного и доступного жилья ввиду того, что в этом регионе высок процент ветхого и неблагоустроенного жилья. Предложение жилья является низким, а стоимость жилья и услуг остается высокой. Населенные пункты региона не обеспечивают достаточного количества общественных и рекреационных площадей.

На пленарном заседании в рамках Восточного экономического форума 2021 года Президент В.В. Путин озвучил масштабный план развития РДВ. Россия создаст здесь центр привлечения капитала с множеством налоговых льгот для инвесторов, в том числе иностранных.

Российский лидер призвал инвесторов уделить особое внимание строительной отрасли и подчеркнул, что объем жилищного строительства на РДВ к 2024 году должен превысить показатель 2019 года в 1,6 раза. Для этого в Хабаровском крае будет создан промышленный кластер, который будет обеспечивать строительными материалами весь РДВ. Президент России также подчеркнул планы по обновлению всех городов РДВ. По словам Президента, в ближайшие годы РДВ получит дополнительно 20 млрд рублей на строительство и ремонт школ, поликлиник, спортивных центров и фельдшерско-акушерских пунктов [1].

Обладая способностью осваивать передовые мировые технологии и командой высококвалифицированных специалистов и рабочих, вьетнамские строительные компании могут экспортировать рабочую силу на потенциальные рынки РДВ.

3.6. Транспорт. На прошедшем в начале сентября 2021 года в городе Владивостоке VI Восточном экономическом форуме Россия поставила цель превратить РДВ в новый экономический центр, расширить сотрудничество в АТР, в котором российский транспортный коридор является одним из основных факторов, способствующих экономическому росту.

В настоящее время каждый месяц из Вьетнама в Россию через 3 основных порта: Санкт-Петербург, Новороссийск и Владивосток – проходит около 28–30 тыс. т. грузов, из которых почти 50% объема приходится на порт Владивосток (по данным Торгового представительства СРВ на РДВ).

Товары из Вьетнама идут во Владивосток через корейский порт Пусан примерно за 14 дней. Еще 7 дней требуется для того, чтобы по железной дороге эти товары достигли Москвы для получения доступа к основным рынкам западных

регионов России. Общее время такой доставки грузов составляет всего половину длительности их доставки морским путем в Россию через порты Европы. Однако нехватка контейнеров и заторы в судоходстве создают трудности на коротком маршруте доставки грузов из Вьетнама во Владивосток.

Помимо фактора экспортных цен на вьетнамские товары также оказывают давление транспортные расходы и время транзита на РДВ морским путем через порты Владивосток и Находку. В настоящее время нет прямой морской доставки из вьетнамских портов в порт Владивосток, из-за чего все товары должны проходить транзитом через иностранные порты, такие как Пусан и Шанхай, что увеличивает затраты на погрузку-разгрузку и время ожидания. По внутренним расчетам Торгового представительства СРВ на РДВ, при открытии прямого морского сообщения между портами Хайфон или Катлай и Владивостоком произойдет снижение стоимости транспортировки за один 20-футовый контейнер примерно на 200 долл. США. Аналогично на 300 долл. США произойдет снижение стоимости транспортировки одного 40-футового контейнера, а время доставки сократится с 17–18 дней до 7–8 дней (по данным Торгового представительства СРВ на РДВ). Кроме того, по данным Торгового представительства Вьетнама на РДВ, в настоящее время морские фрахтовые ставки из портов Хошимина, Хайфона в порт Владивосток выросли в 5–6 раз по сравнению с периодом до октября 2020 года.

3.7. Туризм. Популярным трендом за последние пять лет стали поездки вьетнамских туристов на Дальний Восток и Север России. До пандемии турпотоки на РДВ стабильно росли на 5–7% в год. Оптимизм и уверенность в развитии туристической и гостиничной индустрии в этих регионах обуславливают рост доходов турфирм в среднем на 15% в год (по данным Торгового представительства СРВ на РДВ).

На фоне влияния пандемии COVID-19 на туристическую отрасль и на фоне снижения общего числа внутреннего туризма в России на 35% к концу 2020 года весь РДВ потерял 76% турпотока [12].

Главным фактором, формирующим туристическую привлекательность РДВ, является исключительно красивая природа. Помимо этого, туристов ждут экскурсии по известным местам и культурным объектам, а также интересные развлечения. Здесь можно увидеть северное сияние, серых китов, оленеводческие фермы, заповедники, таежные леса, изучить петроглифы и отправиться в джип-туры к действующим вулканам, на лыжные курорты, рыбалку, к горячим источникам, отведать местную кулинарию и многое другое.

27 мая 2019 года Национальная администрация туризма Вьетнама впервые организовала программу по внедрению вьетнамского туризма во Владивостоке. Вышеупомянутое мероприятие было организовано при участии ведущих авиакомпаний, туристических агентств и отелей Вьетнама, таких как Sun Group, Vinpearl, FLC Group, Bamboo Airways, ANEX Vietnam, Focus Travel и Premier Phu Quoc, и привлекло более 200 делегатов, представляющих туристический бизнес, СМИ и Департамент туризма Приморского края. В ходе проведения мероприятия директор Департамента туризма В.К. Шестаков высоко оценил привлекательность туризма Вьетнама, особенно пляжно-курортного туризма с прекрасными пляжами и круглогодичным солнцем в таких городах, как Нячанг, Муйне и Фукуок. По оценкам В.К. Шестакова, в будущем авиакомпании будут увеличивать чартерные рейсы и постепенно открывать регулярные прямые рейсы, соединяющие Вьетнам с Владивостоком (по данным Торгового представительства СРВ на РДВ). Это будут деньги, которые будут способствовать развитию туризма двух стран, а также обмену туристами между Вьетнамом и РДВ.

3.8. Судостроение и судоремонт. Одной из ТОП, расположенных на территории РДВ, является ТОП "Большой Камень" в Приморском крае. Приоритетной задачей этой ТОП является привлечение иностранных инвесторов для локализации производства судовой техники на территории России.

В настоящее время производственная мощность ТОП составляет 120 крупнотоннажных судов, из них 50 судов уже законтрактовано [7]. Из всей продукции,

которую ТОР предлагает своим заказчикам, основными ее типами являются нефтеналивные и газовозные танкеры, на которых установлено большое количество видов современного морского оборудования.

Российские судостроители на РДВ также реализуют еще один проект с участием иностранных инвесторов – строительство рыболовецких судов. Среди них около 50 крупных судов с использованием сложного судового оборудования. Иностранные инвесторы могут участвовать в строительстве этих судов за счет локализации производства на территории России по принципу "квоты в обмен на инвестиции".

В настоящее время во Вьетнаме имеется около 120 новых судостроительных и судоремонтных предприятий, способных строить корабли водоизмещением более 1 тыс. т. Общая производственная мощность составляет более 2,6 млн т. водоизмещения, однако в настоящее время во Вьетнаме данные мощности задействованы лишь на 50%. В 2020 году 70% производства пришлось на судостроение, 30% – на судоремонт (по данным Торгового представительства СРВ на РДВ). Основной вьетнамской судостроительной компанией является Корпорация судостроительной промышленности. Среди других значимых компаний отрасли можно назвать Vietnam National Shipping Lines и PetroVietnam. Существующий потенциал отраслевого сотрудничества между российским и вьетнамским судостроительным и судоремонтным бизнесом может быть реализован посредством производства оборудования и материалов для судов, строящихся в ТОР "Большой Камень".

Кроме того, Вьетнам – экономически быстрорастущая страна, в которой очень динамично развиваются рынки судоходства, судостроения и судоремонта. Реализуется программа развития внутренних водных путей. Ожидается, что к 2030 году объем водного транспорта достигнет 655 млн т. грузов и 200 млн пассажиров (по данным Торгового представительства СРВ на РДВ). Соответственно, возрастет и спрос на современные морские и речные суда. Российские инвесторы также могут воспользоваться новыми возможностями для укрепления своих позиций на вьетнамском рынке как судоходства, так судостроения и судоремонта.

3.9. Сельское хозяйство. Преимуществами дальневосточного агропрома являются большие земельные площади и близость к рынкам потребления СВА и ЮВА. Сельскохозяйственная продукция является одним из важнейших товаров промышленного производства и экспорта РДВ. В 2020 году дальневосточная сельхозпродукция составила 3,4% от общего объема сельхозпродукции, произведенной в России. Для увеличения экспортного оборота, а также для снижения продовольственной зависимости населенных пунктов РДВ необходимо максимально эффективно использовать сельскохозяйственные угодья региона. При этом необходимо создать инфраструктуру, которая будет способствовать продвижению экспортных амбиций России на рынках АТР, а также нужно создавать стимулы для привлечения капитала и человеческих ресурсов в обрабатывающую промышленность на РДВ.

Одним из примеров реализации проектов в сфере сельского хозяйства являются планы вьетнамского инвестора TH Group по производству молочной продукции в России общим объемом инвестиций в 2,7 млрд долл. К сожалению, пока этот проект еще нельзя назвать успешным, поскольку данная компания столкнулась с проблемами завышения стоимости строительных работ, со сложностями работы с российскими подрядчиками, а также с невозможностью привезти в Россию вьетнамскую рабочую силу [6].

Выводы и рекомендации

В целях дальнейшего укрепления и развития экономических, инвестиционных и торговых отношений между регионами Вьетнама и РДВ необходимо обратить внимание на следующие вопросы:

Во-первых, регионам Вьетнама, подписавшим меморандумы о взаимопонимании и сотрудничестве с населенными пунктами на РДВ, необходимо рассмотреть и оценить результаты их реализации, а также организовать реализацию подписанных договоренностей. На основании оценки достигнутых результатов необходимо разработать ежегодные программы и планы сотрудничества.

Во-вторых, вьетнамские власти должны стимулировать распространение информации об особенностях дальневосточных рынков, об имеющихся у них связях с властями регионов РДВ в сфере торговли и обмена инвестициями, а также помогать инвесторам устранить имеющиеся у них трудности как на РДВ, так и во Вьетнаме.

В-третьих, для укрепления сотрудничества в сфере экономики, торговли и инвестиций бизнес Вьетнама и РДВ может использовать возможности и льготы ЗСТ, существующей между Вьетнамом и ЕАЭС. Для этого министерствам и ведомствам необходимо широко информировать вьетнамский бизнес, чтобы он лучше понимал особенности функционирования ЗСТ между Вьетнамом и ЕАЭС, имел полную информацию о льготах, предлагаемых ЗСТ, и о политике РФ в отношении иностранных инвестиций на РДВ.

В-четвертых, для привлечения иностранных инвестиций на РДВ российским властям необходимо осуществить сокращение административных, деловых и импортно-экспортных процедур, а также устранить существующие нетарифные барьеры.

В-пятых, вьетнамскому бизнесу необходимо научиться лучше понимать рынок РДВ, его возможности и проблемы, изучать возможности снижения тарифов, преференциальные политики в отношении инвестиций и торговли для занятия более выгодных позиций на рынке РДВ.

В-шестых, вьетнамскому бизнесу необходимо продвигать свой потенциал при реализации экономического, торгового и инвестиционного сотрудничества с субъектами РФ в целом и с субъектами РДВ в частности.

В-седьмых, в силу многих субъективных и объективных причин у местных чиновников во Вьетнаме недостаточно знаний о России в целом и о РДВ в частности. Поэтому вьетнамским регионам необходимо активизировать подготовку кадров как с профессиональными квалификациями, так и со знанием русского языка для обеспечения кадрами сферы сотрудничества двух сторон.

В целях консолидации и укрепления сотрудничества между Вьетнамом и РДВ Генеральное консульство Вьетнама во Владивостоке всегда готово выступать в качестве связующего звена, предоставляя экономическую информацию и оказывая содействие пребывающих на РДВ вьетнамских делегаций при поиске ими партнеров и инвестиционных возможностей.

Литература

1. Более 20 миллиардов рублей дополнительно направят регионам Дальнего Востока на развитие инфраструктуры системы здравоохранения // Правительство Приморского края (сайт). 03.09.2021. URL: <https://primorsky.ru/news/242220/> (дата обращения: 31.01.2022)
2. В России вступают в силу новые правила оборота древесины // ТАСС (газета). 01.01.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13341989> (дата обращения: 31.01.2022)
3. Ежегодный Национальный доклад о развитии Дальнего востока Российской Федерации Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: https://minvr.ru/upload/iblock/b44/natsionalnyy-doklad_proekt.docx (дата обращения: 31.01.2022)
4. Необработанные алмазы экспортировать можно, круглый лес нельзя // EastRussia (газета). 20.01.2022. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/neobrabotannye-almazny-eksportirovat-mozhno-kruglyy-les-nelzya/> (дата обращения: 31.01.2022)
5. Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565853199> (дата обращения: 31.01.2022)
6. Полухин А. Вьетнамцы сливают молоко. TH Group не успела построить обещанные фермы // Коммерсантъ (газета). 26.04.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4791238> (дата обращения: 31.01.2022).
7. Порт Ньюс. Аналитический отчет для Минпромторга России. 06.2020. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/Minpromtorg-2020.pdf> (дата обращения: 31.01.2022)
8. Путин: подъем Сибири и Дальнего Востока – приоритет РФ на весь XXI век // РИА Новости (газета). 01.03.2020. URL: <https://ria.ru/20131212/983649040.html> (дата обращения: 31.01.2022).
9. Сергей Пушкарёв: Мигранты должны приносить пользу Приморскому краю, а не вред // ПримаМедиа (сайт). 12.05.2020. URL: <https://primamedia.ru/news/943520/> (дата обращения: 31.01.2022)
10. Совместное заявление о видении развития отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам на период до 2030 года //

- Сайт Президента России. 30.11.2021. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5742> (дата обращения: 30.01.2022)
11. Совместное заявление по итогам официального визита Генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама Нгуен Фу Чонга в Российскую Федерацию // Сайт Президента России, 08.09.2018. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5338> (дата обращения: 31.01.2022)
12. Туристическая привлекательность Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://home.kpmg/ru/ru/home/insights/2021/10/tourist-attractiveness-of-far-east-and-arctic.html> (дата обращения: 31.01.2022)

References

1. More than 20 billion rubles will be additionally directed to the regions of the Far East for the development of the infrastructure of the healthcare system // Government of the Primorsky Territory (website). 09/03/2021. URL: <https://primorsky.ru/news/242220/> (accessed 31.01.2022) (In Russ.)
2. New timber turnover rules come into force in Russia // TASS (newspaper). 01/01/2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13341989> (accessed 31.01.2022) (In Russ.)
3. Annual National Report on the Development of the Far East of the Russian Federation of the Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic. URL: https://minvr.ru/upload/iblock/b44/natsionalnyy-doklad_proekt.docx (accessed 31.01.2022) (In Russ.)
4. Rough diamonds can be exported, roundwood is not allowed // EastRussia (newspaper). 01/20/2022. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/neobrabotannye-almazny-eksportirovat-mozhno-kruglyy-les-nelzya/> (accessed 31.01.2022) (In Russ.)
5. On approval of the National Program for the socio-economic development of the Far East for the period up to 2024. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565853199> (accessed 31.01.2022) (In Russ.)
6. Polukhin A. Vietnamese pour milk. TH Group did not have time to build the promised farms // Kommersant (newspaper). 04/26/2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4791238> (accessed 31.01.2022) (In Russ.)
7. Port News. Analytical report for the Ministry of Industry and Trade of Russia. 06.2020. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/Minpromtorg-2020.pdf> (accessed 31.01.2022) (In Russ.)
8. Putin: the rise of Siberia and the Far East – the priority of the Russian Federation for the entire XXI century // RIA Novosti (newspaper). 03/01/2020. URL: <https://ria.ru/20131212/983649040.html> (accessed 31.01.2022) (In Russ.)
9. Sergei Pushkarev: Migrants should benefit Primorsky Krai, not harm // PrimaMedia (website). 05/12/2020. URL: <https://primamedia.ru/news/943520/> (accessed 31.01.2022) (In Russ.)
10. Joint statement on the vision for the development of a comprehensive strategic partnership between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam for the period up to 2030 // Website of the President of Russia. 11/30/2021. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5742> (accessed 30.01.2022) (In Russ.)
11. Joint statement on the results of the official visit of the Secretary General of the Central Committee of the Communist Party of Vietnam Nguyen Phu Trong to the Russian Federation // Website of the President of Russia, 09/08/2018. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5338> (accessed 31.01.2022) (In Russ.)
12. Tourist attraction of the Far East and the Arctic. URL: <https://home.kpmg/ru/ru/home/insights/2021/10/tourist-attractiveness-of-far-east-and-arctic.html> (accessed 31.01.2022) (In Russ.)

Куок Винь ЧИНЬ, помощник бывшего генерального консула СПб во Владивостоке, аспирант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: chin.kv@dvfu.ru

Хоанг Вьет НГУЕН, бывший генеральный консул СПб во Владивостоке, г. Владивосток, Россия, e-mail: viethn@mofa.gov.vn

Хонг Тхань НГУЕН, консул по торгово-экономическим вопросам Генерального консульства СПб во Владивостоке, г. Владивосток, Россия, e-mail: thanhnho@moit.gov.vn

Иван Иванович ПИСАРЕВ, канд. полит. наук, преподаватель кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: pinoy@mail.ru

Quoc Vinh TRINH, Assistant to the former Consul General of Vietnam in Vladivostok, PhD Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: chin.kv@dvfu.ru

Hoang Viet NGUYEN, Former Consul General of Vietnam in Vladivostok, Vladivostok, Russia, e-mail: viethn@mofa.gov.vn

Hong Thanh NGUYEN, Consul for Trade and Economic Affairs at the Consulate General of Vietnam in Vladivostok, Vladivostok, Russia, e-mail: thanhnho@moit.gov.vn

Ivan I. PISAREV, Lecturer, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: pinoy@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 08.02.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 25.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 08.09.2022

Научная статья
УДК 327
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/117-126>

Влияние пандемии COVID-19 на геополитику и экономику в Центральной Азии

Павел Сергеевич ВОРОБЬЁВ

Институт стратегического анализа и прогноза, Бишкек, Кыргызстан, pavel-vorobev-1988@mail.ru

Аннотация. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, распространившаяся по планете в 2020 г., привела к глобальным социально-экономическим и геополитическим последствиям во всему миру. И Центральная Азия не стала в этом процессе исключением. Влияние пандемии сильно отразилось на экономической и политической стабильности стран региона. Центральнoазиатские республики, имея и до пандемии массу нерешенных социально-экономических вопросов, а также нерешённые проблемы в региональных отношениях между странами, после ввода внутренних и внешних ограничений, только усугубили данные проблемы.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, Центральная Азия, экономика, геополитика, международная помощь, вакцинация

Для цитирования: Воробьев П.С. Влияние пандемии COVID-19 на геополитику и экономику в Центральной Азии // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 117–126. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/117-126>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/117-126>

Impact of the COVID-19 pandemic on geopolitics and economics in Central Asia

Pavel S. VOROBEV

Institute for Strategic Analysis and Forecast, Bishkek, Kyrgyzstan, pavel-vorobev-1988@mail.ru

Abstract. The COVID-19 coronavirus pandemic, which spread around the planet in 2020, has led to global socio-economic and geopolitical consequences around the world. And Central Asia was no exception in this process. The impact of the pandemic has greatly affected the economic and political stability of the countries in the region. The Central Asian republics, having many unresolved socio-economic issues before the pandemic, as well as unresolved problems in regional relations between countries, after the introduction of internal and external restrictions, only exacerbated these problems.

Keywords: COVID-19, pandemic, Central Asia, economy, geopolitics, international aid, vaccination

For citation: Vorobev P.S. Impact of the COVID-19 pandemic on geopolitics and economics in Central Asia // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 117–126. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/117-126>

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 (далее – пандемия) идёт по планете уже больше двух лет. Пандемия стала полной неожиданностью для всего мирового сообщества. В новейшей истории мир впервые столкнулся со столь масштабной вирусной эпидемией. Помимо социально-экономических последствий она привнесла большие изменения в систему международных отношений и внешней политики государств. Мировая политика стала более конфликтной и дефрагментированной, чему способствовал также и частичный отход государств от глобализационных трендов, таких как прозрачность границ, свободная торговля, общая экономика.

В обстоятельствах, казалось бы, общей мировой угрозы каждая страна пытается защитить прежде всего свои интересы. Протекционизм не обошел стороной и Евразийский экономический союз (ЕАЭС, далее – Союз), где страны-участники хоть и заявляли о необходимости защиты общего рынка, но тем не менее вводили ограничения на экспорт продовольствия и медицинских препаратов в период разрастания пандемии, а также были вынуждены ввести меры по ограничению передвижения граждан между странами Союза.

В Организации Объединенных Наций заявили, что ударная волна пандемии COVID-19 обрушилась на экономики развивающихся стран намного сильнее, чем мировой финансовый кризис 2008–2009 годов, так как последствия от корона-

вирусной инфекции нанесли этим странам сильный удар в виде оттока капитала, удорожания кредитов, обесценения валют и потери экспортной выручки из-за краха цен на сырье [32]. По классификации Международного валютного фонда и ООН к развивающимся странам относятся все страны Центральноазиатского региона. В этой связи хотелось бы проанализировать влияние последствий пандемии COVID-19 на экономику и политику государств региона.

Экономики стран Центральной Азии прямо зависят от иностранных инвестиций, цен на сырье, а в некоторых странах часть ВВП государства (Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан) формируется от переводов трудовых мигрантов, работающих в более сильных экономиках (Россия, Казахстан, Турция и др.), где из-за последовавших ограничений произошел спад экономической активности и, соответственно, уменьшился спрос на рабочую силу, в том числе отметилось снижение уровня среднего заработка.

2020 год для государств Центральной Азии оказался сложным во всех отношениях, поскольку пандемия коронавируса привела к снижению темпов развития. Наибольшее падение ВВП ощутили Кыргызстан – на уровне 8,6%, затем Казахстан – 2,6% [30]. Столь значительному падению ВВП в Кыргызстане и Казахстане способствовали карантинные меры, выраженные в ограничении деловой активности в связи с введением локдаунов. В Кыргызстане уровень ВВП оказался намного ниже из-за того, что экономика страны импортозависима и недиверсифицирована, а значительная часть ВВП страны обеспечивается за счет сферы услуг, которая в весенне-летний период 2020 г. была фактически приостановлена. Также пандемия и последовавшие за этим ограничения, сильно ударили по туристической отрасли Кыргызстана [19, с. 10]. Последствия от ковидных ограничений Кыргызстан испытывает до сих пор, экономика страны так и не вышла на уровень допандемийного 2019 года. Хотя в последние месяцы 2021 года и наметился положительный рост ВВП страны [7].

Ограничения в поставках товаров и услуг привели к тому, что страны региона ощущают рост цен на импортные товары (продовольственные продукты, стройматериалы и ГСМ), особенно это заметно в Кыргызстане и Таджикистане, где наблюдался небывалый рост цен на ГСМ. С начала 2021 года в Кыргызстане бензин подорожал на 72,4%, дизельное топливо на 61,7% [5], а в Таджикистане весной 2021 г. дефицит ГСМ привел к остановке отпуска топлива в ряде АЗС [16].

Также довольно остро встал вопрос обеспечения продовольственной безопасности государств региона. После введенных ограничительных мер между странами, в том числе и по поставкам продовольственной продукции, удобрений и корма для нужд сельского хозяйства, последовало общее снижение логистики между государствами. Ещё одной проблемой добавилась небывалая жара и дефицит водных ресурсов в Центральноазиатском регионе за последние 2 года. Вследствие взаимозависимости экономик и ограниченности ресурсов страны Центральной Азии вынуждены прибегать к "обменным" сделкам. Так, Таджикистан договорился с Казахстаном о поставках ГСМ в обмен на отпуск дополнительных объемов воды из водохранилища "Бахри Точик" [28]. В свою очередь, президент Кыргызстана С. Жапаров в ходе визитов в Нур-Султан и Ташкент также договорился с коллегами об отпуске дополнительных объемов воды в обмен на поставки электроэнергии Кыргызстану.

Карантинные меры, введенные в странах, не прошли бесследно для экономик стран региона. Особенно это актуально для Кыргызстана: введение по всей стране карантина и связанные с этим ограничения сильно ударили по и так слабой экономике страны. Политический кризис, произошедший в октябре 2020 года, за которым последовала отставка бывшего Президента Кыргызстана С. Жээнбекова, был вызван серьезным социально-экономическим кризисом, а также возмущением неэффективными и неумелыми решениями властей во время карантинных ограничений, в том числе непрофессиональными действиями руководства страны во время резкого повышения смертности от коронавируса в июле 2020 г. Дополнительным минусом для властей Кыргызстана того времени стало то, что помощь,

оказанная международными организациями властям республики, зачастую не доходила до адресатов и использовалась нерационально, а зачастую просто развозывалась чиновниками разного ранга, что и подтвердила специальная межведомственная комиссия [6].

В случае продолжительного течения пандемии наименее развитые экономики региона, такие как Таджикистан и Кыргызстан, могут столкнуться с еще большим воздействием в виде девальвации валют, увеличения темпов инфляции, снижения бизнес-активности и роста безработицы. Особую тревогу вызывает ситуация в Кыргызстане, где любые социально-экономические проблемы политизируются и могут быть использованы для дестабилизации и без того непростой политической ситуации в стране.

В ожидании внешней помощи. В целях поддержания экономики от негативных экономических последствий страны региона ведут переговоры о поставках вакцин, продовольствия и привлечения кредитов и финансов. Большинство стран Центральной Азии пришлось обращаться за финансовой антикризисной помощью к международным финансовым институтам. Так, Международный валютный фонд (МВФ) одобрил выделение Кыргызстану помощи для преодоления последствий пандемии COVID-19 в общем размере \$242 млн. Таджикистану МВФ уже выделил \$189,5 млн для поддержки платежного баланса и бюджета страны в условиях пандемии. В свою очередь, Всемирный банк предоставит Таджикистану \$11,3 млн для реализации мероприятий по снижению экономических рисков, а Узбекистану выделил \$200 млн. Кроме того, Узбекистан планирует получить от Азиатского банка развития для поддержки бюджета заем в \$1 млрд. Таким образом, активность международных финансовых институтов в регионе косвенно поддерживают геоэкономическое присутствие и финансовое влияние США и ЕС в Центральной Азии [32].

Также США и ЕС напрямую оказывают помощь странам Центральной Азии. К примеру, ЕС уже весной 2020 года предоставила Таджикистану около 80 млн евро – 48 млн в виде гранта, 30 млн в виде кредита от Европейского инвестиционного банка для реализации антикризисного плана правительства, а также 1,3 млн на защитную одежду для медработников и 780 тыс. на санитарные принадлежности для учебных заведений [29]. А со стороны США по линии USAID было выделено 868 923 долл. на укрепление способности Таджикистана реагировать на пандемию COVID-19 [27]. По линии USAID Кыргызстану были выделены более 66 млн сомов на борьбу с коронавирусом [33], ФРГ по линии организации GIZ выделила 550 тыс. евро. Общий объем запрошенной Кыргызстаном помощи от международных доноров составил около 1 млрд долларов [13].

Стратегический партнер всех государств Центральной Азии – Российская Федерация – в период пандемии оказывала значительную гуманитарную помощь странам региона в борьбе с COVID-19: поставлялись медицинские препараты и расходные материалы, а также тест-системы. В Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане в разгар эпидемии на местах работали российские специалисты Роспотребнадзора, а также врачи, в том числе и военные медики [2]. По линии МЧС России оказывалась постоянная помощь в виде поставки медицинского оборудования и лекарств в страны Центральной Азии. С момента появления российской вакцины против коронавируса, вакцина также поставлялась на безвозмездной основе странам Центральной Азии, в том числе и Кыргызстану [17]. Непосредственно сама российская вакцина "Спутник V" начала производиться в Казахстане [31] и Узбекистане [21].

Учитывая, что большое количество граждан Центральной Азии находится на заработках в России, правительством РФ было принято решение о льготном периоде для мигрантов – данное решение российского правительства позволило в определенной степени снизить возможный социальный взрыв в странах Центральной Азии – так как возвращение одновременно большого количества трудовых мигрантов в страны своего гражданства незамедлительно повлекло бы за собой рост безработицы и социальной напряженности.

Один из основных крупных геополитических игроков региона – Китай, обладая огромными людскими ресурсами, а также применяя беспрецедентные меры по нейтрализации последствий коронавируса, одним из первых вышел из жестких карантинных мер внутри страны, что дало толчок к подъёму экономики Китая на фоне стагнации в других странах. По мере достижения существенных успехов в противостоянии пандемии Китай стал активно вести новую внешнеполитическую линию по выстраиванию положительного имиджа страны на международной арене через оказание гуманитарной помощи партнерам в регионе. Пекин на первоначальном этапе развернул кампанию "медицинской дипломатии" по оказанию помощи, включающую защитные маски и костюмы, перчатки, тест-системы и медицинское оборудование различным государствам, в том числе и странам Центральной Азии. Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан вошли в список государств, которые получили помощь в борьбе с пандемией коронавируса из фондов основателя Alibaba Group китайского миллиардера Джека Ма [8].

На уровне государств были отсрочены выплаты по государственным кредитам стран Центральной Азии КНР. Основные должники Китая в Центральной Азии – Кыргызстан и Таджикистан – оказались в сложных экономических условиях, которые подорвали их платежеспособность по внешнегосударственному долгу. Правительства Кыргызстана и Таджикистана в 2020 г. обратились к Пекину отсрочить выплату долгов и получили от КНР согласие. Однако для Кыргызстана Пекин поставил условие отсрочки выплат кредитов – это обеспечение защиты китайских инвесторов внутри республики, чьи интересы были подорваны после череды антикитайских митингов в республике. По данным аналитического центра Center for Global Development, Кыргызстан и Таджикистан входят в список стран с высоким риском долговой нагрузки перед Китаем [9]¹.

Геополитические последствия и "вакцинная" дипломатия. Вместе с социально-экономическими последствиями пандемия коронавируса затронула и сферу геополитики. Причиной тому стала политизация вопроса о происхождении COVID-19. США обвинили Китай в лабораторной разработке коронавируса и искусственном создании пандемии. Тем самым международный имидж Китая и внешнеэкономические позиции, преимущественно на Западе, терпят большие потери, в особенности когда США пытаются оказать на Пекин дипломатическое и экономическое давление. Все эти обстоятельства подрывает реализацию китайских инициатив с участием европейских партнеров. К тому же ограничения, связанные с пандемией, не всегда дают возможность проводить тесные переговоры в оффлайн режиме. В связи с вышеперечисленным можно отметить, что "западное" направление инициативы "Один пояс – один путь" испытывает ощутимые задержки. Вполне вероятно, что КНР будут предпринимать шаги для усиления экономической интеграции по линии Центральная Азия – Южная Азия. Так, например, Китай и Кыргызстан планируют снова возвратиться к вопросу строительства торгово-логистического центра на территории республики [3]. Пакистан выразил готовность открыть порты Карачи и Гвадар для Кыргызстана в транспортном коридоре Казахстан-Кыргызстан-Китай-Пакистан [18]. В свою очередь, китайско-пакистанский маршрут интересен КНР в целях независимой поставки энергоресурсов из Ближнего Востока, минуя Малаккский пролив, фактически контролируемый США.

Вместе с тем стоит отметить и положение, в котором оказался Китай из-за пандемии. Из-за срыва поставок готовой продукции американские и европейские компании заявили о выводе части производств из Китая. Опросы Bank of America (BofA) показали, что 80% компаний глобальных секторов столкнулись с разрушением цепочек поставок за последние 2 года, что вынудило 75% из них предпринимать шаги по возвращению производства из-за рубежа [12]. Но, согласно оценкам экспертов, говорить о массовом оттоке иностранного капитала из КНР всё же не приходится. Тем не менее положение конфронтации, в которую вступил Китай с

¹ На карте [9] красным цветом – высокий риск – выделены Кыргызстан и Таджикистан.

США, будут менять ориентиры внешней политики Пекина. К тому же в условиях пандемии КНР осознал в том числе и выгоду сотрудничества, в первую очередь, с ближайшими соседями и стратегическими партнерами.

Давление США на Китай укрепило российско-китайское сотрудничество в Центральной Азии и в сфере региональной безопасности. Во время встречи с главами МИД государств Центральной Азии в Сиане глава внешнеполитического ведомства КНР Ван И подчеркнул необходимость усиленной борьбы с терроризмом и экстремизмом и призвал партнеров говорить "в один голос" по афганскому вопросу [10]. Россия приступила к усилению военной базы в Таджикистане в целях защиты от внешних угроз стран ОДКБ. Также успешное выполнение коллективными миротворческими силами ОДКБ миротворческой миссии в январе 2022 года в Казахстане усилило позиции ОДКБ и непосредственно России в регионе. Усиление конфликта между США и Россией привело только к активизации сотрудничества стран в рамках "треугольника" Центральной Азии – Россия – Китай.

Противостояние США, ЕС и их партнеров с одной стороны, России и Китая с другой в условиях пандемии перешло и в сферу медицинских разработок. Если раньше (по мнению многих аналитиков, и сейчас) существовала так называемая "гонка вооружений" между СССР и странами Варшавского договора с одной стороны, и США совместно с НАТО с другой, то сейчас можно предположить, что идет гонка "вакцин" – мировые державы не жалели средств на разработку вакцин против коронивирусной инфекции. Ситуация с пандемией показала, что мировые державы на фоне экономического и политического противостояния не готовы объединять усилия в борьбе с коронавирусом. Более того, вирус стал ресурсом в этом противостоянии. Например, одним из инструментов мягкой силы в Центральной Азии стала так называемая "вакцинная дипломатия". "Вакцинная дипломатия" сегодня имеет ряд отличительных черт. Если раньше она относилась, преимущественно, к ситуациям сотрудничества (совместная разработка вакцин учеными из разных стран), то рассматриваемое явление в его нынешнем формате имеет больше элементов противостояния. Это находит выражение, в частности, в проведении информационных кампаний по дискредитации одних и поддержке других производителей вакцин. В современном мире социально-гуманитарные ресурсы становятся инструментом внешнеполитической борьбы. Акцент на жесткое информационное воздействие, глобальное информационное присутствие позволяет рассматривать вакцинную "дипломатию" как инструмент "гибридных" (информационных) войн. Другой деструктивный аспект современной "вакцинной дипломатии" связан с коммерциализацией рынка вакцин, в частности. Производство и поставка вакцин – огромный бизнес с многомиллиардным оборотом средств. В 2019 г. мировой рынок вакцин оценивался в 390 млрд долларов США. Минимальные оценки объема будущего рынка вакцин от коронавируса – 10 млрд долл. в год. Все это приводит к тому, что современная "вакцинная дипломатия" определяется не только внешнеполитическими интересами государств, но и коммерческими интересами крупнейших фармацевтических компаний – производителей вакцин. Несмотря на нехватку вакцин в развивающихся странах, призывы ВОЗ признать всеобщий доступ к вакцине от коронавируса мировым общественным благом и поделить интеллектуальную собственность, чтобы можно было производить больше доз и сделать вакцину общедоступной, некоторые производители вакцин отказываются открывать дополнительные производства в других странах и передавать свои технологии. Такие компании, как Pfizer (США/Германия) и Moderna (США), даже в период пандемии предоставляют свои вакцины исключительно на коммерческой основе. Подобное развитие сигнализирует о дальнейшей трансформации и "приватизации" внешнеполитической сферы и дипломатии. Дипломатия реализуется не только дипломатами, но и крупнейшими профильными компаниями, и даже отдельными специалистами в конкретных областях. Достижение победы над распространением вируса становится невозможным без согласования усилий с данными категориями участников, что повышает их значимость в глобальном масштабе [15, с. 533–534].

Суть политики "вакцинной дипломатии" заключается в том, что страны, обладающие вакциной от коронавируса, предлагают другим государствам запатентовать и использовать именно их вакцину. Россия активно наращивает международное сотрудничество в этой области, экспортируя свои вакцины в качестве гуманитарной помощи или же на коммерческой основе. Этот шаг рассматривается Москвой как большой дипломатический успех, который может позволить ей укрепить свое международное положение. В условиях глобальной конкуренции российские усилия, а также усилия некоторых других государств по производству и распространению в мире своих национальных вакцин против коронавирусной инфекции, обозначаемые термином "вакцинная дипломатия", рассматриваются как инструмент "мягкой силы" [15, с. 532]. Так, например, Россия запустила в Казахстане производство вакцины "Спутник V" ещё в конце 2020 г. [4], а в июне 2021 г. – в Иране. Кроме того, ведется поставка вакцины всем заинтересованным странам. Не отстает от России и Китай, который поставляет в страны Центральной Азии вакцину собственного производства "Sinopharm". Впрочем, наличие "синофобии" в Центральной Азии отчасти мешает эффективно продвигать вакцину в регионе, несмотря на ее невысокую цену и большие объемы.

Есть успешный пример по сотрудничеству в создании и производстве вакцины против COVID-19 совместно Россией и Китаем. Вакцина "Конвидеция" была разработана российской компанией "Петровакс" совместно с китайской корпорацией CanSino Biologics Inc. [1]. Данная вакцина уже зарегистрирована в Китае, Венгрии, Пакистане, Мексике и в том числе в Кыргызстане [11].

По линии международной помощи, для стран Центральной Азии доступна бесплатная вакцина, разработанная британо-шведской фармацевтической компанией Astra Zeneca по международной программе COVAX. Однако доверие к ней намного ниже по причине подтверждения множества фактов негативных последствий после ее применения, что повышает шансы российского Спутник V и китайской Sinopharm стать основными вакцинами в регионе.

По мнению экспертов, доступ к вакцинам будет определять будущее развитие государств. Кризис в странах Центральной Азии, возможно, будет иметь длительные последствия, в случае если в ближайшей перспективе не удастся побороть пандемию. Так, согласно прогнозам МВФ, шансы на быстрое восстановление экономики от последствий пандемии коронавируса больше у развитых государств, которые способны оказывать бюджетную поддержку экономике и эффективно проводят вакцинацию населения, вкладывая тем самым "инвестиции" на будущее. Соответственно, развивающиеся государства, которые неспособны финансово поддерживать уязвимые сферы экономики и проводить меры по борьбе с вирусом на должном уровне, будут испытывать трудности [14]. Согласно прогнозу МВФ по Ближнему Востоку и Центральной Азии за апрель 2021 года, отмечается, что страны, первыми начавшие вакцинацию, пересмотрели прогнозы роста на 2021 год относительно октябрьских прогнозов: как ожидается, уровни ВВП достигнут уровней 2019 года в 2022 году. Напротив, в странах, в которых вакцинация осуществляется медленно и с запаздыванием, уровни ВВП, как ожидается, вернуться к уровням 2019 года между 2022 и 2023 годами [19, с. 8]. К примеру, в стране где коронавирус начался, в Китае, удалось вакцинировать уже свыше 1 млрд населения [23]. Темпы вакцинации в странах Центральной Азии разнятся. Так, на начало февраля 2022 года полную дозу вакцинации (двумя дозами вакцины) получили в Казахстане – 46% населения [22], в Узбекистане – 17% [26] (данные на октябрь 2021 г.), в Таджикистане – 39% [25], в Кыргызстане – 17% [24].

Таким образом, странам региона необходимо принимать более действенные меры по выходу из пандемии и соответственно проводить работу по борьбе с последствиями пандемии. В первую очередь, это касается ускорения вакцинации населения (в том числе и проведение более понятной информационной кампании по вопросу вакцинации), соблюдения режима карантина и бюджетного финансирования уязвимых секторов экономики. Наиболее слабыми в этом отношении остаются Кыргызстан и Таджикистан, в которых наблюдается дефицит финансиру-

ния, а темпы вакцинации наименьшие в регионе. Хотя, к примеру, в Кыргызстане на данный момент доступно несколько разных видов вакцин, таких как Спутник V, Sinopharm, Pfizer, Astra Zeneca и др. [20]

Занятые своими собственными проблемами в связи с последствиями мировой короновирусной инфекции, многие страны прекратили спонсирование, кредитование и поддержку разных проектов в центральноазиатских государствах. На фоне происходящих в мире событий, учитывая, что фактически все страны Центральноазиатского региона являются дотационными в плане собственного бюджета, возросла роль стран и финансовых институтов, которые оказывали помощь в столь тяжелой ситуации. Ряд государств Центральной Азии вынужденно обратились к международным финансовым институтам, увеличив тем самым внешнюю задолженность. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что рост долговых обязательств, будет, несомненно, повышать политические рычаги доноров в регионе, таких как МБФ, ВБ, USAID и т.д. Необходимость обеспечения продовольственной безопасности опять же будет толкать страны региона, с одной стороны, к защите собственных продовольственных ресурсов, а с другой – к активному спросу на внешние поставки. Вместе с тем спрос на вакцину от коронавируса в регионе будет только расти. В этих обстоятельствах вполне вероятно, что Россия и Китай будут усиливать свою геополитическую значимость в регионе посредством вакцинных, продовольственных поставок и гуманитарной помощи.

Литература

1. Вакцинный квартет: данные о российско-китайском препарате признаны The Lancet // Информационный портал Известия. URL: <https://iz.ru/1135037/mariia-nediuk/vaktinnyi-kvartet-dannye-o-rossiskokitaiskom-preparate-priznany-lancet> (дата обращения: 25.02.2022)
2. Военные медики из России завершили миссию в КР. Как их провожали – фото // ИА Sputnik.kg. URL: <https://ru.sputnik.kg/society/20200821/1049387509/vooruzhennye-sily-voennye-vrachi-missiya.html> (дата обращения: 25.02.2022)
3. В администрации президента заявили о согласии атбашинцев на строительство логистического центра // ИА Радио Азаттык. URL: <https://rus.azattyk.org/a/31315721.html> (дата обращения: 25.02.2022)
4. В Центральной Азии разворачивается производство вакцин от коронавируса // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/566/91338/> (дата обращения: 24.02.2022)
5. За год бензин Аи-95 в Кыргызстане подорожал на 27 сомов // ИА 24 KG. URL: https://24.kg/ekonomika/220161_zagod_benzin_ai-95v_kyrgyzstane_podorojal_na27somov/ (дата обращения: 20.02.2022)
6. Заниженное количество смертей, упущенное время, нулевая подготовка. Что нашла комиссия по расследованию работы по борьбе с COVID-19 // ИА Kloop.kg. URL: <https://kloop.kg/blog/2021/01/22/zanizhennoe-kolichestvo-smertej-upushhennoe-vremya-nulevaya-podgotovka-chto-nashla-komissiya-po-rassledovaniyu-raboty-po-borbe-s-covid-19/> (дата обращения: 25.02.2022)
7. Итоги 2021 года. Робкий рост ВВП, наш Кумтор и новые правила игры для бизнеса // ИА 24 KG. URL: https://24.kg/ekonomika/218050_itogi_2021nbspgoda_robkiy_rost_vvp_nash_kumtor_inbspnovyie_pravila_igryi_dlya_biznesa/ (дата обращения: 20.02.2022)
8. Китайский миллиардер Джек Ма окажет помощь Кыргызстану // ИА Kaktus.media. URL: https://kaktus.media/doc/409440_kitayskiy_milliarder_djek_ma_okajet_pomosh_kyrgyzstany.html (дата обращения: 25.02.2022)
9. Китай согласен отсрочить выплату долгов Кыргызстана за 2020 год. Но с процентами // ИА Радио Азаттык. URL: <https://rus.azattyk.org/a/30971721.html> (дата обращения: 24.02.2022)
10. Китай закрепляется на заднем дворе России // Сайт "Независимой Газеты". URL: https://www.ng.ru/world/2021-05-13/1_8147_china.html (дата обращения: 25.02.2022)
11. Китайская вакцина ждет регистрации // ИД Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4928313> (дата обращения: 25.02.2022)
12. Компании США и Европы потратят \$1 трлн на вывод производства из Китая // ИА Интерфакс Россия. URL: <https://www.interfax.ru/business/722455> (дата обращения: 25.02.2022)
13. Кыргызстан ищет поддержки у международных доноров // ИА Радио Азаттык. URL: https://rus.azattyk.org/a/covid-19_v_kyrgyzstane_pomosh_donorov/30550042.html (дата обращения: 25.02.2022)
14. МБФ: как избежать "глубоких шрамов" после пандемии? // Сайт ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/04/1400352> (дата обращения: 25.02.2022)
15. Маслова К. В. "Мягкая сила" России в Центральной Азии в контексте борьбы с пандемией коронавируса: может ли "вакцинная дипломатия" завоевать "умы и сердца"? // Постсоветские исследования. 2021. Т.4. № 6. С. 531-536

16. На АЗС Таджикистана убирают щиты с ценами: в стране усугубляется топливный кризис // ИА Радио Озоди. URL: <https://rus.ozodi.org/a/31156307.html> (дата обращения: 25.02.2022)
17. О прибытии в Киргизию очередной партии российской вакцины "Спутник V" // Сайт Посольства Российской Федерации в Кыргызской Республике. URL: <https://kyrgyz.mid.ru/-/o-pribytii-v-kyrgyziu-ocerednoj-partii-rossijskoj-vakciny-sputnik-v-> (дата обращения: 25.02.2022)
18. Пакистан готов разрешить Кыргызстану использовать свои порты, но есть ответные условия // ИА Kaktus.media. URL: https://kaktus.media/doc/440909_pakistan_gotov_razreshit_kyrgyzstany_ispolzovat_svoi_porty_no_est_otvetnye_ysloviia.html (дата обращения: 24.02.2022)
19. Перспективы развития региональной экономики. Ближний Восток и Центральная Азия. Обзор МВФ, апрель 2021 г., 30 с.
20. Карта прививочных пунктов // Официальный сайт системы учета вакцинации на территории Кыргызской Республики. URL: <https://vc.emed.gov.kg/Home/Map> (дата обращения: 25.02.2022)
21. Произведенная в Узбекистане вакцина "Спутник V" поступила на внутренний рынок // ИА Sputnik. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20211012/proizvedennaya-v-uzbekistane-vaktsina-sputnik-v-postupila-navnutrennij-rynok-20873613.html> (дата обращения: 25.02.2022)
22. Статистика вакцинированных от коронавируса (COVID-19) в Казахстане // Сайт Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=OWID_WRL~KAZ (дата обращения: 24.02.2022)
23. Статистика вакцинированных от коронавируса (COVID-19) в Китае // Сайт Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=OWID_WRL~CHN (дата обращения: 24.02.2022)
24. Статистика вакцинированных от коронавируса (COVID-19) в Кыргызстане // Сайт Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=OWID_WRL~KYR (дата обращения: 24.02.2022)
25. Статистика вакцинированных от коронавируса (COVID-19) в Таджикистане // Сайт Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=OWID_WRL~TAJ (дата обращения: 24.02.2022)
26. Статистика вакцинированных от коронавируса (COVID-19) в Узбекистане // Сайт Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=OWID_WRL~UZB (дата обращения: 24.02.2022)
27. Таджикистан открыл благотворительные счета для борьбы с последствиями пандемии // ИА Радио Озоди. URL: <https://rus.ozodi.org/a/30530204.html> (дата обращения: 25.02.2022)
28. Таджикистан отправит Казахстану 300 млн кубометров воды // Сайт ИСАП. URL: <https://isap.center/post/1195> (дата обращения: 25.02.2022)
29. Таджикистан признал коронавирус дипломатически // ИД Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4322778> (дата обращения: 25.02.2022)
30. Усенов А. М. Социально-экономическое положение Кыргызстана под влиянием пандемии COVID-19 и политического кризиса // Сайт ИСАП. URL: <https://isap.center/article/19> (дата обращения: 25.02.2022)
31. Экспансия "Спутника": где производят и уже используют российскую вакцину от коронавируса // ИА BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-56675724> (дата обращения: 25.02.2022)
32. COVID-19 и Центральная Азия-2020: проблемы, последствия, выводы // ИА Forbes.kz. URL: https://forbes.kz/process/expertise/covid-19_i_tsentralnaya_aziya-2020_problemyi_posledstviya_vyvodyi (дата обращения: 25.02.2022)
33. USAID выделит Кыргызстану 66 миллионов сомов на борьбу с коронавирусом // ИА Радио Азаттык. URL: <https://rus.azattyk.org/a/30499055.html> (дата обращения: 25.02.2022).

References

1. Vaccine quartet: data on the Russian-Chinese drug are recognized by The Lancet // Izvestia Information Portal. URL: <https://iz.ru/1135037/mariia-nediuk/vaktcinnyi-kvartet-dannye-o-rossiisko-kitaiskom-preparate-priznany-lancet> (accessed 25.02.2022)
2. Military doctors from Russia completed their mission in the Kyrgyz Republic. How they were seen off – photo // ИА Sputnik.kg. URL: <https://ru.sputnik.kg/society/20200821/1049387509/vooruzhennyye-sily-voennyye-vrachi-missiya.html> (accessed 25.02.2022)
3. The presidential administration announced the consent of the At-Bashi residents to the construction of a logistics center // ИА Radio Azattyk. URL: <https://rus.azattyk.org/a/31315721.html> (accessed 25.02.2022)
4. In Central Asia, the production of vaccines against coronavirus is unfolding // Internet portal of the CIS. URL: <https://e-cis.info/news/566/91338/> (accessed 24.02.2022)
5. Over the year, AI-95 gasoline in Kyrgyzstan has risen in price by 27 soms // ИА 24 KG. URL: https://24.kg/ekonomika/220161_zagod_benzin_ai-95v_kyrgyzstane_podoroyal_na27somov/ (accessed 20.02.2022)
6. Underestimated number of deaths, lost time, zero preparation. What did the commission to investigate the work to combat COVID-19 find? // ИА Kloop.kg. URL: <https://kloop.kg/blog/2021/01/22/zanizhennoe-kolichestvo-smertej-upushhennoe-vremya-nulevaya-podgotovka-chto-nashla-komissiya-po-rassledovaniyu-raboty-porborbe-s-covid-19/> (accessed 25.02.2022)
7. Results of 2021. Shy GDP growth, our Kumtor and new rules of the game for business // ИА 24 KG. URL: https://24.kg/ekonomika/218050_itogi_2021nbspgoda_robkiy_rost_vvp_nash_kumtor_inbspnovyye_pravila_igrui_dlya_biznesa/ (accessed 20.02.2022)

8. Chinese billionaire Jack Ma will provide assistance to Kyrgyzstan // IA Kaktus.media. URL: https://kaktus.media/doc/409440_kitayskiy_milliarder_djek_ma_okajet_pomosh_kyrgyzstany.html (accessed 25.02.2022)
9. China agrees to defer payment of Kyrgyzstan's 2020 debts. But with interest // IA Radio Azattyk. URL: <https://rus.azattyk.org/a/30971721.html> (accessed 20.02.2022)
10. China is gaining a foothold in Russia's backyard // Nezavisimaya Gazeta website. URL: https://www.ng.ru/world/2021-05-13/1_8147_china.html (accessed 25.02.2022)
11. Chinese vaccine is waiting for registration // ID Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4928313> (accessed 25.02.2022)
12. US and European companies will spend \$1 trillion to withdraw production from China // IA Interfax Russia. URL: <https://www.interfax.ru/business/722455> (accessed 25.02.2022)
13. Kyrgyzstan seeks support from international donors // IA Radio Azattyk. URL: https://rus.azattyk.org/a/covid-19_v_kyrgyzstane_pomosh_donorov/30550042.html (accessed 25.02.2022)
14. IMF: how to avoid "deep scars" after the pandemic? // UN website. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/04/1400352> (accessed 25.02.2022)
15. Maslova K. V. "Soft power" of Russia in Central Asia in the context of the fight against the coronavirus pandemic: can "vaccine diplomacy" win "hearts and minds"? // Post-Soviet Studies. 2021. Vol.4. No. 6. P. 531-536.
16. Billboards with prices are being removed at gas stations in Tajikistan: the fuel crisis is aggravating in the country // IA Radio Ozodi. URL: <https://rus.ozodi.org/a/31156307.html> (accessed 25.02.2022)
17. On the arrival in Kyrgyzstan of the next batch of the Russian vaccine "Sputnik V" // Website of the Embassy of the Russian Federation in the Kyrgyz Republic. URL: <https://kyrgyz.mid.ru/-/o-pribytii-v-kirgiziu-ocerednoj-partii-rossijskoj-vakciny-sputnik-v-> (accessed 25.02.2022)
18. Pakistan is ready to allow Kyrgyzstan to use its ports, but there are reciprocal conditions // IA Kaktus.media. URL: https://kaktus.media/doc/440909_pakistan_gotov_razreshit_kyrgyzstany_ispolzovat_svoi_porty_no_est_otvetnye_ysloviia.html (accessed 24.02.2022)
19. Prospects for the development of the regional economy. Middle East and Central Asia. IMF Review, April 2021, 30 p.
20. Map of vaccination points // Official website of the vaccination accounting system on the territory of the Kyrgyz Republic. URL: <https://vc.emed.gov.kg/Home/Map> (accessed 25.02.2022)
21. The Sputnik V vaccine produced in Uzbekistan entered the domestic market // IA Sputnik. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20211012/proizvedennaya-v-uzbekistane-vaktsina-sputnik-v-postupila-na-vnutrenniy-rynok-20873613.html> (accessed 25.02.2022)
22. Statistics of those vaccinated against coronavirus (COVID-19) in Kazakhstan // Website Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=OWID_WRL~KAZ (accessed 24.02.2022)
23. Statistics of people vaccinated against coronavirus (COVID-19) in China // Website Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=OWID_WRL~CHN (accessed 24.02.2022)
24. Statistics of those vaccinated against coronavirus (COVID-19) in Kyrgyzstan // Website Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=OWID_WRL~KYR (accessed 24.02.2022)
25. Statistics of those vaccinated against coronavirus (COVID-19) in Tajikistan // Website Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=OWID_WRL~TAJ (accessed 24.02.2022)
26. Statistics of those vaccinated against coronavirus (COVID-19) in Uzbekistan // Website Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=OWID_WRL~UZB (accessed 24.02.2022)
27. Tajikistan opened charitable accounts to combat the consequences of the pandemic // IA Radio Ozodi. URL: <https://rus.ozodi.org/a/30530204.html> (accessed 25.02.2022)
28. Tajikistan will send 300 million cubic meters of water to Kazakhstan // ISAP website. URL: <https://isap.center/post/1195> (accessed 25.02.2022)
29. Tajikistan diplomatically recognized the coronavirus // Publishing House Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4322778> (accessed 25.02.2022)
30. Usenov A. M. Socio-economic situation in Kyrgyzstan under the influence of the COVID-19 pandemic and the political crisis // ISAP website. URL: <https://isap.center/article/19> (accessed 25.02.2022)
31. Expansion of Sputnik: where the Russian coronavirus vaccine is produced and already used // BBC news agency. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-56675724> (accessed 25.02.2022)
32. COVID-19 and Central Asia-2020: problems, consequences, conclusions // IA Forbes.kz. URL: https://forbes.kz/process/expertise/covid-19_i_tsentralnaya_aziya-2020_problemy_posledstviya_vyivodyi (accessed 25.02.2022)
33. USAID will allocate 66 million soms to Kyrgyzstan to fight coronavirus // IA Radio Azattyk. URL: <https://rus.azattyk.org/a/30499055.html> (accessed 25.02.2022).

Павел Сергеевич ВОРОБЬЁВ, научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: pavel-vorobev-1988@mail.ru

Pavel S. VOROBEV, Researcher, Institute for Strategic Analysis and Forecast, Bishkek, Kyrgyzstan, e-mail: pavel-vorobev-1988@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 07.02.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 22.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 08.09.2022

Научная статья
УДК НЕТ
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/127-134>

Тактическое ядерное оружие КНДР как военный и дипломатический инструмент

Анастасия Олеговна БАРАННИКОВА

Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского, Владивосток, Россия, aobarannikova@gmail.com

Аннотация. В данной статье проанализированы основные причины интереса руководства КНДР к развитию тактического оружия с перспективой дальнейшего оснащения его ядерными зарядами и рассмотрены возможные сферы его применения. Было выявлено, что помимо военного применения тактическое ядерное оружие может стать эффективным средством дипломатии и аргументом для возобновления диалога КНДР и США. В зависимости от позиции международного сообщества и США в частности, ТЯО КНДР может либо способствовать возобновлению диалога и стабилизации в СВА, либо вызвать дополнительные риски и угрозы для безопасности и режима нераспространения.

Ключевые слова: тактическое оружие, ракетная дипломатия, КНДР, США, безопасность СВА, режим нераспространения

Для цитирования: Баранникова А.О. Тактическое ядерное оружие КНДР как военный и дипломатический инструмент // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 127–134. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/127-134>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-1/127-134>

Tactical nuclear weapons of the DPRK as a military and diplomatic tool

Anastasia O. BARANNIKOVA

Admiral Nevelskoy Maritime State University, Vladivostok, Russia, aobarannikova@gmail.com

Abstract. This article analyzes the main motivational factors of the DPRK leadership for the development of tactical weapons with the prospect of further equipping them with nuclear charges and considers possible areas of their application. The differences between such weapons and strategic weapons are taken into account in terms of arms control and the perception by major powers. It was revealed that, in addition to the military use of tactical nuclear weapons, it can become an effective means of diplomacy and an argument for resuming the dialogue between the DPRK and the United States. Particularly, it will allow the North Korean leadership to switch from the tactics of direct intimidation of the United States to pressure on their allies in Asia, which, if ignored, can lead to serious image losses for the United States. Depending on the position of the international community and the United States in particular, North Korean TNW can either contribute to the resumption of dialogue and stabilization in Northeast Asia, or cause additional risks and threats to security and the nonproliferation regime.

Keywords: tactical weapon, missile diplomacy, DPRK, USA, NEA security, nonproliferation regime

For citation: Barannikova A.O. Tactical nuclear weapons of the DPRK as a military and diplomatic tool // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 127–134. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/127-134>

С началом пандемии коронавируса в 2020 году многие проблемы безопасности Северо-Восточной Азии (СВА), в том числе и ядерная проблема Корейского полуострова, временно отошли на второй план. Однако в последние месяцы Корейский полуостров вновь становится центром притяжения внимания международного сообщества. Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) прекратила свой добровольный мораторий на запуски ракет большой дальности. Только с января 2022 года КНДР провела свыше 30 испытательных ракетных пусков, в том числе и ракет промежуточной и межконтинентальной дальности. И эти испытания, вероятно, не последние. Судя по возросшей активности на судовой верфи в Синпхо [7], на ядерном полигоне Пхунгери [10] и в атомном центре в Ёнбене [12], КНДР в ближайшее время может провести испытания и баллистических ракет подводных лодок, и ядерных зарядов малой мощности для своих тактических систем, и осуществить вывод на орбиту военных спутников. Военные парады и выставки вооружений, проведенные в Пхеньяне за последние два года, показывают, что КНДР активно работала над совершенствованием имеющихся систем оружия и созданием новых.

© Баранникова А.О., 2022

Следует заметить, что на фоне запусков межконтинентальных баллистических ракет (МБР) испытания других систем оружия КНДР, например, тактических, практически остались без внимания международного сообщества и не вызвали негативной реакции даже со стороны наиболее вероятного противника КНДР – США. Вплоть до 2021 года это можно было объяснить особыми отношениями между лидерами КНДР и США – Ким Чен Ыном и Дональдом Трампом и надеждой на возобновление прерванного двустороннего диалога. Однако когда стало ясно, что переговоры двух стран зашли в тупик, а новая администрация президента США заняла жесткую и консервативную позицию в отношении КНДР, отсутствие прежней реакции на испытательные пуски тактических систем КНДР можно объяснить либо тем, что проведя испытания МБР, КНДР повысила порог терпимости международного сообщества до степени, когда испытания ракет меньшей дальности уже не считаются серьезной угрозой, либо тем, что США пытаются не привлекать слишком много внимания к северокорейским тактическим системам. И на это есть серьезные причины. Тактическое оружие в ядерном оснащении может оказаться более эффективным и решающим как в гипотетическом конфликте, так и с точки зрения дипломатии. Это понимают и в КНДР, судя по тому, что страна сосредоточила свои усилия на развитии подобных систем. Недавняя активизация на полигоне Пхунгери, по мнению экспертов, связана с необходимостью КНДР в испытаниях ядерных зарядов малой мощности, то есть опять же вызвана задачами развития тактических систем оружия (хотя, в принципе, это могут быть и любые другие испытания для решения задач, поставленных 8-м съездом Трудовой партии Кореи¹).

Тактические системы, которыми обладает КНДР

В конце 2018 года КНДР провела испытания некоего "ультрасовременного тактического оружия", на которых лично присутствовал глава государства [14]. С 2019 года количество испытаний систем, называемых в официальных СМИ КНДР "тактическими", участилось. Так, были проведены испытания твердотопливных БР малой дальности KN-23 (сравниваемые с российскими "Искандер" и южнокорейскими Hyunmoo), KN-24 (сравниваемые с ATACMS), противокорабельные крылатые ракеты KN-19, крупнокалиберные реактивные системы залпового огня (РСЗО) KN-25, гиперзвуковые ракеты, а также северокорейская версия боевого железнодорожного ракетного комплекса (БЖРК).

В ходе 8-го съезда Трудовой партии Кореи (ТПК) в январе 2021 года Ким Чен Ын заявил о разработке в стране "тактического ядерного оружия включая тактические ракеты нового типа" и поставил задачу и дальше "разрабатывать тактическое ядерное оружие для применения его в современной войне в качестве различных средств по целям боевых заданий и объектам удара" [6].

В научной среде нет ясности о том, что КНДР подразумевает под словом "тактический". Имеются ли в виду ядерные ракеты малой дальности или любые системы оружия с дальностью меньше континентальной. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать международные определения тактического ядерного оружия (ТЯО), хотя и они довольно расплывчаты. С одной стороны, тактическим называют оружие, не являющееся стратегическим. В разных странах это ракеты класса "земля-земля", "земля-воздух", "воздух-воздух", оперативно-тактические ракетные комплексы (ОТРК), баллистические ракеты малой дальности (БРМД), ствольная артиллерия, авиационные бомбы, крылатые и противокорабельные ракеты, торпедное вооружение, противоракетные системы, инженерные и морские мины и т.д. По своему назначению ТЯО предназначено для применения вблизи линии фронта и в ближнем тылу неприятеля, а стратегическое – для поражения глубокого тыла неприятеля [2; 11]. Исходя из этого, ТЯО, как правило, не требует носителей большой и межконтинентальной дальности.

¹ 8-й съезд Трудовой партии Кореи состоялся в Пхеньяне 5-12 января 2021 года. В ходе съезда были подведены итоги развития ракетно-ядерной программы КНДР за прошедшую пятилетку и поставлены задачи, в числе которых работа над ракетами с разделяющейся головной частью (РРГЧ), атомной подводной лодкой и т.д.

Тем не менее есть мнения о том, что нестратегического ядерного оружия не существует в принципе, так как любое применение ЯО является стратегическим по природе и последствиям [1]. Хотелось бы добавить, что не только ядерное, но и любое тактическое оружие, если оно тем или иным образом может переломить ход конфликта (как военного, так и политического), становится стратегическим.

Официально тактическими считаются системы, не обозначенные как "стратегическое ядерное оружие" в договорах об ограничении стратегических вооружений, то есть не являющиеся стратегическими и не имеющие межконтинентальную дальность. Однако исследователи отмечают, что данная классификация отражает мышление и реалии крупных держав и в то же время игнорирует особенности и характеристики ядерных арсеналов других стран [4; 17]. Нельзя не согласиться с данным утверждением, тем более что крупные страны вроде США и региональные державы вроде КНДР изначально поставлены в разные географические условия и их ТВД, наиболее вероятный противник и ядерная доктрина существенно различаются.

Если предположить, что КНДР вкладывает в определение "тактический" тот же смысл, что и крупные державы, то к ее тактическому оружию можно отнести все вышеупомянутые системы, которые страна испытала и продемонстрировала за последние годы. Не каждая из тактических систем, имеющих в наличии у КНДР, является ядерной. Однако все они могут быть двойного назначения – способными нести как ядерную, так и конвенциональную боевую часть (БЧ). Впервые официальные источники КНДР связали испытания тактических систем с "тактическим ЯО" в апреле 2022 года [13]. Однако это не означает, что испытанная БРМД – первая тактическая ракета, способная нести ЯО. Эксперты указывают, что и более ранние северокорейские БРМД, а также относительно новые системы KN-23 и KN-24 – двойного назначения [16]. Если учесть, что еще в январе 2021 года Ким Чен Ын заявлял о том, что "осуществлены миниатюризация, облегчение, стандартизация ядерного оружия и превращение его в тактическое оружие", то можно предположить, что любая из тактических систем, проходивших испытания после января 2021, может быть оснащена ЯО. Намек на двойное назначение тактических систем, кстати, содержится и в докладе 8го съезда: "разработано сверхсовременное тактическое ядерное оружие, такое как тактическая ракета нового типа и крылатая ракета средней и большой дальности, обычные боеголовки которых по своей мощности имеют абсолютный перевес в мире..." [6]. Данное заявление указывает на вероятность оснащения систем, разрабатываемых как ТЯО, обычными боеголовками. И наоборот. При этом вероятно, что не все тактические ракеты того или иного типа будут оснащены ядерными боеголовками, если учесть, что для производства такого количества боеголовок потребуется время.

ТЯО и доктрина

Интерес КНДР к тактическому ядерному оружию официально может быть аргументирован наличием такого же оружия у наиболее вероятного противника и подозрениями северокорейского руководства в сохранении и размещении дополнительного ТЯО США на Юге Корейского полуострова. С практической точки зрения выбор в пользу ТЯО обусловлен, прежде всего, эффективностью в любом региональном конфликте. КНДР может использовать ТЯО не только против баз США на Юге Корейского полуострова и в Японии. При различных вариантах будущего развития событий в регионе эти системы позволят КНДР сдерживать РК, Китай и Россию. КНДР создает и испытывает системы оружия, направленные не только на решение сиюминутных задач и нейтрализацию текущих угроз, но и для сдерживания угроз, которые могут возникнуть в будущем. А в этом будущем противником могут оказаться вполне дружественные сегодня соседние страны. Несмотря на многолетнюю риторику, США – не единственный (и не исключено, что не самый главный) противник, и если для сдерживания США достаточно МБР в ядерном оснащении, то против соседних стран гораздо эффективнее будет ТЯО.

Ядерная доктрина КНДР предполагает создание такого потенциала, который мог бы гибко реагировать как на ядерные, так и на неядерные угрозы и быть

многочисленным и диверсифицированным. ТЯО как раз обладает данными характеристиками. Оно отличается разнообразием носителей, живучестью и мобильностью. Большинство систем оружия, которые можно отнести к ТЯО – двойного назначения, т.е. могут быть оснащены как ядерными, так и неядерными боеголовками, вводя в заблуждение наиболее вероятного противника относительно количества единиц ЯО у КНДР. Отметим, что у иностранных исследователей до сих пор нет ясности относительно оснащенности той или иной тактической системы КНДР ядерной боеголовкой и даже подобных планов. Невозможность для наиболее вероятного противника понять, оснащена ли та или иная ракета ЯО или обычной БЧ, является частью северокорейской стратегии сдерживания через неопределенность.

Имеющиеся на вооружении КНДР тактические системы позволяют обеспечить живучесть и мобильность ракетно-ядерного потенциала КНДР в целом. ТЯО может быть легко рассредоточено по всей стране, а контроль над ним может быть делегирован разным ведомствам и военным чиновникам. Хотя КНДР неоднократно давала понять, что только Ким Чен Ын может отдать приказ о применении ЯО [8; 9], в случае конфликта КНДР может взять на вооружение тактику, приписываемую Пакистану – вывести ТЯО из-под контроля Ракетных войск стратегического назначения Корейской народной армии (РВСН КНА) с целью объединения с обычными войсками для отражения атаки противника [3]. Такая децентрализация ЯО в случае ее осуществления могла бы обезопасить северокорейский потенциал и улучшить способности нанесения ответного удара даже в случае "обезглавливания" и нарушения системы управления ЯО. С этой точки зрения интересно отсутствие главы государства в ходе испытаний некоторых систем. С одной стороны, это может свидетельствовать о второстепенности некоторых испытываемых систем. С другой стороны, это может намекать на будущую децентрализацию или как минимум делегирование ответственности за ТЯО другим высокопоставленным чиновникам. Не исключено также, что намеки на делегирование контроля над отдельными видами вооружения не отражают реальность, а призваны убедить вероятного противника, что "обезглавливание" не лишит КНДР возможности нанести ядерный удар.

Хотя ошибочно полагать, что ТЯО – всегда маломощное оружие [5], велика вероятность, что ТЯО КНДР будет оснащено маломощным ЯО. Это выгодно экономически и технически. КНДР уже продемонстрировала возможности создания маломощных боеголовок – за исключением последних ядерных испытаний она проводила испытания зарядов именно малой мощности.

С одной стороны, КНДР может эффективно использовать даже маломощное ЯО для сдерживания США – из-за низкого порога приемлемости ущерба последних. В таком случае ЯО малой мощности может быть как тактическим, так и стратегическим с дальностью достигающей континентальной части США. С другой стороны, этот же уровень нетерпимости ущерба США может стать аргументом для отказа от использования ЯО малой мощности для нанесения первого удара в реальном конфликте. ЯО малой мощности остается ЯО, и его применение с точки зрения международного права и норм чревато теми же последствиями, что и применение заряда большой мощности. Так же, как и возможным асимметричным ответом США. Например, в ответ на применение КНДР маломощного ЯО США могут ответить более мощными ядерными зарядами. Применение маломощного ТЯО на собственной территории против превосходящих сил противника в случае вторжения чревато высоким риском радиационного заражения небольшой территории КНДР (хотя решающими будут погодные факторы). Поэтому КНДР модернизирует не только ядерные, но и обычные вооружения, которые могут быть задействованы в случае такого вторжения.

С другой стороны, ТЯО любой мощности, хоть возможно и не станет оружием первого удара, сможет повысить выживаемость ядерного потенциала КНДР в целом и обеспечить нанесение ответного удара. С учетом того, что тактическое ЯО может быть рассредоточено по всей стране и отсутствия у противника точных

данных о местоположении и количестве единиц ЯО, вероятность нанесения ответного удара хотя бы по базам США в Северо-Восточной Азии будет довольно высокой.

Дипломатия

ТЯО, помимо уже перечисленных характеристик и аргументов в пользу его разработки, может стать одним из инструментов внешней политики КНДР и ее ракетно-ядерной дипломатии. В условиях отсутствия диалога с США ракетно-ядерная дипломатия становится практически единственным способом взаимодействия с оппонентами. Вплоть до начала своего добровольного моратория на ядерные испытания и запуски ракет большой дальности КНДР осуществляла такое воздействие главным образом на США, проводя демонстрации и испытания МБР, способных доставить ядерный заряд на их территорию. Хотя в свое время двусторонний обмен угрозами и эскалация напряженности привели к историческому саммиту США и КНДР в Сингапуре в 2018 году, на позицию США по ядерному вопросу на КП в целом северокорейские МБР особо не повлияли. КНДР по-прежнему необходим хотя бы формальный диалог с США для сдерживания влияния Китая, но этот диалог ни в коей мере не должен негативно отразиться на имидже лидера КНДР внутри страны. С этой точки зрения США должны пойти на ряд уступок перед КНДР прежде чем станет возможным возобновление переговоров.

Вероятно, с этой целью КНДР и сосредоточилась на испытаниях тактических систем. Чередование испытаний МБР и тактических систем не только вызвано техническими потребностями и связано с выполнением задач 8-го съезда по модернизации ядерного потенциала страны [6]. Оно также является своеобразной ракетной дипломатией. И если МБР можно расценивать как прямой сигнал в адрес США, то ТЯО идеально подходит для оказания давления на союзников США в США – РК и Японию. При этом испытания ТЯО не вызывают столь резко негативной реакции международного сообщества, какую вызывали, например, МБР и ракеты промежуточной/большой дальности, а значит, их можно проводить как угодно часто и даже во время пауз в переговорах с другими странами. Вероятно, США не воспринимают ТЯО КНДР в качестве угрозы в силу вышеупомянутого великодержавного мышления. ТЯО не является стратегическим оружием, не угрожает континентальной части территории США и, следовательно, не вызывает обеспокоенности ВПР США и резонанса в СМИ.

Однако северокорейское тактическое оружие, способное поразить цели на территориях РК и Японии, представляет вполне реальную военную угрозу для азиатских союзников США. Помимо своих технических преимуществ ТЯО является еще и эффективным психологическим оружием. Порог применения тактического и/или маломощного ЯО относительно низок, что в сочетании с "тактикой безумца" и стратеминым мышлением руководства КНДР эффективно работает на устрашение противника. В случае игнорирования опасений РК и Японии США рискуют дальнейшим ухудшением имиджа сильного и надежного союзника, что в дальнейшем может привести к размыванию альянсов и даже расширению "ядерного клуба". Реагирование на данную угрозу путем демонстративного возвращения американского ТЯО на Корейский полуостров не только не нейтрализует северокорейское ТЯО и подстегнет КНДР к дальнейшей модернизации вооружения, но и будет воспринято в качестве угрозы Китаем и Россией со всеми вытекающими последствиями вроде гонки вооружений. По сути, у США нет иных вариантов решения проблемы северокорейского ТЯО, кроме переговоров с КНДР. Вероятно, на это и рассчитывает КНДР, проводя демонстрации данных систем оружия.

И не исключено, что в будущем именно ТЯО КНДР заставит США изменить свою позицию и сесть за стол переговоров. Но для того, чтобы данные переговоры были успешными, необходимо пересмотреть не только повестку будущих переговоров, но и отношение международного сообщества к ядерному статусу КНДР в целом. Тем более что уже наметились сдвиги в восприятии северокорейской ракетно-ядерной программы, вызванные отчасти изменением глобального порядка, противостоянием США и Китая и коллективного Запада и России. В качестве при-

мера можно взять хотя бы использование Россией и Китаем права вето при голосовании в СБ ООН 26 мая 2022 года по проекту резолюции США, предполагающей ужесточение санкций в отношении КНДР. Тем не менее изменение отношения к северокорейской ядерной программе не предполагает ее игнорирования. С КНДР можно и необходимо договариваться, но не о недостижимой "денуклеаризации", а, например, о контроле над вооружениями. Такие переговоры были бы куда более равноправными и учитывающими интересы всех сторон, а значит, и вызвали бы больше понимания у северокорейского руководства. Сам выбор северокорейского руководства в пользу ТЯО, которое не охвачено договорами и механизмами контроля вооружений позволяет предположить, что КНДР может в будущем пойти на переговоры и даже согласиться присоединиться к инициативам по контролю/ограничению стратегических вооружений в обмен на реинтеграцию в мировую торговую-экономическую систему. При этом ТЯО, не являющее стратегическим и при этом наиболее эффективное для КНДР, никакие ограничения не затронут.

В случае продолжения контрпродуктивного подхода США к КНДР, состоящего из исключительно санкций и давления и игнорирования опасений союзников, не исключен и негативный сценарий развития событий в регионе. А именно союзники США могут вступить на путь ядерного вооружения, стремясь обезопасить себя от нынешних и будущих угроз. Опросы показывают, что в РК резко вырос процент людей, поддерживающих собственное ЯО [15]. В случае появления ЯО у РК такое же оружие непременно появится у Японии. Дистанцирование США в случае с Афганистаном и в нынешней ситуации вокруг Украины могло натолкнуть и РК, и Японию на мысль, что в случае конфликта в Северо-Восточной Азии им придется защищать себя самостоятельно и на помощь США лучше не рассчитывать. Несмотря на громкие заявления нового президента РК об укреплении связей и развитии альянса с США, последние стремительно теряют свою состоятельность и авторитет как союзник. Эта утрата авторитета и риск остаться один на один с куда более серьезными военными угрозами, чем северокорейские ТЯО, могут привести РК и Японию к вынужденному принятию политических решений о развитии военных ядерных программ.

Распространение может произойти и по инициативе КНДР. В случае, если КНДР не сможет обеспечить свою экономику "нормальными" способами – торговлей или хотя бы получением помощи – она может начать продавать ракетные технологии другим странам и даже негосударственным акторам. ТЯО, в отличие от стратегических систем, гораздо легче скрытно транспортировать и таким образом поставлять покупателям.

Таким образом, ТЯО КНДР несет как риски для регионального режима нераспространения, так и перспективы возвращения к диалогу КНДР-США и хотя бы временной нормализации ситуации в Северо-Восточной Азии. Сценарий развития событий будет определяться позициями стран региона и их отношением к ядерному статусу КНДР.

Литература

1. Белоус В. Тактическое ядерное оружие на рубеже XXI века // Центр военно-политических исследований. 20.03.1999. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/23372> (дата обращения: 3.07.2022)
2. Лата В.Ф., Вильданов М.П., Бондарев В.М. Тактическое ядерное оружие // ПИР-Центр. URL: <https://www.pircenter.org/sections/201-takticheskoe-yadernoe-oruzhie> (дата обращения: 3.07.2022)
3. Ashley J. Tellis. Striking Asymmetries Nuclear Transitions in Southern Asia // Carnegie Endowment for International Peace. 18.07.2022. URL: https://carnegieendowment.org/files/202207-Tellis_Striking_Asymmetries-final.pdf (дата обращения: 1.08.2022)
4. Catherine M. Kelleher, Scott L. Warren. Getting to Zero Starts Here: Tactical Nuclear Weapons // Arms Control Today. 2.20.2009. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2009-10/getting-zero-starts-here-tactical-nuclear-weapons> (дата обращения: 5.07.2022)
5. Eva Lisowski. Potential Use of Low-Yield Nuclear Weapons in a Korean Context // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2022. N. 5: sup1. Pp. 85-100. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/25751654.2022.2057672> (дата обращения: 1.08.2022)
6. Great Programme for Struggle Leading Korean-style Socialist Construction to Fresh Victory. On Report Made by Supreme Leader Kim Jong Un at Eighth Congress of WPK // KCNA. 9.01.2021. URL: <http://kcnk.kp>

(дата обращения: 10.01.2021)

7. Joseph S. Bermudez Jr., Victor Cha and Jennifer Jun. Unusual Movement of the 8.24 Yongung Experimental Ballistic Missile Submarine at Sinpo South Shipyard // *Beyond Parallel*. 29.03.2022. URL: <https://beyondparallel.csis.org/unusual-movement-of-the-8-24-yongung-experimental-ballistic-missile-submarine-at-sinpo-south-shipyard/> (дата обращения: 1.04.2022)

8. Kim Jong Un's New Year Address // *Rodong Sinmun*. 2.01.2018. URL: <http://www.rodong.rep.kp> (Дата обращения: 3.07.2022) дата

9. Law on Consolidating Position of Nuclear Weapons State Adopted // *KCNA*. 1.04.2013. URL: <http://kcna.kp> (дата обращения: 1.04.2022)

10. North Korea: satellite images suggest building work at nuclear test site for first time since 2018 // *The Guardian*. 8.03.2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/08/north-korea-satellite-images-suggest-building-work-at-nuclear-test-site-for-first-time-since-2018> (дата обращения: 1.04.2022)

11. Nuclear Matters Handbook 2020 // Office of the Deputy Assistant Secretary of Defense for Nuclear Matters. 02.2020. URL: <https://man.fas.org/eprint/nmhb2020.pdf> (дата обращения: 1.08.2022)

12. Olli Heinonen, Peter Makowsky. North Korea's Yongbyon Nuclear Center: In Full Swing // *38 North*. 3.03.2022. URL: <https://www.38north.org/2022/03/north-koreas-yongbyon-nuclear-center-in-full-swing/> (дата обращения: 1.04.2022)

13. Respected Comrade Kim Jong Un Observes Test-fire of New-type Tactical Guided Weapon // *Rodong Sinmun*. 17.04.2022. URL: <http://www.rodong.rep.kp> (Дата обращения: 3.07.2022)

14. Supreme Leader Kim Jong Un Supervises Newly Developed Tactical Weapon Test // *KCNA*. 16.11.2018. URL: <http://kcna.kp> (дата обращения: 3.07.2022)

15. Toby Dalton, Karl Friedhoff, Lami Kim. Thinking Nuclear: South Korean Attitudes on Nuclear Weapons // *The Chicago Council on Global Affairs*. 21.02.2022. URL: <https://www.thechicagocouncil.org/research/public-opinion-survey/thinking-nuclear-south-korean-attitudes-nuclear-weapons> (дата обращения: 1.03.2022)

16. Vann H. Van Diepen, Daniel R. Depetris. Putting North Korea's New Short-Range Missiles Into Perspective // *38 North*. 5.09.2019. URL: <https://www.38north.org/2019/09/vvandiependdepetris090519/> (дата обращения: 3.07.2022)

17. William Potter, Nikolai Sokov. Tactical Nuclear Weapons: The Nature of the Problem // *James Martin Center for Nonproliferation Studies*. 4.01.2001. URL: https://web.archive.org/web/20100408195529/http://cns.miis.edu/reports/tnw_nat.htm (дата обращения: 1.08.2022).

References

1. Belous V. Tactical nuclear weapons at the turn of the 21st century // *Center for Military-Political Research*. 20.03.1999. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/23372> (accessed 3.07.2022) (In Russ.)

2. Lata V.F., Vil'danov M.P., Bondarev V.M. Tactical nuclear weapons // *PIR Center*. URL: <https://www.pircenter.org/sections/201-takticheskoe-yadernoe-oruzhie> (accessed 3.07.2022) (In Russ.)

3. Ashley J. Tellis. Striking Asymmetries Nuclear Transitions in Southern Asia // *Carnegie Endowment for International Peace*. 18.07.2022. URL: https://carnegieendowment.org/files/202207-Tellis_Striking_Asymmetries-final.pdf (accessed 1.08.2022)

4. Catherine M. Kelleher, Scott L. Warren. Getting to Zero Starts Here: Tactical Nuclear Weapons // *Arms Control Today*. 2.20.2009. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2009-10/getting-zero-starts-here-tactical-nuclear-weapons> (accessed 5.07.2022)

5. Eva Lisowski. Potential Use of Low-Yield Nuclear Weapons in a Korean Context // *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*. 2022. N. 5: sup1. Pp. 85-100. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/25751654.2022.2057672> (accessed 1.08.2022)

6. Great Programme for Struggle Leading Korean-style Socialist Construction to Fresh Victory. On Report Made by Supreme Leader Kim Jong Un at Eighth Congress of WPK // *KCNA*. 9.01.2021. URL: <http://kcna.kp> (accessed 10.01.2021)

7. Joseph S. Bermudez Jr., Victor Cha and Jennifer Jun. Unusual Movement of the 8.24 Yongung Experimental Ballistic Missile Submarine at Sinpo South Shipyard // *Beyond Parallel*. 29.03.2022. URL: <https://beyondparallel.csis.org/unusual-movement-of-the-8-24-yongung-experimental-ballistic-missile-submarine-at-sinpo-south-shipyard/> (accessed 1.04.2022)

8. Kim Jong Un's New Year Address // *Rodong Sinmun*. 2.01.2018. URL: <http://www.rodong.rep.kp> (accessed 3.07.2022)

9. Law on Consolidating Position of Nuclear Weapons State Adopted // *KCNA*. 1.04.2013. URL: <http://kcna.kp> (accessed 1.04.2022)

10. North Korea: satellite images suggest building work at nuclear test site for first time since 2018 // *The Guardian*. 8.03.2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/08/north-korea-satellite-images-suggest-building-work-at-nuclear-test-site-for-first-time-since-2018> (accessed 1.04.2022)

11. Nuclear Matters Handbook 2020 // Office of the Deputy Assistant Secretary of Defense for Nuclear Matters. 02.2020. URL: <https://man.fas.org/eprint/nmhb2020.pdf> (accessed 1.08.2022)

12. Olli Heinonen, Peter Makowsky. North Korea's Yongbyon Nuclear Center: In Full Swing // *38 North*.

3.03.2022. URL: <https://www.38north.org/2022/03/north-koreas-yongbyon-nuclear-center-in-full-swing/> (accessed 1.04.2022)

13. Respected Comrade Kim Jong Un Observes Test-fire of New-type Tactical Guided Weapon // Rodong Sinmun. 17.04.2022. URL: <http://www.rodong.rep.kp> (accessed 3.07.2022)

14. Supreme Leader Kim Jong Un Supervises Newly Developed Tactical Weapon Test // KCNA. 16.11.2018. URL: <http://kcnk.kp> (accessed 3.07.2022)

15. Toby Dalton, Karl Friedhoff, Lami Kim. Thinking Nuclear: South Korean Attitudes on Nuclear Weapons // The Chicago Council on Global Affairs. 21.02.2022. URL: <https://www.thechicagocouncil.org/research/public-opinion-survey/thinking-nuclear-south-korean-attitudes-nuclear-weapons> (accessed 1.03.2022)

16. Vann H. Van Diepen, Daniel R. Depetris. Putting North Korea's New Short-Range Missiles Into Perspective // 38 North. 5.09.2019. URL: <https://www.38north.org/2019/09/vvandiependdepetris090519/> (accessed 3.07.2022)

17. William Potter, Nikolai Sokov. Tactical Nuclear Weapons: The Nature of the Problem // James Martin Center for Nonproliferation Studies. 4.01.2001. URL: https://web.archive.org/web/20100408195529/http://cns.miis.edu/reports/tnw_nat.htm (accessed 1.08.2022).

Анастасия Олеговна БАРАННИКОВА, канд. ист. наук, эксперт НОЦ Морского транспорта и пространственной логистики Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского, г. Владивосток, Россия, e-mail: aobarannikova@gmail.com

Anastasia O. BARANNIKOVA, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Center for Marine Transport and Spatial Logistics, Admiral Nevelskoy Maritime State University, Vladivostok, Russia, e-mail: aobarannikova@gmail.com

Поступила в редакцию

(Received) 17.08.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 17.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 08.09.2022

Научная статья
УДК 327 (470+575.3)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/135-143>

Российско-таджикское военное и военно-техническое сотрудничество в двустороннем формате и в рамках ОДКБ

Гузель Майтдиновна МАЙТДИНОВА

Российско-Таджикский (Славянский) университет, Центр геополитических исследований РТСУ, Таджикская Академия архитектуры и строительства, Душанбе, Республика Таджикистан, guzel-maitdinova@mail.ru

Отбек Мурадович ШАРАПОВ

Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан, omsharopov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию основных направлений взаимодействия России и Таджикистана в рамках ОДКБ в условиях формирования нового мирового порядка. В работе проанализированы главные факторы сотрудничества двух государств в военно-политической сфере в формате данной организации. В статье исследованы также роль и значение российско-таджикского взаимодействия в развитии и укреплении интеграционных процессов в формате ОДКБ. Авторами дан прогноз возможностей эффективного противодействия ОДКБ основным вызовам и угрозам региональной безопасности и перспективам развития организации.

Ключевые слова: безопасность, угроза, проблема, интеграция, регион, международные отношения

Для цитирования: Майтдинова Г.М., Шарапов О.М. Российско-таджикское военное и военно-техническое сотрудничество в двустороннем формате и в рамках ОДКБ // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 135–143. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/135-143>

Original article

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/135-143>

Russian-Tajik military and technical cooperation in bilateral format and within the framework of the CSTO

Guzel M. MAITDINOVA

Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Center for Geopolitical Studies, Russian-Tajik (Slavic) University, Tajik Academy of Architecture and Construction, Dushanbe, Republic of Tajikistan, guzel-maitdinova@mail.ru

Otabek Muradovich SHARAPOV

Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan, omsharopov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the main areas of cooperation between Russia and Tajikistan within the framework of the CSTO in the conditions of the formation of a new miter order. The main factors of cooperation between the two states in the military-political sphere in the format of this organization are analyzed in the work. The article also studies the role and importance of Russian-Tajik cooperation in the development and strengthening of integration processes in the CSTO format. The authors gave a forecast of the possibilities of effective counteracting the CSTO to the main challenges and threats to regional security and the prospects for the development of the organization.

Keywords: security, threat, problem, integration, region, international relations

For citation: Maitdinova G.M., Sharapov O.M. Russian-Tajik military and technical cooperation in bilateral format and within the framework of the CSTO // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 135–143. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/135-143>

8 апреля 2022 года исполнилось ровно тридцать лет с момента установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан. Тридцать лет с исторической точки зрения – срок достаточно небольшой. Однако этот период вполне достаточный для проведения анализа и исследования взаимодействия России и Таджикистана, выявления основных приоритетов и проблем сотрудничества стран, подведения некоторых промежуточных итогов, выработки определенных рекомендаций и прогнозов по дальнейшему развитию межгосударственного диалога. За указанный период российско-таджикское взаи-

модействие, достигшее уровня стратегического партнерства и союзничества, активно развивается как на двустороннем уровне, так и в формате международных и региональных организаций. Как известно, Россия и Таджикистан после распада СССР стали со-основателями (совместно с рядом других государств) таких объединений, как Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Необходимо отметить, что Организация Договора о коллективной безопасности является важным механизмом по обеспечению региональной безопасности в зоне своего действия. Российская Федерация и Республика Таджикистан заинтересованы во взаимодействии в рамках данной организации и её укреплении, так как очевидно, что без обеспечения безопасности в регионе развитие сотрудничества и интеграции между странами практически невозможно. В то же время необходимо отметить, что именно российско-таджикскому взаимодействию принадлежит особая роль в рамках военно-политической интеграции в формате ОДКБ. Это связано прежде всего с тем, что из всех стран Содружества Независимых Государств Таджикистан имеет самую протяженную границу с Афганистаном и является первым рубежом в противостоянии многим современным угрозам коллективной безопасности, которые в основном исходят с территории соседнего государства. Эскалация угрозы Талибан, ИГИЛ, наркотрафика, организованной преступности, религиозного экстремизма и т.д. в афганском Бадахшане, граничащего с Китаем, Пакистаном, с Таджикистаном является серьезным вызовом для региональной безопасности. В этих условиях Таджикистан выступает в какой-то мере буферным государством в противодействии нынешним угрозам безопасности как для государств – участников ОДКБ, так и для всего постсоветского пространства в целом. Кроме того, определенным вызовом региональной и национальной безопасности являются существующие в регионе нерешенные этнополитические проблемы. Существуют определенные вызовы стабильности Таджикистана в условиях формирования нового мирового порядка и пандемии COVID-19, которые могут сказаться на темпах реализации Национальной стратегии развития-2030: проблема анклавов и неурегулированные границы в Ферганской долине, неопределенность афганского фактора, незавершенность этноконсолидационных процессов в Таджикистане, усиление религиозного экстремизма, изменение климата, демографические проблемы, коррупция, высокие риски и вызовы, связанные с бедностью населения, информационной безопасностью и др.

С другой стороны, во многом состояние и развитие коллективной безопасности на пространстве ОДКБ зависит прежде всего от самой России, имеющей мощный военный и технический потенциал в регионе и в мире в целом. Участие России и Таджикистана в интеграционных процессах в формате ОДКБ остается в определенной мере одной из важных составляющих всего российско-таджикского стратегического партнерского и союзнического взаимодействия, содействуя укреплению двустороннего и многостороннего военно-политического и военно-технического сотрудничества двух государств. И для России, и для Таджикистана военно-политические связи со странами – участницами ОДКБ и СНГ все еще являются более приоритетными, нежели взаимодействие в указанных областях с другими государствами.

Необходимыми направлениями совместного взаимодействия в развитии интеграционных процессов являются деятельность по сближению законодательств и межпарламентское сотрудничество в рамках ОДКБ. Это направление способствует выработке модельных законодательных актов, служащими в качестве основы для разработки внутреннего законодательства государств-членов, что облегчает и гармонизирует интеграционные процессы. Более того, благодаря межпарламентскому сотрудничеству укрепляются связи с другими международными и региональными организациями, что способствует созданию дополнительных площадок для политического диалога и поиска некоего консенсуса между разными объединениями.

ОДКБ является важным сдерживающим и превентивным фактором в плане обеспечения безопасности в постсоветской Азии. На современном этапе развития организации среди основных приоритетов взаимодействия государств – участников в рамках ОДКБ можно назвать следующие сферы:

- противодействие угрозам и вызовам безопасности,
- военное сотрудничество,
- координация внешнеполитических позиций,
- развитие контактов с другими международными организациями,
- совместная деятельность по сближению законодательств.

Эффективное решение проблем региональной безопасности весьма сложно в условиях, когда ситуация в Афганистане уже на протяжении более чем сорока лет не меняется в положительную сторону. В связи с указанными факторами Таджикистан нуждается в регулярной помощи и поддержке России и других государств-участников в рамках СНГ и ОДКБ для более эффективного противодействия и решения проблем региональной безопасности. Однако на деле же получается, что самый весомый вклад в оказании содействия Таджикистану в сфере противостояния основным угрозам и вызовам безопасности оказывает как раз таки Россия. Важной оказалась помощь России Таджикистану и в последние годы, несмотря на все трудности, связанные с мировой пандемией. Таким образом, значимость российско-таджикского партнерства в рамках всей военно-политической интеграции в ОДКБ будет все более возрастать, а роль Таджикистана в обеспечении региональной стабильности, по нашему мнению, будет еще более существенной в связи с внутривосточной ситуацией в соседнем Афганистане.

Говоря о борьбе с угрозами и вызовами безопасности как одном из самых важных направлений деятельности в рамках ОДКБ, здесь приходится констатировать, что объем и количество данных проблем не снижается и приобретает более транснациональный характер. События 2020–2022 гг. периода пандемии продемонстрировали, что нетрадиционные угрозы безопасности трансформируются, приобретая все более трудный и глобальный масштаб, в том числе благодаря и искусственному содействию. Поэтому появляются опасения по поводу последствий таких угроз, как распространение различных эпидемий, экологических катастроф, применения химического или биологического оружия. Вместе с этими угрозами остаются актуальными такие проблемы, как терроризм и экстремизм, коррупция, незаконная миграция, торговля людьми, нелегальный оборот оружия и наркотиков, организованная преступность, в том числе и в информационной среде. Для борьбы с данными угрозами региональной безопасности проводятся и реализуются различные операции и программы в формате ОДКБ, которые уже получили международное признание и продемонстрировали значимые результаты [4].

В условиях глобализации меняются определенные правила игры на международной арене. В современных геополитических реалиях, когда Уставом ООН запрещены ведение традиционных войн, сторонники переформатирования политического поля региона для достижения своих геополитических целей в Центральной Азии будут все более использовать инструменты "гибридных войн". Сочетание возникших в Центральной Азии внутренних и внешних проблем требуют новых подходов к обеспечению ее безопасности, от которой, в свою очередь, зависит стабильность ситуации далеко за ее пределами. К внешним факторам относятся: международный экстремизм и терроризм, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми, незаконный оборот оружия [5, с. 154], влияние внешних сил на процесс принятия политических решений при реализации национальных стратегий развития, организованная преступность. Проблемами внутреннего характера, которые могут быть использованы внешними силами для ведения "гибридных войн", являются нерешенные пограничные проблемы, дефицит земли и воды, религиозный экстремизм, межэтнические отношения, нелегальная миграция, демографические и экологические проблемы, трайбализм, бедность населения. С помощью информационных технологий вышеуказанные вызовы могут послужить основой для крупномасштабной эскалации конфликтов. Наглядным примером которого

может служить недавний кровопролитный конфликт в Казахстане, который возник на базе нерешенных социальных проблем на фоне пандемии COVID-19 и повышением цен на газ в стране, а затем народными протестами воспользовались организованные деструктивные силы с использованием интернет-сети для эскалации конфликта и достижения своих политических целей. Только своевременный ввод миротворческих сил ОДКБ в Казахстан по приглашению Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева в соответствии со статьями 2 и 4 Договора о коллективной безопасности и взятие КМС ОДКБ стратегически важных объектов под охрану способствовал в короткие сроки перелому ситуации в Казахстане, восстановлению стабильности и конституционного порядка в стране [2]. Первая миротворческая операция ОДКБ в Казахстане носила полностью легитимный характер и проводилась в соответствии с положениями Соглашения о миротворческой деятельности ОДКБ, которое зарегистрировано в Секретариате ООН. Четкая организация по переброске и развертыванию Коллективных миротворческих сил ОДКБ в Казахстане, оперативные действия и позитивные результаты миротворческих сил государств-членов ОДКБ были положительно оценены ООН.

В центральноазиатском регионе, еще раз подчеркиваем, имеется целый комплекс угроз и вызовов не только национальной безопасности Таджикистана, но и стабильности евразийского пространства: деятельность международных террористических организаций в Афганистане и возможный усиление их действий на территорию государств Центральной Азии; распространение религиозного экстремизма и повышения уровня деятельности организованной преступности. Вышеуказанные вызовы национальной безопасности влияют не только на развитие региональной геополитической обстановки, но и на перспективы реализации национальных стратегий развития новых центральноазиатских государств. В этих условиях любые конфликты на основе вышеперечисленных угроз и вызовов могут быть частью "гибридной войны" для достижения политических целей определенных кругов. В Центральной Азии получили распространение следующие виды "гибридных войн": информационные войны, террористические войны, опиумные войны, кибервойны, водные войны, пограничные войны, эмигрантские войны, этнические войны, транспортные или воздушные войны, рельсовые войны [5, с. 154–155] и даже "кетменные" войны. Существуют определенные вызовы стабильности Таджикистана в условиях формирования нового мирового порядка и пандемии COVID-19, которые могут сказаться на темпах реализации НСР-30: проблема анклавов и не урегулированные границы в Ферганской долине, неопределенность афганского фактора, не завершенность этноконсолидационных процессов в Таджикистане, усиление религиозного экстремизма, изменение климата, демографические проблемы, коррупция, высокие риски и вызовы, связанные с бедностью населения, информационной безопасности и др. В настоящее время актуализируются наряду с нетрадиционными угрозами безопасности и традиционные военные угрозы – угроза проникновения внешних сил со стороны Афганистана, несмотря на то что укрепление таджикско-афганской границы подверглось серьезной модернизации и что сдерживающим фактором от военных угроз служит не только таджикские вооруженные силы, но и Российская 201 военная база в Таджикистане. Здесь необходимо учитывать, что в Афганистане идет "гибридная война", в рамках которой развернуты "террористические войны, межэтнические войны, внутриконфессиональные войны, информационные войны, которые непосредственно влияют через технологии информационных войн и на развитие новых государств Центральной Азии, на реализацию их Стратегий развития на XXI век. Исходящие из Афганистана угрозы терроризма, нелегальной миграции, религиозного экстремизма, наркотрафика, организованной преступности, торговли оружием и людьми, фейковая информация являются частью технологии "гибридной войны". В этих условиях многолетняя инициатива о создании "пояса безопасности" вдоль таджикско-афганской границы является актуальнейшей проблемой региональной безопасности. В данном контексте являются своевременными разработка и принятие государствами-членами ОДКБ Целевой межгосударственной

программы по укреплению участков таджикско-афганской границы. По согласованию с союзниками по ОДКБ укрепилось таджикско-китайское сотрудничество по сохранению стабильности в трансграничном Амударьинском регионе. В настоящее время Китай значительно расширил помощь пограничным войскам Таджикистана. В целях принятия превентивных для безопасности СУАР КНР, в октябре 2016 г. было подписано таджикско-китайское межправительственное соглашение о выделении китайского гранта на модернизацию пограничной инфраструктуры Таджикистана в сопредельных с Афганистаном районах. В соответствии с договоренностями китайской стороной построены три комендатуры, пять пограничных застав и постов, один учебный центр в труднодоступной горной местности. В настоящее время Китай планирует построить второй военный объект для Таджикистана, который будет расположен в отдаленном селении Вахан, в Горно-Бадахшанской автономной области страны и принадлежать он будет специальному отряду быстрого реагирования – силам специального назначения, подведомственным управлению по борьбе с организованной преступностью МВД Республики Таджикистан. На реализацию проекта Китай выделит около \$10 млн. [7].

Кроме того, специальные службы Таджикистана, России и Китая координируют совместную работу через Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) ШОС в Ташкенте и сотрудничают напрямую. Они занимаются выявлением каналов финансирования террористов, обеспечивают безопасность зарубежных объектов. В ноябре 2019 года при финансовой поддержке Китая в Душанбе был создан Центр по борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. При финансовой поддержке Китая в Таджикистане в целях укрепления таджикско-афганской границы были вновь отстроены 4 пограничные заставы и учебный центр Погранвойск [1]. Все эти меры являются частью реализации таджикской инициативы по созданию пояса безопасности вдоль таджикско-афганской границы и носят превентивный характер перед потенциальными новыми угрозами региональной безопасности, связанными с афганской проблемой. Следует отметить, что в контексте сохранения региональной стабильности, важное значение имеет и недавний саммит в Китае внешнеполитических ведомств соседних к Афганистану государств, России, где обсуждались подходы к решению афганской проблемы.

Политика противодействия "гибридным войнам" в Центральной Азии имеет свои характерные особенности, учитывая комплекс проблем, имеющих в каждом государстве региона и их потенциал для эскалации конфликтов различного уровня. В каждом проявлении черт "гибридной войны" требуется учет базовых локальных причин и принятия конкретных решений, применительно в данному дестабилизирующему фактору. Но существуют базовые превентивные меры против проявлений "гибридных войн", где важно участие сил разного уровня в политике противодействия. Успешный миротворческий опыт ОДКБ в Казахстане по противодействию гибридной агрессии является неким прецедентом для начала отработки механизмов реагирования организации в условиях гибридных войн с учетом региональной специфики и характерных особенностей конфликтов, а самое важное – обеспечение безопасности стратегической инфраструктуры.

Важной составляющей гибридной агрессии являются сетевые, информационные войны. Именно в обеспечении информационной безопасности требуются коллективные усилия государств Центральной Азии. Таджикистан сотрудничает с государствами Центральной Азии по обеспечению информационной безопасности в рамках ОДКБ, ШОС, СНГ. ШОС и ОДКБ стали одной из тех площадок, где с участием центральноазиатских государств началось интенсивное решение проблем, связанных с международной информационной безопасностью (МИБ). В центральноазиатских государствах до сих пор не ведется системная подготовка специалистов в сфере обеспечения информационно-идеологической безопасности, в том числе профессионалов в области пропаганды и контрпропаганды [3]. В этом контексте давно назрела необходимость создания Центральноазиатской Академии кибербезопасности ОДКБ для подготовки специалистов для ведения информационно-идеологического противодействия информационным угрозам. Государства

Центральной Азии во многом находятся под информационно-психологическим воздействием в новых геополитических реалиях и в условиях пандемии COVID-19. Объектами воздействия оказываются 1) психика политэлиты и населения; 2) система формирования общественного сознания; 3) система формирования общественного мнения. В этих условиях важно повышение профессионализма специалистов, работающих в области телевидения, в национальных интернет ресурсах, а также развитие национального кинематографа. Практической мерой противостояния информационным угрозам стала бы инициатива создания единого информационного пространства ОДКБ, где бы были унифицированы правовое регулирование отношений в информационной сфере, а также средства поиска, сбора, хранения, анализа и защиты информации в государствах, входящих в состав организации. Однако в настоящее время в государствах-членах ОДКБ сформировались различные модели информационного пространства. В силу этих причин формирование единого информационного пространства в рамках ОДКБ представляется длительным и сложным процессом. В данном контексте важно создание в 2021 году Евразийского информационно-аналитического консорциума, председателем координационного совета которого является экс-генсек ОДКБ Н.Н. Бордюжа.

В вопросах борьбы с современными угрозами и вызовами региональной безопасности серьезное значение имеет военное взаимодействие в формате ОДКБ, важнейшими составляющими которого являются такие сферы совместного взаимодействия, как военное строительство, военно-техническое и военно-экономическое сотрудничество. К настоящему времени в формате ОДКБ уже созданы коллективные силы и средства коллективной безопасности, которые составляют Войска (Коллективные силы) ОДКБ. Как показали события в Казахстане в январе 2022 г., Коллективные силы ОДКБ в целях обеспечения безопасности могут быть оперативно применены как на территории государств-участников организации, так и за ее пределами. Важным аспектом военного сотрудничества в рамках ОДКБ являются также проводимые на регулярной основе совместные учения вооруженных сил государств-членов [8]. Несмотря на пандемию COVID-19, в ноябре 2020 года на полигонах Ляур, Самбули и Харб-Майдон прошла серия масштабных совместных учений с применением тяжелой техники и беспилотников на основе опыта современных вооруженных конфликтов. Вблизи таджикско-афганской границы регулярно проходят маневры "Боевое братство". В них участвуют многотысячные группировки войск ОДКБ, авиация и ракетные комплексы "Искандер".

Одной из приоритетных областей военного взаимодействия является военно-техническое сотрудничество, в качестве важного принципа которого предусмотрен льготный режим поставок военной продукции по внутренним ценам для государств-участников организации. Это положение весьма значимо именно для таких стран, как Армения, Кыргызстан и Таджикистан, возможности которых несколько ограничены. С целью же решения вопросов военно-экономического взаимодействия в формате организации создана Межгосударственная комиссия по военно-экономическому сотрудничеству, в рамках деятельности которой налаживается работа по развитию кооперационных связей предприятий военного характера, формированию сервисных центров, реализации кооперационных проектов и связей. Как государства-члены ОДКБ, Таджикистан и Россия укрепляют военное и военно-техническое сотрудничество не только в многостороннем, но и в двустороннем форматах. Лидирующие позиции России в этой области сотрудничества с Таджикистаном во многом обусловлены традиционными связями, подавляющим преобладанием в таджикской армии вооружения и военной техники российского (советского) производства, укомплектованностью основных звеньев командного состава Вооруженных сил РТ кадрами, прошедшими обучение и подготовку в военных учебных заведениях Российской Федерации. Россия содействует модернизации Вооруженных сил Таджикистана, передавая ей продукцию военного назначения. Всего с 2014 года Россия подготовила более 7 тыс. военнослужащих, что значительно сказывается на повышении боевой готовности вооруженных сил Республики Таджикистан. В 2021 году уже приступили к подготовке очередной груп-

пы военнослужащих. В их числе на полигоне Ляур планируется подготовить 140 танкистов и 70 наводчиков минометов [6]. На полигонах 201 РВБ в Таджикистане ведется подготовка командиров и специалистов младшего звена военнослужащих Вооруженных сил Таджикистана. Ежегодно для Министерства обороны Таджикистана здесь готовятся до одной тысячи военных специалистов: саперов, разведчиков, механиков-водителей танков и БМП, артиллеристов. Ежегодно на безвозмездной основе обучение в России проходят порядка около 500–1000 таджикских военнослужащих. Только в 2020 году в России обучено прошли около 1000 младших специалистов для Министерства обороны Таджикистана. Несмотря на пандемию, специализированные российские вузы продолжили обучение молодых военнослужащих Минобороны Таджикистана, ГКНБ и его Погранвойск. В рамках Программы модернизации национальных Вооруженных сил Таджикистана Россия оказывает содействие в укреплении таджикского оборонного потенциала. Между тем, учитывая возможное нарастание военной угрозы из Афганистана, принимая превентивные меры, в составе 201-й РВБ в 2019 г. был сформирован батальон беспилотной авиации в составе батальона роты малой и ближней дальности, вооруженные комплексами с беспилотными летательными аппаратами "Орлан-10", "Леер-3", "Элерон", "Гранат" и "Тахион", а также отряд большой дальности, оснащенный комплексом с БПЛА "Форпост". На вооружение 201-й российской военной базы в Таджикистане поступил новейший комплекс радиопомех "Поле-21". В октябре 2020 г. завершилось перевооружение авиагруппы 201-й военной базы в Таджикистане современными модификациями транспортно-боевых вертолетов Ми-8МТВ5-1. Только в феврале 2021 года Россия безвозмездно передала вооруженным силам Республики Таджикистан более 40 единиц инженерной и специальной техники.

Укрепление системы коллективной безопасности по противодействию гибридным угрозам актуально в рамках сотрудничества ОДКБ. ОДКБ способна противостоять потенциальным и действительным угрозам и вызовам региональной безопасности. Взаимодействие России и Таджикистана в формате ОДКБ остается неотъемлемой и важной составляющей всей военно-политической интеграции в силу той роли и места, которые оба государства занимают в обеспечении безопасности в зоне действия объединения. В настоящее время государства Центральной Азии создали диалоговые площадки для обмена мнениями по проблемам региональной безопасности между ЕАЭС, ОДКБ, СНГ и ШОС, что позволяет координировать усилия между региональными организациями для поддержания стабильности государств, однако архиважной задачей центральноазиатских акторов, с учетом новых реалий (афганского фактора, постпандемического кризиса, влияния на социально-экономическую обстановку российско-украинского фактора) в настоящее время является разработка легитимных механизмов коллективного реагирования на различные проявления гибридных войн (религиозно-экстремистского, экономического, информационного, террористического, межэтнического характера) с учетом локальных особенностей их проявления, угрожающих региональной стабильности. В связи с ростом угрозы международного терроризма и экстремизма на афганском и центральноазиатском направлениях идет активное укрепление всех компонентов ОДКБ. Наряду с военными компонентами в рамках ОДКБ создается Ассоциация "Киберспецназ" в контексте обеспечения информационной безопасности для усиления возможностей Организации в сетевых войнах и, в частности, в сфере борьбы с пропагандой ИГИЛ и других террористических группировок. В настоящее время все острее становится необходимость взаимодействия государств-членов ОДКБ в области обеспечения информационной безопасности и подготовки специалистов интеллектуального "спецназа". Современные геополитические реалии Центральной Азии в условиях сетевого противоборства диктуют крайнюю необходимость в формировании высокопрофессиональных специалистов не только в области компьютерных технологий, но и этнопсихологов, антропологов, историков, политологов и др., специализирующихся в области регионоведения, обладающих навыками противодействия ин-

формационной агрессии. В данном контексте было бы целесообразно обратить внимание на повышение уровня подготовки специалистов-регионоведов, культурологов, историков, чей потенциал после завершения учебы в магистратуре и последующей специализированной их подготовки был бы весьма полезен. Важной задачей государств Центральной Азии является акцентирование внимания на защиту информационного потенциала страны от несанкционированного доступа к нему, обеспечение безопасности, строящихся и сдающихся в эксплуатацию информационных и телекоммуникационных систем на территории государств. Таджикистан сотрудничает с Россией и с государствами Центральной Азии по обеспечению информационной безопасности в рамках ОДКБ, которая стала одной из тех площадок, где с участием центральноазиатских государств и России началось интенсивное решение проблем, связанных с международной информационной безопасностью (МИБ). Практической мерой противостояния информационным угрозам стала бы инициатива создания единого информационного пространства ОДКБ, где бы были унифицированы правовое регулирование отношений в информационной сфере, а также средства поиска, сбора, хранения, анализа и защиты информации в государствах, входящих в состав организации. В данном контексте было бы важно формирование общего информационного пространства, формирующего межэтническую толерантность, дружбу, знакомя с цивилизационными ценностями друг друга, противостоящего антигуманным лозунгам, экстремистским призывам. Создание системы коллективной информационной безопасности в том или ином аспекте уже решается на региональном уровне в рамках ОДКБ. Важно было бы в государствах Центральной Азии и России усилить финансирование программ информационного противоборства, с тем чтобы меры информационного противодействия финансировались в качестве одного из главных приоритетов государства. Важнейшие сферы совместного взаимодействия России и Таджикистана соответствуют тем основным векторам интеграции, которые развиваются в зоне ответственности ОДКБ.

Литература

1. Близ Душанбе проходят таджикско-китайские антитеррористические учения: сайт. URL: <http://fieri.c.google.com/Click.aspx?id=011103753379703994363> (дата обращения: 03.02.2022).
2. Генеральный секретарь ОДКБ выступил на заседании Комитета по делам СНГ Государственной думы России: сайт. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/stanislav-zas-priglasen-na-zasedanie-komiteta-po-delam-sng-gosudarstvennoy-dumy-rossii-#:~:text=%D0%93%D0%BE%D (дата обращения: 26.02.2022).
3. Комлева Н.А. Гибридная война: специфика, акторы, основные технологии (на примере Центральной Азии) // Материалы Междунар. научн. конф. "Стратегические ориентиры политики государств Центральной Евразии в условиях глобализации и регионализации". Душанбе: РТСУ, 2019. С. 158-160.
4. От Договора к Организации: сайт. URL: https://www.odkb-info.org/about_odkb/ot-dogovora-k-organizatsii/ (дата обращения: 28.02.2022).
5. Сангинов Н.Н. Перспективы прогнозирования "гибридных войн" на постсоветском (центральноазиатском) пространстве // Материалы Междунар. научн. конф. "Стратегические ориентиры политики государств Центральной Евразии в условиях глобализации и регионализации". Душанбе: РТСУ, 2019. С. 154.
6. Таджикистан и Россия обсудили подготовку проведения совместных военных учений: сайт. URL: https://www.odkb-info.org/about_odkb/ot-dogovora-k-organizatsii/http://www.toptj.com/News/2021/02/06/tadzhikistan-i-rossiya-obsudili-podgotovku-provedeniya-sovmestnykh-voennykh-ucheniy (дата обращения: 01.03.2022).
7. Уступит ли Россия Среднюю Азию Китаю?: сайт. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1643494560> (дата обращения: 03.03.2022).
8. Учения Коллективных сил ОДКБ: сайт. URL: <https://odkb-csto.org/training/> (дата обращения: 07.03.2022).

References

1. Tajik-Chinese anti-terrorist exercises are taking place near Dushanbe: website. URL: <http://rferl.c.goolara.net/Click.aspx?id=011103753379703994363> (accessed 03.02.2022). (In Russ.)
2. The CSTO Secretary General spoke at a meeting of the Committee on CIS Affairs of the State Duma of Russia: site. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/stanislav-zas-priglasen-na-zasedanie-komiteta-podelam-sng-gosudarstvennoy-dumy-rossii-#:~:text=%D0%93%D0%BE%D (accessed 26.02.2022). (In Russ.)
3. Komleva N.A. Hybrid war: specifics, actors, main technologies (on the example of Central Asia) // Proceedings of the Intern. scientific conf. "Strategic guidelines for the policy of the states of Central Eurasia in the context of globalization and regionalization". Dushanbe: RTSU, 2019. P. 158-160. (In Russ.)
4. From the Treaty to the Organization: site. URL: https://www.odkb-info.org/about_odkb/ot-dogovora-k-organizatsii/ (accessed 28.02.2022). (In Russ.)
5. Sanginov N.N. Prospects for predicting "hybrid wars" in the post-Soviet (Central Asian) space // Proceedings of the International. scientific conf. "Strategic guidelines for the policy of the states of Central Eurasia in the context of globalization and regionalization". Dushanbe: RTSU, 2019. P. 154. (In Russ.)
6. Tajikistan and Russia discussed the preparation of joint military exercises: site. URL: https://www.odkb-info.org/about_odkb/ot-dogovora-k-organizatsii/http://www.toptj.com/News/2021/02/06/tadzhikistan-i-rossiya-obsudili-podgotovku-provedeniya-sovmestnykh-voennykh-ucheniy (accessed 01.03.2022). (In Russ.)
7. Will Russia yield Central Asia to China?: site. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1643494560> (accessed 03.03.2022). (In Russ.)
8. Teachings of the CSTO Collective Forces: site. URL: <https://odkb-csto.org/training/> (accessed 07.03.2022). (In Russ.)

Гузель Майтдиновна МАЙТДИНОВА, д-р ист. наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) университета, директор Центра геополитических исследований РТСУ, член-корреспондент Таджикской Академии архитектуры и строительства, г. Душанбе, Республика Таджикистан, e-mail: guzel-maitdinova@mail.ru

Отбек Мурадович ШАРАПОВ, канд. полит. наук, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан, e-mail: omsharopov@mail.ru

Guzel M. MAITDINOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Director of the Center for Geopolitical Studies, Russian-Tajik (Slavic) University, Corresponding Member of the Tajik Academy of Architecture and Construction, Dushanbe, Republic of Tajikistan, e-mail: guzel-maitdinova@mail.ru

Otabek M. SHARAPOV, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan, e-mail: omsharopov@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 21.02.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 13.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2022

Трансформации аграрного сектора Японии в рамках полномасштабной цифровизации

Наталья Александровна ВОРОБЬЕВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vorobeva.na@dvfu.ru

Михаил Владимирович КОЛЕСНИКОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kolesnikov.ueno@gmail.com

Аннотация. В данной работе проведён анализ аграрного сектора Японии в рамках перехода на инновационный путь развития. Определены национальные особенности, проведен анализ государственной политики в аграрной сфере, обозначена роль инновационных систем в современных условиях развития сельского хозяйства Японии. Выделены современные направления государственной поддержки сельского хозяйства. Определена важность государственно-частного партнерства при функционировании экосистем цифрового сельского хозяйства.

Ключевые слова: цифровизация, инновации, аграрный сектор, Япония, инновационное сельское хозяйство, государственное регулирование, государственно-частное партнерство

Для цитирования: Воробьева Н.А., Колесников М.В. Трансформации аграрного сектора Японии в рамках полномасштабной цифровизации // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 144–158. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/144-158>

Original article

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/144-158>

Transformation of the agricultural sector in Japan as part of full-scale digitalization

Natalia A. VOROBIEVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vorobeva.na@dvfu.ru

Mikhail V. KOLESNIKOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kolesnikov.ueno@gmail.com

Abstract. This paper analyzes the agricultural sector in Japan as part of the transition to an innovative development way. It was determined the national features, was carried out the analysis of state policy in the agrarian sphere, was indicated the role of innovative systems in the modern conditions of the development of agriculture in Japan. The paper investigated the modern direction of the state support of agriculture. It was also identified the importance of public-private partnership in the functioning of digital agriculture ecosystems.

Keywords: digitalization, innovation, agricultural sector, Japan, Smart Agriculture, government regulation, public-private partnership

For citation: Vorobeva N.A., Kolesnikov M.V. Transformation of the agricultural sector in Japan as part of full-scale digitalization // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 144–158. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/144-158>

Введение

Аграрная сфера критически важна для любой страны мира в рамках оптимизации источников существования и занятости населения, а также для обеспечения продовольственной безопасности государства. На протяжении развития мировой истории сельское хозяйство пережило ряд революционных преобразований, каждое из которых выводило эффективность, урожайность и доходность на новый уровень существования. Вопросы важности процесса цифровизации в аграрной сфере широко обсуждаются в современной научной литературе [7; 15]. Исследователи свидетельствуют о том, что современная цифровая революция в сельском хозяйстве породит небывалый сдвиг, который позволит аграрному сектору выйти на принципиально новую траекторию развития.

В связи с этим цифровизация и автоматизация максимального количества сельскохозяйственных процессов является сегодня одним из главных компонентов стратегии развития крупнейших агропромышленных компаний.

На сегодняшний день процесс цифровизации охватил все сферы хозяйственной деятельности человека. Цифровизация представляет собой новый этап автоматизации и информатизации экономической деятельности и государственного управления, процесс перехода на цифровые технологии, в основе которого лежит не только использование для решения задач производства или управления информационно-коммуникационных технологий, но также накопление и анализ с их помощью больших данных в целях прогнозирования ситуации, оптимизации процессов и затрат, привлечения новых контрагентов и т.д. [4].

Цифровая трансформация – это проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов. В результате цифровой трансформации осуществляется переход на новый технологический уклад, а также происходит создание новых отраслей экономики [4].

Другими словами, цифровизация является составной частью цифровой трансформации. Именно процесс полномасштабной цифровизации в пределах определенной сферы деятельности в региональной проекции позволяет постепенно совершить переход к цифровой трансформации всей отрасли.

Цифровизация аграрного сектора активно развивается в ряде стран мира, уже накоплен существенный практический опыт, имеющий национальную специфику. В этой связи следует особо отметить страны Азиатско-Тихоокеанского региона, которые достигли значительных положительных результатов в рамках перехода к инновационному пути развития сельского хозяйства.

В данной работе проведено исследование трансформации аграрного сектора Японии в рамках разрывывания полномасштабного процесса цифровизации. Для этого в исследовании поэтапно рассмотрено становление аграрного сектора Японии, выделены национальные особенности, проведен анализ государственной политики в аграрной сфере, обозначена роль инновационных систем с важным параметром государственно-частного партнерства в современных условиях развития сельского хозяйства.

Развитие аграрного сектора Японии: становление, национальные особенности, базовые характеристики

В существующих японских реалиях аграрный сектор является широким понятием, вклад которого в экономику страны не ограничивается только производством сельскохозяйственной продукции. Аграрный сектор является базой последующего добавления стоимости в процессе переработки, производства продуктов питания в рамках вторичного сектора, а также распространения сельскохозяйственной продукции до конечного потребителя в третичном секторе. Это так называемый "шестеричный сектор" (6次産業, термин, предложенный японским профессором Имамура Нараоми, как результат умножения 1, 2 и 3 секторов ($1 \times 2 \times 3 = 6$ で 6次産業化), выражающий результат межсекторальной аграрно-промышленно-сервисной отраслевой интеграции (например, выращивание растений, производство из них пищевых продуктов, реализация в собственном магазине/интернет торговля) [2; 14].

"Шестеричный сектор" направлен на расширение возможностей сельского хозяйства как интегрированной отрасли от первичного до третичного сектора. Суммарная доля первичного сектора и отраслей вторичного и третичного секторов, сопряженных с продуктами питания ("шестеричный сектор") в ВВП Японии достигла к 2021 г. 9,8%, а количество занятых – 8,35 млн.чел. [14].

Данное определение аграрного сектора Японии, возникшее в силу современной трансформации сельского хозяйства в направлении активного взаимодействия с другими инновационными отраслями промышленности, является официальной трактовкой правительства страны.

Что касается непосредственно сельского хозяйства, то оно занимает небольшую долю в японской экономике (1,2% от ВВП и 3,2% занятого населения, 2018г.)

[10]. В большинстве своем это связано с географическими особенностями страны. Ландшафт японских островов в большей степени представлен гористой местностью (70% территории), всего лишь 11,8% территории страны занято под сельские угодья (при этом более половины из них занято рисовыми полями). Однако, несмотря на наличие скудных плодородных земельных угодий, Япония в значительной степени продвинулась именно в сфере аграрного производства. Во многом это заслуга проводимой на протяжении многих лет политики государства в области развития и продвижения сельского хозяйства, внедрения новых инновационных технологий, расширения культуры потребления здоровой продукции. Развитием аграрного сектора в Японии занимается Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбного промысла (Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries, MAFF, 農林水産省).

Безусловно, при рассмотрении в ретроспективе развитие аграрной сферы в Японии можно выделить ряд значительных перемен.

Согласно опубликованной Министерством сельского хозяйства, лесных угодий и рыбного промысла Японии статистике, общая стоимость сельхозпроизводства в Японии в 2019 г. выросла на 4,8 % по сравнению с 2017 г. В абсолютных цифрах объем всей выпущенной продукции аграрного сектора в стоимостном выражении превысил 9,2 трлн иен (около 83,6 млрд долл.), впервые за 16 лет оказавшись выше 9 трлн иен (в 1999 г. данный показатель находился на уровне 9,36 трлн иен) [3].

Основными драйверами роста стало увеличение цен на рис и овощи. Рост стоимости риса обусловлен в том числе государственным регулированием его производства.

Объем японского экспорта продукции сельского, лесного и рыбного хозяйства в 2018 г. увеличился на 7,7 % по сравнению с 2017 г. и составил 807,3 млрд иен (7,7 млрд долл.). Основными странами-импортерами японской продукции стали Гонконг, США, Тайвань, Китай и Республика Корея. Основными экспортными товарами в 2018 г. стали рыба и морепродукты, мясо и мясная продукция, алкогольные напитки, кондитерские изделия, соусы и приправы, табачные изделия. Минсельхоз Японии планирует к 2025 г. увеличить объем экспортных поставок японской сельхозпродукции до 1 трлн. иен. В 2019 г. Япония импортировала продукцию сельского, лесного и рыбного хозяйства на общую сумму 9369 млрд иен (89,2 млрд долл.), что на 9,6 % выше показателя предыдущего года [10]. Основными странами-экспортерами продовольствия в Японию являются США, Китай, Австралия, Таиланд и Канада. Большая часть поставок пришлась на рыбу и морепродукты, мясо и изделия из него, зерновые культуры, фрукты, орехи и изделия из них.

Среди важных перемен следует отметить, что с 1987 г. по 2019 г. средний размер фермерских угодий был увеличен с 1,1 га до 2,5 га. По данным статистики на конец 2019 г. средний возраст фермеров составляет 66,8 лет, при этом более 80% японских фермеров находятся в возрасте выше 65 лет [7].

Также следует упомянуть, что уровень самообеспеченности продуктами питания в Японии постоянно снижается. Например, на 2020 г. этот показатель составил 37% в пересчете на калорийность, это наименьший результат во всей японской истории. Данный показатель, находящийся на столь низком уровне, свидетельствует о том, что более 60% калорийности сельхозпродукции в Японии зависит от импорта [9]. Это весьма тревожный показатель в формате обеспечения продовольственной безопасности страны.

Япония обладает наименьшим показателем продовольственной самообеспеченности среди развитых стран. Причинами этого, помимо малого количества пахотных земель, является стремительное сокращение населения, занимающегося сельским хозяйством, а также заметно изменившийся рацион питания японцев, который включает в себя все больше мяса и зерновых и все меньше – овощей и риса. Правительство Японии планирует поднять показатель продовольственной самообеспеченности до 45% к 2025 фин. году.

Кроме этого, следует отметить, что за период 1980–2018 гг. значительно снизилось число занятого населения в аграрной сфере (с 5,77 млн чел. до 2,21 млн чел.), а доля сельского хозяйства в ВВП сократилась с 3,6% до 1,2% [1; 5]. Во многом это связано и с глобальными трансформациями, и с внутренними проблемами Японии.

Внедрение современных агротехнологий, селекции семян, высокий уровень энерговооруженности и широкое применение удобрений и ядохимикатов, использование ирригации позволили создать интенсивное земледелие, поднять урожайность многих культур до мирового уровня.

Особенностью аграрного сектора Японии на современном этапе является наличие диспропорции между продовольственными потребностями населения и производственным потенциалом страны. Основная причина низкой эффективности сельскохозяйственного производства – незначительные размеры хозяйствования, главным образом в связи с мелкими, и зачастую раздробленными, земельными наделами фермеров. Это не дает им возможности экономить на масштабах производства, особенно в земледельческих отраслях, а на них приходится свыше двух третей стоимости сельхоз продукции.

Темпы прироста сельскохозяйственного производства имеют сравнительно низкие показатели: в 1950-е гг. они составили в среднем 3,2 %, в 1960-е гг. – 2,5 %, в 1970-е гг. – 0,3 %, а в первой половине 1980-х гг. – 1,75% [12]. Стабильно росло лишь производство продукции животноводства. Это объясняется сокращением численности занятых, ростом среди них доли лиц пожилого возраста, а также уменьшением обрабатываемых площадей.

Уровень продовольственного самообеспечения Японии является низким среди аналогичных показателей индустриально развитых стран.

На основе данных расчетного "Индекса потенциала продовольственной самообеспеченности" правительством Японии была сформирована "Концепция потенциала продовольственной самообеспеченности" (Concept of Food Self-Sufficiency Potential). Было определено, что производство, основанное на базовом продукте – картофеле, обеспечит необходимые калории (2146 ккал) для повседневной жизни населения. Однако производство, сосредоточенное на рисе, пшенице и соевых культурах, которое соответствует современной структуре питания, не обеспечивает достаточного количества калорий.

Коэффициент самообеспеченности продуктами питания по префектурам (Food Self-sufficiency Ratio by Prefecture) имеет региональную дифференциацию: в то время как коэффициент самообеспеченности продуктов питания на основе калорийности в стране находился на низком уровне, 38% в 2019 г., на о. Хоккайдо этот показатель составлял 185% в 2019 г., помимо о. Хоккайдо, только пять других префектур в регионе Тохоку достигли такого уровня – самообеспеченность более 100%.

Указанная специфика низкого уровня самообеспеченности Японии привела к формированию сильной политики аграрного протекционизма, с одной стороны, с другой – к гибкой и эффективной политике внешней торговли сельскохозяйственной продукцией и морепродуктами. Оба эти направления политики оказываются тесно взаимосвязанными.

Поскольку большую часть своих продовольственных потребностей Япония покрывает за счет импортных поставок, такая серьезная опора на импорт делает ее уязвимой в плане экономической и политической независимости. В этих условиях решение проблемы продовольственной безопасности становится важной составляющей национальной безопасности страны в целом.

В настоящее время основные проблемы аграрного сектора Японии – это недостаточный уровень производства, нехватка рабочей силы, особенно молодой, низкий уровень сельскохозяйственных доходов и конкурентоспособности на внешнем рынке. Достаточно хорошо технически оснащенная отрасль значительно уступает по производительности труда и эффективности производства другим сферам национального хозяйства, а также аграрным секторам развитых стран и,

что самое главное, уровню их развития в странах-импортерах продовольствия. Сегодня это главная болевая точка аграрного сектора, которая приобрела особенную остроту в условиях масштабного распространения соглашений о свободной торговле.

Современная государственная политика в направлении развития аграрного сектора Японии

Сельское хозяйство Японии является одним из наиболее проблемных секторов экономики Японии. Производство отрасли базируется на комплексе мер господдержки, включая государственное субсидирование и высокие импортные тарифы, сдерживающие конкуренцию со стороны иностранных компаний. Вместе с тем благодаря применению прогрессивных методов земледелия и селекции в Японии, где площадь пахотных земель составляет не более 15 % территории, достигнута достаточно высокая урожайность сельскохозяйственных культур.

В рамках курса аграрной реформы, которую планируется завершить до 2025 г., основным достижением последних лет стала институциональная реорганизация. Преобразование аппарата Союза сельскохозяйственных кооперативов. В частности, в самостоятельный орган была преобразована Национальная организация аудита сельскохозяйственных кооперативов, которая ранее имела исключительное право проведения аудиторских проверок префектуральных сельхозкооперативов и выработки рекомендаций по их результатам. В настоящее время кооперативам разрешено самостоятельно выбирать себе аудитора: либо преобразованную Национальную организацию аудита, либо любую частную аудиторскую компанию, обладающую лицензией Минсельхоза Японии.

Одной из главных структурных реформ премьер-министра С. Абэ называют перестройку сельскохозяйственной отрасли Японии с целью повышения уровня доходов от фермерских хозяйств в два раза путем увеличения объемов экспорта и освоения неиспользуемых по назначению или трудных для возделывания пахотных угодий. До 2020 г. была также кардинально изменена система субсидирования фермеров и предпринимателей, что позволяет создавать необходимые условия для организации крупных хозяйств. Конечным результатом аграрной реформы станет вывод аграрного сектора из-под государственного контроля, что должно послужить стимулом для развития и расширения частных хозяйств.

Повышение эффективности японского сельского хозяйства является одной из наиболее актуальных задач экономической политики правительства Японии.

На сегодняшний день аграрная сфера столкнулась с рядом сложностей в связи с пандемией. Необходимо отметить, что правительство страны гибко отреагировало на данную ситуацию. В 2020 г. Япония анонсировала пакет стимулирующих мер по поддержке аграрного сектора страны (общий бюджет данного пакета мер составил 992 млрд. долл., эта сумма составляет примерно 20% от ВВП страны) [3].

Пакет мер включает в себя следующие мероприятия:

1) производители агропромышленной продукции, которые столкнулись со сложностями при ведении бизнеса в 2020 г., имеют возможность получить займы, долгосрочные кредиты под низкие проценты, финансируемые Японской финансовой корпорацией (JapanFinanceCorporation);

2) для смягчения ситуации, которая сложилось на молочных фермах (в связи с тем, что школы по всей стране были закрыты, резко сократилось потребление молока) правительство выделило 21,5 млн долл. на программу поддержки молочных ферм для переоборудования технологического процесса по производству сухого молока и т.д.;

3) производители и поставщики, которые работали со школьными учреждениями Японии по поставке продуктов питания, также могут получить поддержку в вопросах предоставления альтернативных каналов сбыта продукции. При этом транспортные издержки компенсируются со стороны государства.

Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбного промысла Японии также расширило выплаты для поддержки страховых программ для работников агропромышленного сектора.

Меры по предотвращению COVID-19 были включены в Базовый План развития аграрной сферы Японии с марта 2020 г.

На рисунке 1 представлен скорректированный Базовый План развития продовольствия, сельского хозяйства и сельских районов Японии.

В ходе анализа государственных планов в сельскохозяйственной сфере, было выявлено, что для того, чтобы развивать на перспективу японскую пищевую культуру и национальное сельское хозяйство для следующих поколений, правительство страны выдвигает различные меры, такие как развитие производства и систем снабжения, которые адаптируются к изменениям структуры спроса, расширению стратегий на глобальных рынках, проводится усиление производственной базы с помощью различных объединений предприятий. Во многом обозначенные мероприятия реализуются благодаря активному государственно-частному партнерству.

В условиях усиливающейся конкурентной борьбы на рынке сельскохозяйственной продукции и быстро изменяющихся предпочтений потребителей решение проблем в агропромышленных отраслях возможно на основе перехода к цифровому сельскому хозяйству (точному земледелию, активному использованию цифровых технологий для повышения производительности труда).

Основной задачей цифровой трансформации сельского хозяйства является интеграция потоков объективных данных сельхозпроизводителей и государственных данных в платформу цифрового сельского хозяйства для обеспечения глобального планирования в отрасли и предоставления точных рекомендаций участникам рынка, в том числе с использованием искусственного интеллекта, активизация инновационных процессов с использованием современного аппарата инновационного менеджмента. Ключевые направления и инициативы позволят с помощью данных осуществить трансформацию сельского хозяйства с использованием цифровых платформ.

Частично решение поставленной задачи могут обеспечить цифровые инновации и технологии. "Четвертая промышленная революция" ("Индустрия 4.0") сопровождается быстрой трансформацией целого ряда секторов под воздействием новых цифровых инноваций – блокчейна, интернета вещей, искусственного интеллекта и реальности с эффектом присутствия. В агропродовольственном секторе распространение мобильных технологий, услуг дистанционного зондирования и распределенной обработки данных уже сейчас расширяет доступ мелких фермеров к информации, производственным ресурсам, рынку, финансам и обучению. Цифровые технологии открывают новые возможности для интеграции мелких фермерских хозяйств в цифровые агропродовольственные системы [12].

Цифровое сельское хозяйство позволяет создать системы, для которых будут характерны высокая продуктивность, предсказуемость и способность адаптироваться к изменениям, в том числе и к тем, которые провоцирует меняющийся климат. Это, в свою очередь, способствует повышению уровня продовольственной безопасности, доходности и устойчивости.

Однако цифровизация агропромышленного сектора может также порождать различные риски: риск неравномерного распределения потенциальных выгод между сельскими и городскими районами, гендерными группами, неравенство в среде молодежи и обладателей цифровых навыков. "Цифровые экосистемы" (ресурсы, навыки, сети) городских районов часто развиты лучше, чем в сельской местности. На фоне глобальных тенденций – урбанизация, переезд представителей средних и обеспеченных классов в города – цифровизация потенциально способна усугубить существующее неравенство городских и сельских районов, гендерных групп, неравенство в среде молодежи и обладателей цифровых навыков, вследствие чего сельское население не сможет включиться в процессы цифровых преобразований.

Создание "цифровой экосистемы сельского хозяйства" требует наличия благоприятных условий, чтобы фермеры и предприниматели подхватили инновационные подходы. Уже сегодня наращивается финансирование и расширяется

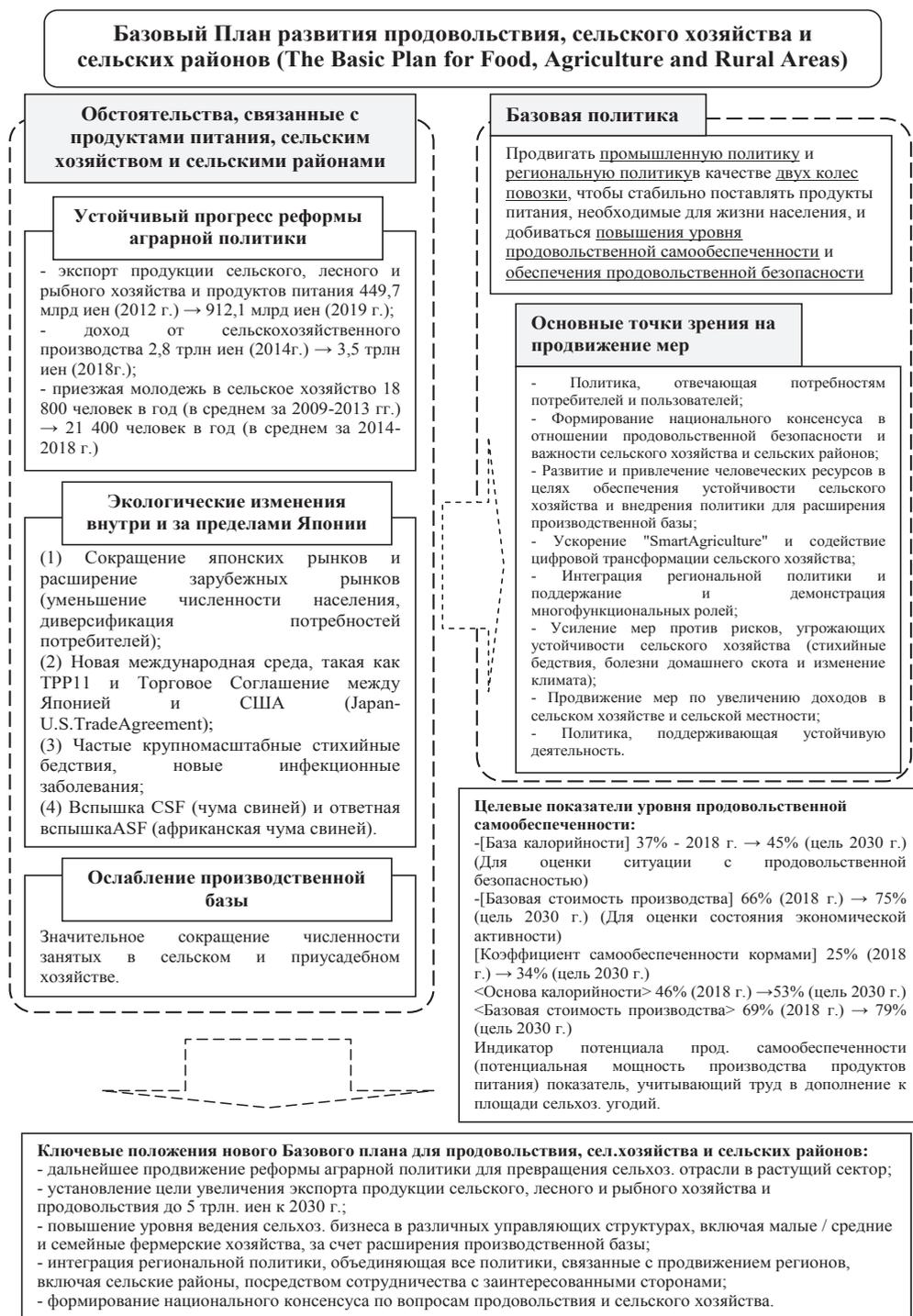

Рис. 1. Базовый План развития продовольствия, сельского хозяйства и сельских районов Японии, 2021. Источник: составлено авторами.

Fig. 1. The Basic Plan for Food, Agriculture and Rural Areas of Japan, 2021.

Source: compiled by the authors.

Рис. 2. Роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в аграрном секторе Японии.
 Fig. 2. The role of information and communication technologies (ICT) in the agricultural sector of Japan.
 Источник: составлено авторами.
 Source: compiled by the authors.

сотрудничество в рамках проектов цифровизации сельского хозяйства, стартапы начинают привлекать интерес международных инвесторов и СМИ. Важная роль в этом процессе отводится молодежи.

Цифровая трансформация поддерживается заинтересованными сторонами:

– **государством** – с точки зрения отраслевого регулирования, установления норм и правил, обеспечения мер государственной поддержки, а также стимулирования отраслевых лидеров к переходу на цифровую парадигму;

– **ведущими предприятиями отраслей экономики** – в рамках консолидации усилий экспертного сообщества, совместного использования информационных ресурсов и обеспечения доступа к ним для разработки цифровых сервисов, стандартизации и обеспечения достаточного уровня доверия и безопасности;

– **инновационными компаниями** – как основным драйвером появления новых цифровых услуг и продуктов, ориентированных на потребителя.

Таким образом, принципы открытости и объединения усилий сообщества для перехода к цифровой экономике принципиально важны, а формирование экосистем цифровых отраслей становится базовым решением цифровой экономики.

Экосистема цифровой отрасли – это среда, обеспечивающая условия для инновационного развития и распространения цифровых сервисов, цифровых продуктов, приложений и устройств в конкретном секторе цифровой экономики. Цель создания экосистемы – предоставить населению цифровые сервисы, кото-

рые формируются в реальном времени, с учетом соблюдения всех норм и регламентов, а также в условиях максимального доверия.

Экосистема создает основу для государственно-частного партнерства (ГЧП) при цифровизации различных отраслей экономики, предоставляя возможность присоединения для множества сторонних разработчиков – создателей новых приборов, продуктов, инструментов и новых цифровых услуг. Открытость для участия, государственное стимулирование и конкурентная среда сформируют условия для роста числа доступных цифровых сервисов и улучшения их качества. При этом государство может избежать затрат на массовую разработку и продвижение прикладных сервисов, создавая среду для участия малого и среднего бизнеса, поддержки национальных производителей сервисов, приборов и устройств.

Информационно-коммуникационные технологии являются ключевыми факторами, способствующими сокращению цифрового разрыва и достижению трех измерений устойчивого развития: экономического роста, экологического баланса и социальной интеграции. Они доказали свою полезность в сфере здравоохранения, образования, финансов и торговли, предоставляя информацию и услуги, а также внесли свой вклад в повышение прозрачности и подотчетности. Используя решения на основе информационно-коммуникационных технологий, можно решить проблемы, которые долгое время являются бременем для сельскохозяйственного сектора. Однако, чтобы эффективно использовать скрытый потенциал цифровых услуг, необходимо понимать характеристики движущих сил, стоящих за новыми технологиями.

Информационные системы управления фермерским хозяйством (Farm Management Information Systems, FMIS) – это сложные системы ведения документооборота, которые поддерживают управление сельскохозяйственным производством, помогая, в частности, снизить производственные затраты, обеспечить соблюдение сельскохозяйственных стандартов и поддерживать качество и безопасность продукции [11].

Цифровые технологии также могут использоваться для создания электронного сельского хозяйства, более рациональной системы сельскохозяйственного производства, часто называемой "точное сельское хозяйство", в которой используется ресурсно-эффективный подход, который также может иметь большие преимущества с точки зрения экологических проблем. Если смотреть не только на фермы, то электронное сельское хозяйство может внести вклад в развитие более экономически, экологически и социально устойчивого сельского хозяйства, которое более эффективно отвечает сельскохозяйственным целям страны или региона в следующих областях (рисунок 2): системы сельскохозяйственных инноваций; устойчивое земледелие; системы управления бедствиями и раннего предупреждения; расширение доступа к рынкам; безопасность пищевых продуктов; финансовые услуги и страхование; развитие потенциала и расширение прав и возможностей; нормативно-правовая база.

Целью электронного сельского хозяйства является ускорение роста сельских районов за счет использования улучшенных информационных и коммуникационных процессов. Электронное сельское хозяйство включает в себя концептуализацию, разработку, создание, анализ и применение новых способов использования инновационных технологий в сельской местности с упором на сельское хозяйство. Одним из способов эффективного и действенного внедрения информационных технологий в сельское хозяйство является комплексная национальная стратегия, которая предотвратит изолированное осуществление проектов электронного сельского хозяйства, что приведет к дублированию усилий и ресурсов, и вместо этого будет использовать синергизм для повышения эффективности.

Стратегия электронного сельского хозяйства может предложить критически важную поддержку для нормирования ресурсов (финансовых и человеческих) для лучшего использования возможностей информационных технологий. Совместное планирование и стратегический подход к сельскохозяйственным приложениям помогают улучшить межведомственное сотрудничество, прозрачность и доверие.

Эксперты согласны с тем, что текущие инновации в области электронного сельского хозяйства, с использованием новых технологических разработок, таких как искусственный интеллект (например, распознавание болезней растений), сенсорные сети и технология блокчейн, в основном нацелены на более крупные цели фермерских хозяйств и заинтересованных сторон. Это неудивительно, поскольку эти нововведения в основном направлены на решение проблем, связанных с масштабами производства и распространения. Однако решения для электронного сельского хозяйства должны быть нацелены не только на более крупных игроков: они также могут помочь решить проблемы мелких землевладельцев и семейных ферм, приводя к повышению производительности, сокращая информационный разрыв между мелкими и крупными игроками и поддерживая устойчивые методы и конкретные, сложные системы земледелия (например, органическое земледелие).

Стратегическая политика Японии в области цифровой экономики и информационно-коммуникационных технологий основана на ряде программ, представленных различными японскими министерствами. Основными из них являются "Стратегия роста ИКТ II" (2014 г.); "Стратегия роста ИКТ" (2013 г.); "ИКТ для инклюзивного социально-экономического развития в Японии" (2013 г.); "Стратегия возрождения Японии" (2013 г.); "Провозглашение продвинутой ИТ-нации" (2013 г.); "Белая книга по ИКТ" (2014 г.); "Стратегия Smart Japan ICT", она состоит из двух основных стратегий: "Стратегии роста ИКТ" (национальная стратегия) и "Инициативы по усилению международной конкурентоспособности и глобальному охвату в области ИКТ" (международная стратегия) [5; 8].

"Инициатива по усилению международной конкурентоспособности и глобальному охвату в области ИКТ" имеет 4 приоритета:

- 1) улучшение деловой среды;
- 2) развитие и использование человеческих ресурсов ИКТ;
- 3) развитие и укрепление "технологической дипломатии";
- 4) построение "государственно-частной всеяпонской системы" (Public-Private All Japan System).

С 2013 г. свою деятельность осуществляет Совет по стратегии и политике роста в области ИКТ в Японии. Его задача заключается в изучении различных политик, касающихся ИКТ, включая использование ИКТ в качестве одного из ключевых средств ускорения роста экономики Японии и внесения вклада в глобальное общество, а также представление отчетов о полученных результатах в министерства.

Были представлены семь приоритетных областей для реализации промышленности, академическими кругами и правительством: использование данных; трансляция / контент (4k / 8k); инновационное сельское хозяйство (Smart Agriculture); региональное возрождение (расширение ИКТ "умных городов", ICT Smart Towns); предотвращение стихийных бедствий (социальная инфраструктура с использованием датчиков и т.д.); медицина, уход и здоровье; ресурсы (морская широкополосная связь с использованием спутниковой связи, Marine Broadband utilising satellite communications).

Таким образом, перспективным направлением активного всестороннего развития аграрной сферы в Японии является создание государственно-частной цифровой экосистемы управления сельским хозяйством. В японских регионах ведутся активные работы по разработке и внедрению данных систем, которые активно поощряются государством.

Формирование современного "инновационного аграрного сектора" в Японии (Smart Agriculture)

В Японии инновации давно вошли в практику развития аграрного сектора страны. На сегодняшний день в рамках провозглашенной правительственной программы "Перемены в направлении "Общества 5.0" – общества, основанного на использовании информационных данных" (未来投資戦略 (Miraitoshisenryaku, 2018) – заявленный подход сводится к тому, что общество в Японии претерпевает глубокую трансформацию, связанную с принципиально иной ролью, которую в

нем играют технологии, основанные на использовании огромных и быстро растущих объемов данных. Эта трансформация затрагивает все стороны жизни и будет продолжаться несколько десятилетий, формируя новый уклад экономики ("Общество 5.0"), отличающийся и от промышленного ("Общество 3.0"), и от информационного ("Общество 4.0") [13].

Перемены, вносимые этим процессом в жизнь общества, настолько велики, что требуют коренным образом изменить методы и вектор правительственной политики, переориентировав ее с привычного контроля за фазами деловой конъюнктуры на фронтальное содействие со стороны правительства и государства происходящим в обществе структурным переменам безотносительно к его влиянию на текущее состояние тех или иных макроэкономических индикаторов. Для этого признается необходимым целенаправленными усилиями содействовать взаимодействию и взаимному стимулированию активности в разных отраслях и сферах общественной жизни.

В большинстве государственных программ по развитию аграрного сектора Японии доминирующей стратегией является мобилизация всех ресурсов японского общества для внедрения на практике "инновационного сельского хозяйства" в регионах страны. Обозначим выделенные японским правительством основные направления практического становления "инновационного сельского хозяйства".

1. Переход к практической реализации "инновационного сельского хозяйства". Чтобы сделать сельское хозяйство прогрессивной отраслью, необходимо в полной мере использовать ресурсы и потенциал сельских районов за счет технологических инноваций. Для расширения масштабов сельскохозяйственных операций и реализации трудосберегающих и недорогих методов, внедряются передовые технологии из междисциплинарных областей: роботы и информационно-коммуникационные технологии.

"Инновационное сельское хозяйство" ("Умное сельское хозяйство", Smart Agriculture, スマート農業) включает использование роботизированных технологий для повышения продуктивности почвы, семян растений, прополки и сбора урожая, а также для записи сельскохозяйственных работ с помощью облачных систем [11]. Этот новый тип сельского хозяйства сейчас приближается к реальности. В интеллектуальном сельском хозяйстве используются передовые технологии, такие как роботизированные технологии и ИКТ, чтобы обеспечить сверхэкономичное и высококачественное производство. Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбного промысла Японии предпринимает инициативы, включая исследования и разработки, а также внедрение на месте передовых технологий для реализации интеллектуального сельского хозяйства.

Промышленный город, работающий на биомассе (バイオマス産業都市), это интегрированная система, которая использует биомассу, существующую в регионе, в качестве сырья и обеспечивает экономическую эффективность сбора, транспортировки, производства и использования. Это регион, который стремится создать экологически чистый, устойчивый к стихийным бедствиям город, сосредоточенный на производстве биомассы, который использует особенности данного региона за счет усиления предотвращения стихийных бедствий. С 2013 г. семь соответствующих министерств Японии начали совместно вырабатывать и реализовать концепцию городов, основанных на биомассе.

Данный проект направлен на создание экологически безопасных, устойчивых к стихийным бедствиям городов и деревень, в центре которых ключевым звеном является промышленность.

На базе "Основного закона о содействии использованию биомассы" (バイオマス活用推進基本法 Закон № 52 от 12 июня 2009 г.) [12], для продвижения мер, которые в сотрудничестве способствуют использованию биомассы, было учреждено Совещание по содействию использованию биомассы, состоящее из представителей семи министерств. Была создана "Стратегия коммерциализации биомассы" в сентябре 2012 г. в качестве руководства для продвижения коммерциализации пу-

тем выбора и концентрации технологий и биомассы для достижения целей плана содействия использованию биомассы.

Программа "Промышленный город, работающий на биомассе" представляет собой интегрированную систему, которая обеспечивает экономическую эффективность и наилучшим образом использует региональные особенности.

В стратегии комплексной поддержки коммерциализации биомассы было решено построить промышленный город, работающий на биомассе, для создания экологически чистых производств, использующих местную биомассу, и строительства региональной системы утилизации энергии. Правительство Японии определило ряд регионов страны с муниципалитетами, которые работают на биомассе (90 муниципалитетов в разных регионах страны).

Это только небольшая часть глобальной программы японского правительства по активному внедрению инноваций в аграрный сектор Японии. В ходе рассмотренных примеров стало очевидно, что инновации играют существенную роль в процессе успешной трансформации сельского хозяйства регионов Японии и способствуют дальнейшему решению насущных аграрных проблем страны на долгосрочную перспективу.

2. Использование робототехники. Для реализации трудосберегающих операций на месте в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве, рыболовстве и пищевой промышленности Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбного промысла Японии способствует внедрению роботизированных технологий в сотрудничестве с другими отраслями. Это включает автоматизацию работы с использованием роботизированных систем вождения GPS, а также механизацию и автоматизацию тяжелого человеческого труда. Эти технологии основаны на "Японской стратегии роботов" (Japan Robot Strategy), принятой на заседаниях штаб-квартиры по возрождению экономики Японии.

Роботы и автоматизированные системы довольно давно используются в сельском хозяйстве по всему миру. Многие первые разработки были сделаны именно японскими учеными. В Японии существует национальный исследовательский центр National Agriculture and Food Research Organization (NARO), разработки которого направлены на повышение эффективности в сельском хозяйстве. Центр включает двадцать институтов с различными направлениями исследований, от агробиологии до машинной инженерии. Институты тесно сотрудничают с аграрным бизнесом в разных проектах. Именно при поддержке NARO в компании ShibiyaSeiki был создан первый концепт роботов-сборщиков ягод и фруктов, которые сегодня собирают плоды быстрее, чем человек, а также способны отличать спелые от недозревших плодов. Сейчас в NARO с инвесторами работают над комплексными решениями для производства. Например, японская компания Spread в середине 2017 г. запустила первую в мире полностью роботизированную сельхоз ферму, где роботы закрывают весь цикл производства – от посева до сбора урожая и упаковки продукции.

Правительство Японии постепенно роботизирует сельское хозяйство страны. В направлении промышленных роботов Япония довольно преуспела. В Японии стартовала программа по постепенной замене выходящих на пенсию фермеров на роботов и беспилотную сельскохозяйственную технику. На правительственном уровне представители министерств Японии при обсуждении проблемы увеличения спроса на продовольствие определили необходимым принятие решения о постепенной замене фермеров на роботов. Об этом было провозглашено на ряде международных мероприятий. Решение было принято в связи с тем, что средний возраст японских фермеров составляет 67 лет, при этом многие из них не оставляют преемников, выходя на пенсию.

Япония планирует потратить 4 млрд иен (37 млн долл.), чтобы внедрить роботов на фермы и помочь в разработке 20 различных типов роботов (в том числе тех, кто бы отделял перезревшие фрукты и овощи при уборке урожая).

Крупные промышленные компании Японии, анализируя ситуацию, сложившуюся в современном обществе, всё больше ориентируются на создание роботизи-

рованной техники для сельской сферы. Например, крупнейший в Японии производитель сельскохозяйственной техники Kubota Corp. уже разработал свой первый прототип автономного многопрофильного трактора, который можно использовать на рисовых полях.

3. Использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Ожидается, что сложность и эффективность производственных систем посредством анализа накопленных данных с использованием ИКТ также обеспечат эффективную работу на обширных полях.

В последнее время наблюдается прогресс в современных исследованиях, позволяющих вносить "мастерство" (профессиональный накопленный опыт) в базу данных и руководства, которые позволяют даже людям с небольшим опытом использовать сложные технологии. Это может вселить надежду на плавную передачу технологий молодому поколению и на увеличение числа новых фермеров. Например, разрабатывается полноценная программа по управлению выращиванием картофеля с использованием ИКТ (Potato cultivation management using ICT), которая сочетает в себе накопленный человеческий опыт и передовые роботизированные технологии.

4. Тепличное фермерство нового поколения (Next-Generation Greenhouse Horticulture).

Тепличное садоводство незаменимо для стабильных поставок и производства овощей и другой сельскохозяйственной продукции. Однако многие из этих продуктов требуют обогрева зимой, поэтому необходимо отказаться от использования ископаемых видов топлива с точки зрения сокращения затрат и глобального потепления. По этой причине Министерство сельского хозяйства (MAFF) способствует созданию баз тепличного садоводства нового поколения, которые объединяют помещения для крупномасштабных операций и осуществляют расширенный экологический контроль с помощью ИКТ. Эти объекты выполняют все операции от производства до подготовки и отгрузки, снижая при этом затраты за счет использования местной энергии, такой как древесная биомасса. Помимо отказа от ископаемого топлива, ожидается, что это повысит доходы производителей и создаст рабочие места в регионах.

Заключение

Аграрный сектор Японии выполняет важную задачу по обеспечению продовольственной безопасности страны. Современной особенностью аграрного сектора Японии является наличие диспропорции между продовольственными потребностями населения и производственным потенциалом страны. Уровень продовольственного самообеспечения Японии имеет довольно низкие отметки по сравнению с мировыми державами. Указанная специфика привела к формированию сильной политики аграрного протекционизма, с одной стороны, с другой – к гибкой и эффективной политике внешней торговли сельскохозяйственной продукцией и морепродуктами. Проведя исследование развития аграрного сектора Японии, можно говорить о том, что правительство страны на протяжении всего исторического развития проводит политику планового развития сельского хозяйства регионов Японии. Это жизненно необходимо для того, чтобы развивать на перспективу японскую культуру питания и национальное сельское хозяйство для следующих поколений.

Также следует отметить постоянную государственную поддержку японского сельского хозяйства в сложных периодах. В 2020 г. аграрный сектор Японии столкнулся с серьезными трудностями, вызванными мировой неблагоприятной эпидемиологической ситуацией, при этом японское правительство стремительно отреагировало на сложную ситуацию. Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбного промысла Японии (MAFF) расширило выплаты для поддержки страховых программ для работников аграрного сектора.

Очевидно, что на сегодняшний день мировое сельское хозяйство переживает процесс трансформационного перехода на инновационный путь развития, и с этим связано большое количество текущих проблем переходного периода. Япон-

ская аграрная сфера не исключение. Здесь тоже наблюдается процесс трансформационных изменений.

В процессе модернизации отраслей экономики активную роль играют инновации, которые способствуют хозяйствующим субъектам сохранить конкурентные преимущества и не потерять свою долю на рынке. Одним из базовых решений современной инновационной экономики является формирование экосистем цифровых отраслей. Экосистема цифровой отрасли – это среда, обеспечивающая условия для инновационного развития и распространения цифровых сервисов, цифровых продуктов, приложений и устройств в конкретном секторе цифровой экономики. Экосистема создает основу для государственно-частного партнерства при цифровизации отраслей экономики, предоставляя возможность присоединения для множества сторонних разработчиков. Цифровые технологии могут активно использоваться для создания электронного сельского хозяйства, более рациональной системы сельскохозяйственного производства, "точное сельское хозяйство", в которой используется ресурсо-эффективный подход. Япония во многом преуспела в данном направлении, существует ряд практических примеров перспективных цифровых экосистем, функционирующих в регионах Японии.

Полученные выводы свидетельствуют о том, что аграрный сектор Японии находится в стадии активного становления в рамках трансформации на инновационный путь развития..

Литература

1. Белов А.В. Япония: экономика и бизнес: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. 383 с.
2. Наумова И.Ю. Япония: структурные особенности национальной экономики: учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2018. 308 с.
3. Общая информация о сельском хозяйстве Японии // Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбного промысла Японии. URL: <http://www.maff.go.jp/e/index.html> (дата обращения: 01.03.2022).
4. Толковый словарь терминов по вопросам цифровой трансформации. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/pdf> (дата обращения: 10.05.2022).
5. Ускова Т.В. Агропромышленный комплекс региона: состояние, тенденции, перспективы: монография / Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Чекавинский. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 136 с.
6. Японский феномен глазами российских японоведов: научное издание / Под ред. И.П. Лебедевой, А.Н. Мещерякова и Д.В. Стрельцова. М.: Изд-во "АспектПресс", 2018. 400 с.
7. Digital technologies in agriculture and rural areas (Digital Transformation for a Sustainable Agriculture). URL: <https://www.fao.org/3/ca4887en/ca4887en.pdf> (дата обращения: 10.06.2022).
8. Evaluation of Agricultural Policy Reforms in Japan. URL: <https://www.oecd.org/japan/42791674.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).
9. Food Self-Sufficiency Potential in Japan. URL: https://www.maff.go.jp/j/zyukyuzikyuru_011.html (дата обращения: 01.03.2022).
10. OECD Agriculture Statistics. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/agriculture-and-food/data/oecd-agriculture-statistics_agr-data-en (дата обращения: 01.03.2022).
11. Smart Agriculture in Japan. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/invest/attract/pdf/mr_smartagri_en.pdf (дата обращения: 01.03.2022).
12. UNFAO, 2018. "Japan Country Profile." URL: <http://www.fao.org/countryprofiles/index/en/?iso3=JPN> (дата обращения: 01.03.2022).
13. 未来投資戦略 2018. 「Society 5.0」 「データ駆動型社会」 への変革: = Инвестиционная стратегия, 2018. Перемены в направлении "общества 5.0" – общества, основанного на использовании данных. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/miraitousi2018_zentai.pdf (дата обращения: 01.03.2022).
14. 6次産業化の推進について = О продвижении "шестичленного сектора". URL: https://www.maff.go.jp/j/shokusan/renkei/6jika/attach/pdf/2015_6jika_jyousei-202.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

15. 「農業DX構想」の取りまとめについて= Общий обзор концепций цифровой трансформации в сельском хозяйстве. URL: <https://www.maff.go.jp/j/press/kanbo/joho/210325.html> (дата обращения: 10.06.2022).

References

1. Belov A.V. Japan: economics and business: textbook. allowance. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. un-ty, 2017. 383 p. (In Russ.)
2. Naumova I.Yu. Japan: structural features of the national economy: textbook. Vladivostok: FEFU, 2018. 308 p. (In Russ.)
3. General information about agriculture in Japan // Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries of Japan. URL: <http://www.maff.go.jp/e/index.html> (accessed 01.03.2022). (In Russ.)
4. Explanatory dictionary of terms on digital transformation. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/pdf> (accessed 10.05.2022). (In Russ.)
5. Uskova T.V. Agro-industrial complex of the region: state, trends, prospects: monograph / T.V. Uskova, R.Yu. Selimenkov, A.N. Chekavinskii. Vologda: ISEDT RAS, 2013. 136 p. (In Russ.)
6. Japanese phenomenon through the eyes of Russian Japanologists: scientific publication / Ed. I.P. Lebedeva, A.N. Meshcheryakova and D.V. Strel'tsov. M.: AspectPress Publishing House, 2018. 400 p. (In Russ.)
7. Digital technologies in agriculture and rural areas (Digital Transformation for a Sustainable Agriculture). URL: <https://www.fao.org/3/ca4887en/ca4887en.pdf> (accessed 10.06.2022).
8. Evaluation of Agricultural Policy Reforms in Japan. URL: <https://www.oecd.org/japan/42791674.pdf> (accessed 01.03.2022).
9. Food Self-Sufficiency Potential in Japan. URL: https://www.maff.go.jp/j/zyukyu/zikyu_ritu/011.html (accessed 01.03.2022).
10. OECD Agriculture Statistics. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/agriculture-and-food/data/oecd-agriculture-statistics_agr-data-en (accessed 01.03.2022).
11. Smart Agriculture in Japan. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/invest/attract/pdf/mr_smartagri_en.pdf (accessed 01.03.2022).
12. UNFAO, 2018. "Japan Country Profile." URL: <http://www.fao.org/countryprofiles/index/en/?iso3=JPN> (accessed 01.03.2022).
13. 未来投資戦略 2018. 「Society 5.0」 「データ駆動型社会」への変革: = Investment strategy, 2018. Changes towards "society 5.0" – a society based on the use of data. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/miraitousi2018_zentai.pdf (accessed 01.03.2022).
14. 6次産業化の推進について = About the promotion of the "hexadecimal sector". URL: https://www.maff.go.jp/j/shokusan/renkei/6jika/attach/pdf/2015_6jika_jyousei-202.pdf (accessed 01.03.2022).
15. 「農業DX構想」の取りまとめについて= General overview of digital transformation concepts in agriculture. URL: <https://www.maff.go.jp/j/press/kanbo/joho/210325.html> (accessed 10.06.2022).

Наталья Александровна ВОРОБЬЕВА, канд. экон. наук, доцент кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: vorobeva.na@dvfu.ru

Михаил Владимирович КОЛЕСНИКОВ, руководитель отдела закупок компании "Зеленый исток", магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kolesnikov.ueno@gmail.com

Natalia A. VOROBEVA, Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vorobeva.na@dvfu.ru

Mikhail V. KOLESNIKOV, Head of the Purchasing Department "Zelenii Istok" company, Master Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kolesnikov.ueno@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 24.04.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 27.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2022

Информация для авторов

К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не выходившие в русскоязычных изданиях. Предоставление автором/авторами рукописи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде. Принятие рукописи к публикации предполагает бесплатную бессрочную передачу автором/авторами текста неисключительных авторских прав редакции.

Предоставляя рукописи в редакцию журнала, авторы тем самым подтверждают согласие с принципами публикационной этики издания и процедурами обработки рукописей (см. детали на сайте издания).

В работе с рукописями редакция исходит из существования нескольких жанров научных текстов: 1) научная статья, 2) отчет о работе круглого стола/научного семинара, 3) научная рецензия, 4) публикация исторического источника и научный комментарий к нему, 5) сообщение о научном событии. Разделение на жанры преследует цель совершенствования научной экспертизы рукописей и дифференцированного подхода к текстам разного назначения. Обобщенно редакция выделяет жанр статьи и жанр материалов (с поджанрами; см. ниже).

Стремясь к совершенствованию исследовательской практики научного сообщества, редакция понимает под научной статьёй отчет о логически завершённом исследовании познавательной проблемы, осуществлённом посредством применения научного метода. Соответственно, характерной чертой научной статьи является её методолого-методическая насыщенность, признаками которой являются а) чёткое описание объекта, предмета, цели и задач исследования, б) обсуждение и оценка фактологической и методолого-методической основы исследования, в) обобщение и выводы. Именно эти четыре признака лежат в основе различия "статей" и "материалов" в практике редакционной работы.

Материалы включают следующие поджанры:

- материалы круглого стола/семинара – стенограмма или авторские материалы научного обсуждения актуальной познавательной проблемы;
- научная рецензия – критический отзыв на публикацию, раскрывающий её содержание и дающий оценку её познавательного значения;
- научный комментарий к историческому источнику – текст, сопровождающий публикацию документа, задающий его исторический контекст, разъясняющий необходимые детали (упоминаемые в нём события и персоналии и т. п.), дающий оценку документа как источника по указываемым в комментарии познавательным проблемам;
- сообщение о научном событии – краткий обзор одного или нескольких научных событий (конференций, семинаров и т. п.), включающий содержательное мнение автора о значении этих событий для развития области знаний.

Рукописи статей подлежат научному рецензированию. Рукописи иных материалов проходят редакционную экспертизу на предмет соответствия тематическому профилю журнала и научно-познавательной актуальности.

Рукописи проходят редакционный отбор. Рукописи, не соответствующие содержательно-тематическому профилю журнала, редакционным требованиям к оформлению и комплектности, не рассматриваются.

Рукописи статей публикуются в порядке их поступления в редакцию. Редакция журнала оставляет за собой право сокращать и редактировать рукописи статей, а также переносить их публикацию в один из ближайших номеров. Право на первоочередную публикацию имеют статьи членов редколлегии журнала, а затем статьи аспирантов и докторантов.

Один автор (индивидуально и в соавторстве) не может опубликовать в журнале в течение календарного года более двух статей.

Доля заимствований из предыдущих публикаций автора в рукописи, направляемой им в журнал, не может превышать 25%.

Плата за публикацию статей не взимается, гонорар не выплачивается. Авторские экземпляры иногородним авторам не высылаются.

Требования к оформлению направляемых в редакцию материалов

1. Формат файла должен быть совместим с Microsoft Office Word.
2. Файл не должен содержать встроенных стилей и специального форматирования.
3. Формат страницы А4. Поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 2,5 см.
4. В заголовках не применять ЗАГЛАВНЫЕ символы без необходимости, простановка буквы "ё" в тексте рукописи обязательна.
5. Шрифт Times New Roman, размер знака 14 пт, межстрочный интервал 1,5.
6. Объём основного текста присылаемых рукописей (без учета аннотаций и списка литературы):
 - статей – от 0,5 до 1,0 авторского листа (20–40 тыс. знаков с пробелами);
 - материалов в рубрику "Научная жизнь" – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков);
 - комментариев к историческому источнику (в рубрику "Архив") – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), текст исторического источника не должен превышать 1,0 авт. листа (40 тыс. знаков);
 - материалов в рубрику "Рецензии" – не более 0,5 авт. листа (20 тыс. знаков).
7. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов) на русском языке и их транслитерация латиницей, название статьи (на русском и английском языках), аннотация (на русском и английском языках), ключевые слова (на русском и английском языках).

- русском и на английском языках), текст статьи, список использованной литературы, список сокращений (если есть), подписи к рисункам и диаграммам (если есть), информация об авторе (авторах) на русском и английском языках.
8. Аннотация должна включать информацию о предмете, методологии и результатах исследования. Объём аннотации на русском языке – 500 (±100) знаков, на английском языке – 1000 (±100) знаков.
 9. Количество ключевых слов и фраз 5–7, количество слов внутри ключевой фразы не более 3 – так, чтобы общее количество слов не превышало 15. Ключевые слова должны быть упорядочены – от общих, соответствующих проблеме, к частным, отражающим детали исследования, методику.
 10. Текст рукописи может включать не более двух уровней заголовков.
 11. Ссылки в тексте статьи являются внутритекстовыми и оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведённой цитаты или упомянутого факта. В случае одновременной ссылки на несколько работ, сами ссылки помещаются внутрь одной пары скобок и отделяются друг от друга точкой с запятой.
 12. Ссылка на неопубликованный архивный или иной документ внутритекстовая, она не помещается в список литературы. Такая ссылка оформляется круглыми скобками.
 13. В случае, если рукопись включает таблицы, иллюстрации, диаграммы, в тексте должны быть ссылки на эти объекты.
 14. Таблицы, иллюстрации, диаграммы должны снабжаться поясняющей подписью, в которой даются название/заголовок и указывается авторство или источник происхождения: ссылка на элемент списка литературы, неопубликованный источник, иная ссылка.
 15. В силу того, что изображения в текстовый файл не вставляются, поясняющие подписи к иллюстрациям помещаются после списка литературы особым списком (даже если иллюстрация одна). Все подписи к иллюстрациям необходимо сопровождать переводом на английский язык.
 16. Рисунки, карты и т. п. принимаются в наиболее распространённых графических форматах (eps, ai, jpeg, bmp, tif) отдельными файлами с разрешением 300–450 dpi; вставлять графический файл в текстовый не следует!
 17. Имя графического файла с иллюстрацией – порядковый номер иллюстрации в рукописи.
 18. Диаграммы должны быть представлены в исходном виде, а не как рисунок, т. е. сопровождаться таблицей данных. Для этого диаграммы необходимо выполнять и предоставлять в формате электронных таблиц Microsoft Excel. Каждая диаграмма должна быть расположена на отдельном листе файла электронной таблицы.
 19. Ввиду чёрно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трёх цветов (чёрный, белый, серый 50%).
 20. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых, ГОСТ Р 7.0.12-2011) обязательна и даётся в конце текста рукописи после списка литературы.
 21. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учёта соавторов и хронологии.
 22. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на кириллице, далее на латинице, и после на других системах письма.
 23. В одном пункте списка литературы не может быть больше одной ссылки на один том издания.
 24. Библиографическое описание элементов списка литературы выполняется по ГОСТу Р 7.0.100–2018 "Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления" (см. образец оформления рукописи).
 25. Ссылка на работу, опубликованную на восточном языке, должна включать описание на языке оригинала и полный перевод описания данной публикации на русский язык.
 26. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать.
 27. Русскоязычный список литературы должен сопровождаться его англоязычной версией ("References"). В "References" после полного перевода описания неанглоязычной публикации на английский должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.). Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution).
 28. Сведения об авторе (авторах) рукописи должны включать: фамилию, имя, отчество, учёную степень, учёное звание, место работы, должность, адрес электронной почты, ORCID (при наличии).
 29. Присылаемому файлу (файлам) следует присваивать только фамилию автора (первого автора). В случае, если рукопись имеет нескольких авторов, редакция ведёт переписку с первым автором.
 30. Материалы представляются в редакцию в электронном виде без архивации в виде набора файлов. Адрес электронной почты: izvestyavi@yandex.ru

**Обращаем внимание авторов,
что рукописи статей, подготовленные с нарушением вышеуказанных требований,
редакцией к рассмотрению не принимаются.**

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 3 (55) • 2022

Ответственный редактор А. А. Киреев
Корректор О. А. Золотухина
Компьютерная верстка В. Н. Караман
Дизайн обложки Е. А. Андреева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет", 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Цена свободная

Дата выхода в свет
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 12,9. Уч.-изд. л. 15,87.
Тираж 100 экз.
Заказ

Отпечатано в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета, 690950, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

ISSN 2542-1611

9 772542 161006